

Блэк Сити #2

Феникс

Элизабет Ричардс

<http://vk.com/club53732784>

Эш с Натали начинают строить свою совместную жизнь, когда дела в Соединенных Штатах Стражей все ухудшаются. И Эш с Натали оказываются в самом центре массовых волнений, когда диктатор Пуриан Роуз угрожает лишить Натали жизни, если Эш не проголосует за «Закон Роуза» – закон, который позволит выслать всех Дарклингов и других инакомыслящих в концентрационный лагерь под названием «Десятый». Когда Эш не может заставить себя торговаться жизнью Натали, ради миллионов Дарклингов – её судьба предрешена. Но появляется Элайджа Теру, красавец-Бастет, которого Натали однажды спасла из лабораторий своей матери, где над ним ставили эксперименты и пытали. Это его яд, и таких как он, использовали Стражи, чтобы создать смертоносный «Золотой Дурман», являвшийся ядром правительственного заговора, приведший к восстанию Блэк Сити. Когда Эш переродился и восстал из мертвых Фениксом, став лицом Восстания. Элайджа вернулся и Эшу он не нравится. Для него очевидно, что Бастет связан с Натали и Эш боится, что у неё есть чувства к этому парню. Но у Элайджи может так же быть ответ, как уничтожить мощное оружие Пуриана Роуза под названием «Ора». Эшу, Натали и Элайдже, чтобы выяснить это, необходимо уйти незамеченными из Блэк Сити. Но сбежать из города и найти это оружие (если оно действительно существует), проще сказать, чем сделать, и решение этих задач может разлучить Эша с Натали, и даже скорее толкнуть их в объятия других.

Элизабет Ричардс Феникс

Часть I

БЛЭК СИТИ В ОГНЕ

ПУРИАН РОУЗ ступил на балкон своей Золотой Цитадели, поправляя на правой руке перчатку из хлопка. Солнце только-только начало садиться над городом, заставляя позолоченные камни строений сиять. Он был встречен мелодией миллионов голосов, которые зывали к нему через весь мегаполис, объединяясь в обычной вечерней молитве. Обычно это бы вызвало улыбку на его тонких губах. Центр — его творением, его идеальная картина мира: комбинация чистоты, веры и власти.

Но только не сегодня.

Как он мог быть счастлив, если то, над чем он так усердно работал, находилось в опасности? Потребовалось пятнадцать лет кровопролития, взяточничества и решительности, чтобы построить свою утопию, но этот полукровка и его подружка, предательница расы, угрожали пустить прахом все его усилия. Роуз согнул правую руку, раздраженный тем, что перчатка была не по размеру. Все должно быть безупречно; слишком много было поставлено на карту, чтобы позволить даже малейшее несовершенство.

На площади под его балконом группа рабочих готовила сцену для телевизионного референдума, который пройдет через несколько дней, когда вся страна будет голосовать за его сегрегационные законы. Голосование должно было пройти еще два месяца назад, но из-за событий, произошедших в Блэк Сити: бесчинств между его гвардейцами Стражей и Дарклингами, в результате чего был убит подросток; Эмиссар Бьюкенан лишилась свободы за то, что отравляла граждан наркотиком, зная, что «Золотой Дурман» может привести к смерти; попытка проведения казни полукровка, которого теперь зовут Феникс, — оно казалось совсем не ко времени. Общественное мнение о его правительстве никогда не было столь низким.

Но это было несколько недель назад, а память у людей короткая. Он был терпелив, мог потянуть время, дожидаться нужного момента, чтобы нанести удар, даже, несмотря на то, что у него так и чесались руки заставить горожан Блэк Сити понести наказание за то, что посмели бросить ему вызов. «Нет страха, нет власти!» — скандировали они. Поначалу это вызвало у него ярость, но он нашел способ повернуть ситуацию в свою пользу. Он был, если угодно, очень находчив.

Ему на глаза попались два черных муравья, ползущих по позолоте балюстрады, что огибала по краю балкон, при виде которых в его серых глазах тут же вспыхнуло раздражение. Несмотря на всю свою власть, он все еще не мог оградить Свое Всесилие от вторжения маленьких существ в свой мир, который так тщательно создавал. Прямо как повстанцы в Блэк Сити.

Его заставил обернуться звук шагов. В дверном проеме стоял его слуга — молодой человек по имени Форсайт, одетый в белые длинные одежды с эмблемой красной розы на груди. Это была униформа Паломников — преданных сторонников «Чистоты веры». Слуга поклонился.

— Ваш Транспортер готов, Ваше Превосходительство, — сообщил Форсайт.

Роуз просто кивнул, отпуская мужчину, потом опять обратил все свое внимание на муравьев. Он некоторое время смотрел на насекомых, прежде чем раздавить их рукой в белой перчатке.

Он и так ждал достаточно долго. Пришло время привести свой план в действие. Пришло

время, когда нужно напомнить Эшу Фишеру и Натали Бьюкенан, почему им стоит его бояться.

ВОЗЛЕ МЕНЯ по рельсам гремит паровой трамвай, извергая в серые небеса Блэк Сити облака сажи. Я вынимаю сигарету из своей пачки, предписанной Стражами, и засовываю ее между губ, не потрудившись прикурить. Никотин не дает мне тех же ощущений как прежде; ничто не пьянит меня, как сердце, бьющееся в моей груди. Ритуал с сигаретой нужен мне для того, чтобы занять свои руки, когда я нервничаю. Пальцы находят маленькую коробочку в кармане куртки, и меня сводит желудок.

Я шагаю по Высотке, самому бедному району города, и сворачиваю на Шлаковую улицу — узкая дорожка, втиснутая между рядами плотно стоящих друг к другу зданий из шлакоблоков. Как раз на моем пути, на улице играют трое мальчишек. Двое размахивают игрушечными деревянными мечами, изображая из себя гвардейцев Стражей. Они гоняются за третьим, который одет в черное, а на рукавах оранжевые ленточки, которые кажутся языками пламени, когда он бежит. Мне требуется кое-какое время, чтобы сообразить, что мальчишка притворяется мной. У меня сжимается грудь, когда я наблюдаю за ним, вспоминая настоящий огонь, который полыхал на моих руках, сжигал плоть с костей...

Мальчишка смотрит на меня большими карими глазами.

— Феникс! — выкрикивает он.

Ребенок подбегает ко мне.

— Я видел тебя в новостях на днях, — говорит Малыш Феникс. — А ты, правда, угнал тот грузовик Стражей?

— Угу, — говорю я, убирая свою незажженную сигарету в карман.

— И вместе с машиной и все те медикаменты из штаб-квартиры Стражей? — спрашивает он.

— Ага, — говорю я.

— Ух, ты, — все мальчишки говорят в унисон.

С момента восстания, которое произошло два месяца назад, правительство Стражей нашло способы, чтобы ударить по нам как можно сильнее, например, задерживать поставку медикаментов из наших больниц или прекратив поставки синтетической крови «Синт-О» в гетто Дарклингов, известное, как «Легион». Я работаю с «Людьми за Единство» (повстанческая организация, проводящая кампанию по объединению наших рас), чтобы защитить народ города. Позади них открывается парадная дверь и на пороге появляется милостивая женщина средних лет с волосами песчаного цвета, вытирающая руки о полотенце. Я видел её несколько раз на повстанческих митингах, однако, мы ни разу не перекинулись, ни единым словом. Кажется, её зовут Салли.

— Мальчишки, а ну живо внутрь и оставьте юношу в покое, — говорит она.

— Нуу, мама, — канючит Маленький Феникс.

— Никаких «нуу мама», — говорит она, приглашая их войти.

Она одаривает меня застенчивой улыбкой, когда они входят в дом.

— Я, правда, восхищаюсь тем, что ты делаешь, — тихим голосом говорит она. — Я думаю, ты очень храбрый, раз решился противостоять Пуриану Роузу. Это придало мужество многим в этой стране, чтобы решиться поступить так же.

— Спасибо, — говорю, потирая затылок.

Она слегка краснеет.

— Ну что ж, удачи завтра на выборах. Я буду голосовать против «Закона Роуза», — говорит она. — Война закончена, пришло время простить друг друга и двигаться дальше.

— Я ценю Вашу поддержку, — отвечаю я. — Увидимся завтра.

Я иду в сторону маленького домика в конце переулка и стремительно обхожу одноэтажное здание. Как я и надеялся, окно в спальню открыто. Я забираюсь внутрь, очень осторожно, стараясь не шуметь, и приземляюсь уже по другую сторону.

Крошечная комната заставлена старой мебелью: стол, две кровати, две тумбочки и шкаф. Половина, занимаемая Дей — безупречна, в то время как сторона Натали завалена журналами, обувью и бельем для стирки. Её ночной столик усыпан косметикой, плюс маленький контейнер с лекарствами для сердца, которые я украл у Стражей, когда мы ворвались к ним за своими медикаментами. Я аккуратно пробираюсь сквозь беспорядок и склоняюсь над её кроватью. Из-под одеяла, сшитого в ручную, выглядывает только лицо Натали, её золотые кудри рассыпаны по подушке.

— С днем рождения, блондиночка, — шепчу я.

Солнечный свет попадает на её светлые ресницы, когда они сонно трепещут.

— Ты мне как раз снился, — говорит она.

— Надеюсь, только хорошее? — спрашиваю я, скидывая с себя куртку.

Она хватается меня за пояс и тянет к себе в кровать, заставляя деревянные рамы скрипеть под нами. Я переживаю, что Самрина (опекун Натали и её сестры Полли), может нас услышать, но эту мысль быстро отесняет на задний план поцелуй Натали в губы. Все растворяется, нет никого и ничего, только мы и наши сердца, бьющиеся в унисон. Моя рука скользит вниз по ее телу, пробегая по мягкой хлопковой ночной рубашке, пока не находит шелковую гладкость её ног. Мои пальцы проводят по маленькой отметине на её икре, которую несколько месяцев назад оставил Дарклинг, укусив её. Натали неожиданно перестает целовать меня и резко поднимается. Её щеки пылают, она смотрит на кровать Дей. Она испускает долгий выдох, когда понимает, что там пусто.

— Могло получиться неловко, — говорит она.

Я усмехаюсь:

— Да уж, я не стал бы сдерживать себя, будь она здесь.

Натали, глядя на меня, приподнимает бровь.

— Ну ладно, может и стал бы.

— Ну, раз мы одни... — Она игриво пробегает пальчиками по моей рубашке, расстегивая пуговицы.

— Натали, не надо, — говорю я, хватая её за запястье.

Она чуть хмуриться.

— Я просто подумала, раз сегодня мой день рождения...

— Ты же знаешь, я не могу.

— Доктор сказал, что твои ожоги зажили. Разве мы не можем попытаться? Прошло столько времени, когда мы... — Она не закончила предложение. Прошло больше двух месяцев с нашей физической близости. — Эш, я люблю тебя. И мне плевать, как ты выглядишь.

— Тогда полагаю, нам повезло, что я такой жеребец, — дразню я её.

Она пытается улыбнуться, но по глазам видно, как она разочарована.

— Я очень хочу тебя, — говорю я, нежно проводя большим пальцем по её щеке.

— Правда? — шепчет она.

— Конечно. Только об этом и думаю, поверь мне.

— Тогда почему мы не можем....

Мое тело напрягается. Потому что я урод?

— Прости, Эш. Я не хотела давить, — говорит она, видя как мне неудобно. — Это все неважно, я могу подождать. Простишь меня?

Я снова целую её. На этот раз решительно, жадно, показывая ей, сколько она значит для меня. Я очень хочу её — Господи, да я хочу её так, что это просто не выразить словами. Она вздыхает, когда мои клыки нежно прикусывают её нижнюю губу.

К чертям.

Я стягиваю через голову рубашку и бросаю её на пол. Я ложусь и затаскиваю Натали на себя. Моё сердце бешено колотиться. Это впервые, когда Натали увидит мои шрамы, после того, как я был доставлен в больницу, после моей неудавшейся казни. Ее пальцы пытливо исследуют мою кожу. Её прикосновения легки, как перышко, когда она скользит по лоскутной обгорелой коже моего торса. Я слегка вздрагиваю, кожа на шрамах все еще очень нежная.

Ожогов на спине, шее и руках почти не осталось, и через несколько месяцев те, что на плечах и предплечьях не вызывали особого опасения. Хотелось бы мне, чтобы я полностью исцелился, ненавижу эти шрамы, как напоминание о том дне. Но этого не произойдет. Так что теперь, я просыпаюсь по ночам с криками, убежденный, что снова горю.

— Из-за чего ты так переживал, дурачок? — наконец шепчет Натали. — Ты всерьез считал, что меня могут испугать несколько шрамов.

— Я не совсем тот парень, в которого ты влюбилась, — говорю я.

— Это, правда, — говорит она, кладя руку мне на грудь, поверх сердца. — Ты стал лучше. Эш, ты пожертвовал собой, чтобы спасти меня. Поверь мне, ты заработал сто очков, как мой парень.

Я улыбаюсь.

— Может быть, я могу в будущем и цветов тебе тогда не покупать.

Она смеется.

Я нежно беру её лицо в свои ладони, и она перестает смеяться, её настроение меняется. Мои глаза впиваются в неё. Я люблюсь симпатичными ямочками на её щеках, васильковыми глазами и нежным изгибом губ.

У меня все холодеет внутри, когда, словно из ниоткуда, появляется чувство, будто я вот-вот потеряю её. Это же ощущение возникло у меня во время распятия. Пока Пуриан Роуз оставил нас в покое, но надолго ли? Я целую её, заставляя эти мрачные мысли отогнать подальше.

— Именинница, чем бы тебе хотелось сегодня заняться? — бормочу я рядом с её губами.

— Этим, — отвечает она.

— Мне это по душе.

Наши планы внезапно рушатся, когда раздается стук в дверь. Мы едва успеваем натянуть одеяло, чтобы прикрыться, когда в комнату входят Самрина, мой папа и Жук. Жук ухмыляется, когда видит меня, розовая кожа на его изуродованной щеке сморщивается — неприятное напоминание о взрыве части Пограничной Стены. Самрина не может скрыть шока при виде моих ожогов, бормоча «боже милосердный», в то время как мой папа смотрит

на меня изможденными глазами и морщит лоб. Его волосы совсем седые, в тон сутаны, от чего он выглядит старше лет на десять. Стресс от потери мамы, за которой последовали суд и распятие, сказался на нем не лучшим образом.

— Я подумал, что ты можешь быть здесь. — Он протягивает мне мою рубашку.

— Мы с Натали просто разговариваем, — натягивая ее, спешно говорю я, в то время как Натали зарывается глубже в простыни.

Жук смеется, потом быстро маскирует смех под кашель, когда я бросаю на него хмурый взгляд.

— Предположу, что это не визит вежливости? — спрашиваю я его.

— Извини, братан. Но ты нужен Легиону. Там случился инцидент, — отвечает Жук, быстро добавляя, — все живы. Но лучше будет, если Роуч введет тебя в курс дела.

Я хмурюсь. Должно быть, действительно случилось что-то серьезное, если он оставил тетку Роуч (главу организации «Люди за Единство»), чтобы прийти и рассказать мне о произошедшем.

— Я тоже нужна? — спрашивает Натали.

Жук смотрит в пол:

— Нет, только Эш.

— О, — разочарованно говорит она.

Я потираю шею сзади, словно стряхивая взгляд Натали.

— Все нормально, Эш, — говорит она. — Тебе нужно идти; похоже, это важно. Увидимся вечером?

Я одариваю ее целомудренным поцелуем в щеку, не желая давать отцу причин, для скорейшего появления грыжи.

— Увидимся позже, именинница, — говорю я, влезая в свой жакет. — Я отдам свой подарок вечером.

Я просовываю руку в свой карман, чтобы проверить на месте ли коробочка. Я испытываю волнение и беспокойство от предвкушения сегодняшнего вечера, потому что собираюсь устроить ей сюрприз-вечеринку по случаю празднования её дня рождения, который планировал в течение последних недель, но это еще не все. Сегодня я собираюсь сделать ей предложение руки и сердца.

МЫ ПРОТАЛКИВАЕМСЯ вниз по унылой улице, которая переполнена жителями воспаленными глазами, шагающими на работу. Некоторые из них, проходя мимо, кивают мне. На витринах, стенах и столбах наклеены сотни листовок «Людей за Единство», на них слоганы типа — «НИ СТРАХА, НИ ВЛАСТИ!» или «ЕДИНАЯ СТРАНА», или «СКАЖИ НЕТ «ЗАКОНУ РОУЗА»!». На одном из постеров изображен я, хмуро глядящий вдаль, позади меня развевается дым — Феникс, возрождавшийся из пепла. Роуч сократила меня с Черного Феникса просто до Феникса, думая, что так будет проще выкрикивать во время митингов.

Внезапно Жук бросается на другую сторону улицы, и я спешу за ним, лавируя между паровыми трамваями.

— А разве нам не в Легион? — спрашиваю я.

— Да, но там, на Вытяжке что-то происходит и тебе сначала надо туда заглянуть, — говорит он. — Это не займет много времени.

Мы пересекаем улицу Единения и идем в сторону заводского района Вытяжка, где большинство беднейших горожан, известные, как Бутсы, зарабатывают себе на жизнь. Это мрачное место, с шумными заводами по производству шлакоблоков, трубы которых изрыгают токсичный дым в небо, способствуя образованию густых черных облаков над городом.

Единственный всплеск цвета исходит от гигантских цифровых экранов на вершине зданий, которые постоянно крутят последние новости правительственного канала, Си-Би-Эн. Мониторы мерцают, появляется ведущая, привлекательная блондинка, Фебрари Филдс, которая улыбается надутыми красными губками.

— А теперь прослушайте объявление нашего правительства, — говорит она.

На экране появляются симпатичные юноша и девушка, оба блондины с голубыми глазами. А под ними было написано «ЕДИНАЯ ВЕРА, ЕДИНАЯ РАСА, ЕДИНАЯ НАЦИЯ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ЕГО МОГУЩЕСТВА». Роуз запускает эти ролики уже в течение нескольких недель, в качестве рекламы к предстоящим завтрашним выборам. Мне становится дурно, когда я думаю об этом. Если мы проиграем эти выборы, тогда мой народ будет заперт навечно, пойманный в ловушку Пограничной Стены. Никакого насилия.

Неожиданно новости прерываются, и на экране появляется мое лицо.

— А теперь прослушайте сообщение от своих освободителей, — говорит женский голос.

Голос принадлежит Джуно Джонс, ведущему репортеру Новостей Блэк Сити и одному из самых высокопоставленных членов «Людей за Единство». Мы исказили её голос, чтобы он остался не узнаваемым.

Недавно повстанцы запустили свои проморолики в отместку рекламе Пуриана Роуза, взломав правительственный канал вещания. На экране идет фильм, где я шагаю по гетто Дарклингов — разваливающиеся трущобы, в грязи, со сточными канавами прямо на улице. Истощенные дети Дарклингов тянутся ко мне и я передаю им мешки с Синтетической Кровью из грузовиков Стражей, которые мы захватили на прошлой неделе. Кадры сменяют один другой и вот теперь я в переполненной больнице, где медсестрам, которые заботятся о Разъяренных (Дарклинги, которые смертельно больны вирусом C18) передаются

медикаменты. Ролик заканчивается нашим слоганом: «НИ СТРАХА, НИ ВЛАСТИ!»

Картинка возвращается к обычному вещанию государственного канала.

— Итак, ты все приготовил для сегодняшней вечеринки Натали? — спрашивает Жук, ведя меня по крутому склону холма с видом на шлакоблочные заводы.

Пальцы снова нащупывают в кармане коробочку:

— Ага, думаю, да.

— Всё на барже. Нужно просто все установить. Ей понравится.

— Уверен? Все должно быть идеально, — говорю я.

— Хорошо психовать, чувак.

На вершине холма мы встречаемся с молодой, маленького росточка темнокожей женщиной с коротко стриженными волосами. Она одета в комбинезон тусклого серого цвета, как и другие заводские рабочие.

— Эш, это — Фрея, — говорит Жук. — Она присоединилась к нам недавно. Из отделения «Людей за Единство» Эмбер Крик.

В последние два месяца мы сумели организовать по всей стране пятнадцать новых фракций «Людей за Единство», увеличив число наших сподвижников, которое превышает теперь больше пяти тысяч, и растет с каждым днем. Это все еще капля в море, по сравнению с силами Пуриана Роуза, но это многообещающее начало.

— Рада нашему знакомству, Феникс, — говорит Фрея.

— Аналогично. Из Эмбер Крик до Блэк Сити путь неблизкий.

— Мне хотелось быть в центре событий.

— Итак, в чем дело? — спрашиваю я.

— Я отслеживаю кое-какую подозрительную активность внутри шлакоблочных заводов, — объясняет Фрея. — Впервые, я заметила подобное в Эмбер Крик и когда я сказала об этом Роуч, она сказала, что тоже самое происходит и здесь. Поэтому она попросила меня провести расследование.

Я бросаю вопросительный взгляд на Жука.

— Почему я об этом ничего не знаю?

Кончики его ушей розовеют.

— Братан, Роуч просто не хотела беспокоить тебя. Она думала у тебя и так забот полон рот, но мне показалось, что ты бы захотел знать.

— Спасибо, — говорю. — Итак, что это за «подозрительная активность»?

Фрея указывает на завод, который стоит у основания холма. Поначалу, мне кажется все совершенно обычным — обыкновенные рабочие загружают грузовики шлакоблоками, медленно сгорающие топливо, которое используется для питания заводов, поездов и трамваев. А затем я замечаю их — троих мужчин, одетых в темно-красные одежды, которые возникают из недр завода. Все два с лишним метра ростом, с густыми бровями и светоотражающими серебристыми глазами. Головы у них чисто выбриты, за исключением узкой полосы длинных, похожих на мех волос в центре черепа.

Люпины.

Единственные, кого Дарклинги ненавидят больше Стражей — это Люпины, так как они встали на сторону правительства во время войны. Самый высокий Люпин одет в кроваво-красный сюртук, а в его серебряные волосы вплетены человеческие зубы. Он выкрикивает какие-то приказания остальным двум, затем возвращается на завод, в то время как те забираются в грузовик и уезжают.

— Они забирают все поставки в штат Горный Волк, — говорит Фрея.

— Для чего им требуется столько топлива? — спрашиваю я. — Одно этого грузовика городу хватит на целый год.

— Пока не знаю, но я пытаюсь получить доступ к головной офис, чтобы скачать журналы поставок, — говорит Фрея. — Однако, это не просто. У них там стоят начеку вооруженные охранники, но я постараюсь.

— Сделай все возможное. Держи меня в курсе, — прошу я.

Мы оставляем Фрею и идем обратно в город. Боль пульсирует в висках, и я их массирую пальцами.

— Ты в порядке, приятель? — спрашивает Жук, когда мы сворачиваем в Городскую Оконечность — улицу, идущую параллельно Пограничной Стене, которая окружает гетто Дарклингов.

Я киваю.

— Просто переживаю из-за завтрашнего дня.

— Все будет пучком. — Жук глядит на часы. — Мне бы лучше вернуться на свою баржу и заняться приготовлениями для вечера.

У меня снова начинают пошаливать нервы.

— Не переживай, дружище — ей понравится, — говорит он.

Жук переходит трамвайные пути, в то время как я продолжаю идти вниз по Городской Оконечности, не особо переживая, что могу быть схваченным кем-нибудь из Ищеек (элитное подразделение гвардейцев Стражей), хотя прекрасно знаю, что они следят за мной. Если я сейчас резко обернусь, то не сомневаюсь, что увижу одного из этих головорезов, прячущегося в проулке, делая вид, что ему со мной вовсе не по пути. Но это все фигня; я всегда могу, когда мне надо, сбросить их с хвоста.

С тех пор, как случились беспорядки, за которыми последовало моё распятие, у правительства Стражей очень низкий уровень доверия горожан. Сейчас для правительства не самое подходящее время, чтобы продемонстрировать свою власть — «заниматься уничтожением мелких сошек», как выражается Роуч — это только подольет масла в огонь. Что очень беспокоит Пуриана Роуза. Об этом он сам мне сказал, когда нанес неожиданный визит, после того, как меня выписали из больницы.

Однако правительство никуда не делось, просто теперь они работают меньше на виду. До меня доходят слухи о таинственном исчезновении людей причастных к восстанию. Нет никаких доказательств, что правительство как-то с этим связано, потому мы и не можем что-то с этим сделать. Но мы-то знаем. Пока мы продолжаем подпольно собираться и выходить несанкционированно в радиоэфир, и все это в надежде получить как можно больше поддержки, которая нам так сильно завтра понадобится. Если честно, я понятия не имею, как все будет. Все, что в моих силах, это надеяться, что я убедил достаточное количество людей проголосовать против «Закона Роуза».

Звук стука копыт отрывает меня от моих раздумий. Я оборачиваюсь. Со мной равняются две черных лошади, их копыта поднимают на бульжной мостовой пыль столбом. Они впряжены в карету, которая то и дело подскакивает, проезжая по неровной дороге. Я успеваю впечататься в стену, когда карета пронесется мимо. Карета останавливается и через мгновение дверь её распаивается и наружу выходит Себастьян Иден.

Он одет в новый вариант формы Ищейки: черная фуражка с эмблемой розы спереди, черный военный мундир, подогнанный по фигуре, черные узкие брюки и соответствующие

черные кожаные сапоги. С выбритой головой, в целом, выглядит он очень внушительно, чем в той красно-черной форме, которую носил еще несколько месяцев назад. Прикрепленная к груди серебряная медаль в виде розы, говорит о том, что он занимает довольно высокий ранг в иерархии Ищеек. Его зеленые глаза глядят с презрением, я знаю, что это выражение лица является зеркальным отражением моего лица. Себастьян был телохранителем и парнем Натали, и пару месяцев назад он пытался её изнасиловать. Мы подрались из-за этого, и этот инцидент вызвал восстание, в результате чего был убит Грегори Томпсон, а я был арестован и осужден за его убийство.

— Садись, — приказывает он.

Я смеюсь.

— Ага, разбежался.

Его верхняя губа дергается, он мельком бросает взгляд на повозку. Я ловлю тень от фигуры, сидящей внутри, и волосы на затылке встают дыбом.

— Пока мы здесь с тобой болтаем, возле дома Натали стоит один из моих людей, — говорит Себастьян, понизив голос. — Так что в твоих интересах залезть в карету, кровосос.

— Если ты хотя бы пальцем до нее дотронешься, клянусь...

— И что? — На его губах появляется беспощадная улыбочка. — Она помрет прежде, чем ты до нее дотянешься.

Не существует способа, чтобы проверить, лжет ли Себастьян или нет, но я не могу так рисковать. Я забираюсь в экипаж.

У меня стынет кровь в жилах, когда я вижу, кто сидит напротив меня.

Пуриан Роуз.

Он изучает меня холодными серыми глазами. Я не в силах удержаться и вздрагиваю. Есть в его восковом, словно маска, лице нечто такое, что заставляет нервничать. Карета кренится чуть набок, когда Себастьян влезает на козлы и садиться рядом с возницей. Роуз барабанит по крыше кареты и повозку пускается в путь. Я изо всех сил пытаюсь обуздать панику.

— Что тебе нужно? — спрашиваю я.

— Даже не поздоровался? — с усмешкой говорит он.

— Здравствуйте, — говорю. — Чего тебе нужно?

Он пробегает языком по верхним зубам, и долгое время разглядывает меня. Я ерзаю на своем сидении в ожидании, когда он заговорит.

— Я присматривал за тобой, мистер Фишер, — сказал, наконец, Роуз. — Должен признаться, я восхищен твоим упорством. Это просто удивительное качество, когда кто-то вот так старается, в то время как нет никакой надежды на успех.

— Хм, спасибо? — говорю я. — Но, мне кажется, ты проделал весь этот путь не для того, чтобы сказать мне это. Так чего тебе нужно?

— Всегда прямолинеен, да?

— Это одно из моих качеств, «достойных восхищения», — отвечаю я.

Он наклоняется вперед, и я впиваюсь спиной в пурпурное бархатное сидение.

— Чего я хочу, мистер Фишер, так это того, чтобы завтра ты поддержал «Закон Роуза», — говорит он.

Я рассмеялся:

— Да ты шутишь.

— Нет, юмора у меня ни в одном глазу.

— Не шутит, — бормочу я. — С какого черта мне бы это делать?

Он улыбается.

— Ты, наверное, не забыл, что в нашу последнюю встречу я пообещал разорвать тебя, на мелкие части.

— Что-то такое смутно припоминаю.

— Но я решил на этот раз поступиться своим обещанием, — говорит он. — Если ты не проголосуешь завтра как нужно, тогда я заберу себе мисс Бьюкенан.

У меня замирает сердце.

— И давай я сразу проясню кое-что, — продолжает он. — Я не собираюсь сразу же убивать её. Вместо этого мои гвардейцы буду отрезать от её тела кусочек за кусочком, пока она не станет молить о смерти. Понятно?

Я слабо киваю.

— Не трогай её, — шепчу я.

— Теперь все зависит от тебя. — Он холодно мне улыбается. — Итак, как же мы поступим?

Его ультиматум повисает в воздухе между нами.

Натали или мой народ?

Я смотрю себе под ноги.

Её жизнь в обмен на их свободу.

— Хорошенько поразмыслите над этим, мистер Фишер, — говорит он. — Я очень надеюсь, что ты примешь верное решение.

Он снова стучит по крыши кареты. Повозка вздрагивает и останавливается. Он распахивает для меня дверь, и я выхожу на улицу. Холодный воздух обдувает мне лицо.

— Хорошего дня, — говорит он, а затем, поразмыслив, добавляет. — И поздравь мисс Бьюкенан с днем рождения. Хочется верить не последним.

УГРОЗА ПУРИАНА РОУЗА все еще звенит у меня в ушах, когда карета отъезжает. Ка только он заворачивает за угол, я медленно сползаю на бордюр, тело сотрясается от адреналина.

«Чего я хочу, мистер Фишер, так это того, чтобы завтра ты поддержал «Закон Роуза».

Откровенно говоря, смогу ли я пройти через такое?

Он будет пытаться Натали. Этого я позволить ему не могу.

Но могу ли я предать свой народ? Я знаю, что у моего голоса недостаточно силы, чтобы остановить принятие закона, но люди-то ждут, что я направлю их. Если я проголосую в поддержку «Закона Роуза», какой посыл я им отправлю? С чего бы людям подставлять свои шеи ради Дарклингов, если восставший мальчик-с-плакатов этого делать не собирается? Мы потеряем голоса, и Пуриан Роуз одержит над нами верх, даже не взведя курок.

Я решаю рассказать Роуч о том, что случилось, но тут же отбрасываю эту идею. Убежден, что она посоветует мне голосовать против «Закона Роуза», несмотря на угрозу для Натали. Мятаж — вот единственное, что имеет для нее значение; она принесет в жертву собственного племянника, Жука, если это будет необходимо. Я восхищаюсь ее преданностью делу, но не ее готовностью отдать людей на заклятие.

Не знаю, как долго я сидел на бордюре, но когда встаю, чувствую, что у меня онемели ноги. Я нахожу телефон-автомат и звоню Натали.

— Алло, — говорит она на другом конце провода.

От того, что слышу ее голос, я с облегчением закрываю глаза:

— Привет.

— Все хорошо? — рассеянно спрашивает она, как обычно делает Дей и ее младший брат ЭмДжей. Просто как утверждение.

Я не могу вывалить такое на нее; у нее день рождения.

— Эш?

— Все в порядке, — говорю я. — Слушай, пару минут назад я наткнулся на Себастьяна. У твоего дома может быть наблюдатель Стражей, будь осторожна.

— Ага, мы видели тут поблизости одного, но сейчас его уж нет.

Я прижимаюсь лбом к телефонной будке. Значит, Себастьян не врал.

— Чего ему было нужно? — спрашивает Натали.

— Пожелал нам удачи завтра, — говорю я.

Натали смеется:

— О, не сомневаюсь. Ты в порядке?

— В порядке. Не о чем беспокоиться. Увидимся позже.

Я вешаю трубку и на свинцовых ногах направляюсь в Легион, чтобы выяснить, что там был за «инцидент», о котором Роуч хотела мне рассказать. Я все еще не решил, что делать завтра.

* * *

Двадцать минут спустя я таращусь на пустой склад, который был под завязку забит оружием и военным снаряжением, которое «Люди за Единство» украли у Стражей. Кажется, правительство решило вернуть все себе обратно.

— Они обчистили нас за одну ночь, — говорит Роуч рядом со мной.

На ней серая мужская рубаша, заправленная в черные штаны, и потертые рабочие ботинки. Дреды, которые она недавно выкрасила в синий цвет, свисают до стройной талии. Рядом с ней стоит один из министров Дарклингов, Логан. Она даже больше, чем просто красавица, с поразительно сиреневыми глазами и ниспадающими черными локонами. Она смотрит на меня с привычными смешанными чувствами: раздражением и вины. Логан была одной из трех судей, известных как «Кворум Трех», который вел мой суд два месяца назад и приговорил меня к смерти. Нечто подобное имеет тенденцию напрягать рабочие отношения.

— Как Стражи пробрались в гетто незамеченными? — говорю я.

Логан с Роуч обмениваются понимающим взглядом.

— Что? — спрашиваю я.

— Мы думаем, кто-то поработал изнутри, — отвечает Логан.

— Черт, — ворчу я.

— Не находишь это подозрительным? — говорит Роуч. — Завтра общенародное голосование, а тут внезапно пропадает все наше оружие.

Я расчесываю волосы пятерней. Как, черт возьми, мы сумеем поднять восстание без оружия? Подозреваю, что Пуриан Роуз обзавелся грамотным вором. Должно быть, он все это время шпионит для него изнутри Легиона. Слишком подходящим выбрано время, чтобы можно было все списать на простое совпадение.

— А Сигур в курсе?

— Он сейчас разговаривает с другими министрами, — отвечает Логан.

— Будет проводиться расследование, — добавляет Роуч. — Но сейчас нам надо прикрыть тылы. Я убью этих ублюдков, этих предателей, когда достану их.

Мы покидаем пустой склад, и Логан закрывает двери.

— У нас есть хоть какое-нибудь оружие? — спрашиваю я, когда мы идем по коридору.

— Я приказала лейтенантам, чтобы раздобыли все, что смогут, — говорит Роуч. — Но откликнулось на данный момент не так уж много — несколько винтовок и достаточное количество компонентов, чтобы собрать несколько бомб.

— То есть мы облажались по всем статьям, так? — мрачно спрашиваю я.

— Да, дела обстоят не очень-то, — соглашается она. — Слушай, давай оставим это пока при себе, не стоит об этом распространяться. Ну, знаешь, для поддержания боевого духа?

Я киваю. В связи с предстоящим завтра голосованием, последнее, что должны услышать те, кто нас поддерживают, что нам нечем защититься, а если мы потеряем голоса, Стражи немедля придут за нами. Мне тут же вспомнилась угроза Пуриана Роуза. Что же мне делать?

Открывается дверь в кабинет Сигура и оттуда высовывается голова Джуно Джонс. Ее огненно-рыжие волосы собраны в гладкий пучок, а ее бледно-голубые глаза обведены шлакоблочной пудрой. На ней неприлично узкие кожаные черные брюки и белая блузка с корсетом и гофрированным воротником.

— Мне показалось, я слышала твой голос, — говорит она, затаскивая меня в кабинет. — Мне нужно для завтрашнего голосования снять с тобой несколько роликов.

Роуч и Логан ухмыляется мне, как раз перед тем, как Джуно захлопывает дверь перед их носом.

* * *

— С самого начала, — говорит Джуно час спустя.

Нам нужно записать две речи, чтобы запустить их после завтрашнего голосования —

одну на случай победы, если дела пойдут хорошо, а вторую на случай неудачи. Обе они дают мне ощущение, что при любом моем завтрашнем выборе пострадает кто-то важный для меня. Вопрос в том, кто это будет?

Я ерзаю на своем стуле, пытаюсь устроиться поудобнее, к тому же мне невыносимо жарко в моем потрепанном мундире Фронта Легиона «Освобождение». Мундир был выкрашен в черный, чтобы соответствовать моей униформе, подбором которой придиричливо занимались лидеры повстанцев, чтобы создать образ Феникса. Этот мундир Фронта олицетворяет восстание Дарклингов, в то время как черные штаны и ботинки взяты из моей старой униформы Ищейки. Но теперь, вместо того, чтобы охотиться на Дарклингов, я «охочусь за свободой», по крайней мере, так гласит один из наших слоганов.

Наш оператор и техник, Стюарт — неуклюжий мужчина с ёжиком каштановых волос — вертится вокруг, тихонько поскрипывая, пока младшая сестра Джуно — Эми — спешит ко мне, чтобы подправить мой макияж. Это еще одна вещь, которая ухудшает мое настроение. Они наложили мне тонну шлакоблочной пудры на нос и вокруг глаз, так я, по словам Джуно, выгляжу более похожим на Феникса. Она считает, что так меня будет проще узнать, когда мы будем делать снимки на фоне толпы. Что касается Эми, она хорошо делает свою работу, но я все еще ненавижу эту её работу.

Она краснеет, пока накладывает еще пудры на моё лицо. Пальцы у неё легкие и теплые. Она на год младше меня, и смутно припоминаю, что видел её у школы — когда мы ходили туда. Мы не являлись туда уже несколько месяцев, с тех пор, как примкнули к восстанию. Но наши родители обучали нас, когда у них появлялась такая возможность, так что мы не слишком сильно отстали в обучении. Эми похожа на Джуно. У неё такие же темно-рыжие волосы с бледной веснушчатой кожей. У нее на запястье татуировка горящего черного цветка, копирующая Пепельную Розу, которая стала символом нашего восстания. Жук придумал дизайн. Цвет символизирует Блэк Сити, в то время как горящая роза означает нашу победу над правительством Стражей... или что-то вроде того. Я вроде не очень внимательно слушал, когда Жук объяснял мне это.

— У тебя получается уже намного лучше, — говорит Эми.

— Да я отстой, — говорю я, поправляя свой микрофон. — Не говори своей сестре, но я предпочитаю делать ролики с Джеймсом и Хилари на радио Файерберд. По крайней мере, мне не надо делать макияж.

— Твой секрет умрет со мной, — улыбается Эми.

Прежде, чем мы начинаем снимать, в комнату влетает Сигур, его снежно-белые волосы струятся по плечам. Он одет в свободную пурпурную мантию, которая скрывает его тонкие крылья. Один из его глаз — молочно-белый, тот, что был ослеплен, а второй сверкает оранжевыми отблесками.

— Прошу прощения, но у меня важные дела, которые нужно обсудить с Эшем, — говорит он.

Джуно пытается скрыть разочарование.

— Хорошо, спишем на неудачный денек. Я думаю, у меня достаточно материала, чтобы смонтировать все это, хотя не могу гарантировать, что выйдет хорошо.

— Я уверен, это будет очередной шедевр, как всегда, — говорит Сигур. — Что бы мы без тебя делали, Джуно?

— Я здесь только ради известности и славы, — отвечает она.

Трудно сказать, шутит она или говорит серьезно. Она никогда не скрывала, что когда-

нибудь хочет стать ведущей национальных новостей. Но я знаю, она все еще чувствует себя ужасно из-за той роли, что она сыграла на процессе против меня. В конце концов, это из-за её репортажа меня ошибочно осудили за убийство Грегори. Я думаю, это её способ вернуть мне долг.

Я иду следом за Сигуром по коридору, благодарный за возможность сбежать.

— Так о чем ты хотел поговорить? — говорю я, стирая пудру с лица. — У тебя есть новости о проникновении?

— Нет, мы все еще опрашиваем народ, — говорит Сигур. — Я просто почувствовал, что тебе нужна передышка.

Я улыбаюсь:

— Спасибо.

— Думаю, мне нужно кое-что тебе показать, — говорит он, пока мы спускаемся вниз по металлической лестнице и входим в большой круглый зал в центре пещеры.

Штаб-квартира Сигура расположена в секции для ночных животных в старом зоопарке Блэк Сити. На самом деле это идеальный вариант: темно, безопасно, есть готовые офисы для работы персонала и бывший вольер для животных, который можно использовать для сна. Конечно, моя мама сделала это место по-настоящему домашним, когда жила здесь, так что это место теперь не очень похоже на зоопарк.

Мы бредем в хитросплетении коридоров, пока не достигаем личных апартаментов Сигура. Просторная комната окрашена в красный цвет и обильно заставлена антиквариатом, который Сигур спас из особняков Стражей во время войны. По большей части апартаменты напоминают гостиную, с элегантными диванами и стульями вокруг камина, в то время как большая кровать занимает остальное пространство. Справа от кровати стоит небольшая тумба, на ней шкатулка, керамическая урна и бронзовая расческа. Пряди длинных, темных волос все еще спутаны между зубцами расчески. Меня охватывает печаль — это мамины волосы.

— Мне её не хватает, — говорю я тихо.

— Как и мне, — отвечает он, подходя к тумбочке и притрагиваясь к урне, в которой содержится второе сердце моей мамы. Это традиция Дарклингов — брать себе сердце их Кровной Половинки после её смерти, оставляя себе его как напоминание. — Без неё жизни кажется лишенной смысла.

Я не могу себе представить, каково это потерять свою Кровную Половину. Я вновь тут же вспоминаю угрозу Пуриана Роуза. Что же мне делать? Разве возможно выбрать между Натали и своим народом? Разве будет еще паршивее, проиграй мы это голосование? Разумеется, Дарклинги будут заперты в гетто, по крайней мере, до тех пор, пока будут еще живы. А Натали умрет, в чем я несколько не сомневаюсь, если я послушаюсь Пуриана Роуза. Она моя Кровная Половинка; Сигур меня поймет, как никто другой. Так, если я, правда, и это верю, так почему же не рассказал об ультиматуме Пуриана Роуза?

Сигур ставит урну обратно на тумбочку и достает из ящика фотографию, и протягивает её мне.

На снимке моя мама со своей семьей. Ей здесь лет десять. Я улыбаюсь. В последние несколько недель, Сигур помогает мне воссоздать, что у меня за родственники Дарклинги, находя фотографии и письма, которые они писали своим друзьям до войны. Я изучаю фотографию, которую, похоже, сделали на фоне узкой лесистой долины. Я всматриваюсь в промежутки между деревьями и вижу размытые очертания гор с острыми пиками. Я

переворачиваю фото. На обратной стороне нацарапано Кумбсы, Лес Теней, Эмбер Хиллс.

— Это мои бабушка с дедушкой? — спрашиваю я, указывая на молодую пару, стоящую рядом с мамой.

— Да, их зовут Паоло и Мария Кумбсы. А это твоя тетушка Люсинда. — Он указывает на маленькую девочку-Дарклинга, которая очень похожа на мою маму, за исключением круглого лица и коротких волос.

— А это кто? — спрашиваю я, имея в виду сурового на вид мужчину с родимым пятном в виде сердца на левой щеке, который стоит рядом с Паоло.

— Не знаю. Твоя мама редко рассказывала о своей семье, — объясняет он, доставая старый кожаный дневник из тумбочки и протягивая его мне. — Но может это поможет. Это дневник твоей матери. Я нашел его среди её вещей.

— Ты его прочел?

— Нет, мне кажется, это не совсем правильно, — говорит он. — Однако я уверен, она не возражала бы, если ты прочтешь.

Я пролистываю страницы, всматриваюсь в её размашистый округлый почерк, который совсем не похож на мой. Фото, лежащие между страниц, выскальзывает и падает на пол. Я поднимаю его. На нем моя мама, уже не подросток, но и не взрослая. Она сфотографирована с тетей Люсиндой и двумя девушками внутри какой-то захудалой таверны. На одной из девушек капюшон. У неё экзотические красивые полные алые губы, бронзовая кожа и глаза цвета топаза. Она сидит на подлокотнике инвалидного кресла, в котором сидит другая девушка. Эта девушка похожа на прекрасное бесплотное создание, с широко распахнутыми зелеными глазами и легкими, как дымка, светлыми волосами. Одета она как барменша, потому я предполагаю, что таверна принадлежит её родителям, поскольку, как правило, все члены семьи занимаются общим бизнесом. На обратной стороне фотографии подписано аккуратным почерком 4К. Фракия.

Вдруг сквозь половицы до нас доносится сигнал тревоги. Это Роуч и Логан. Обеспокоенный, я быстро прячу фото между страницами дневника, и мы спешим к главному входу. К тому моменту, когда мы добираемся до места, я понимаю, что здесь творится что-то ужасно неправильное. Группа Дарклингов стоит, что-то окружив на каменном полу, и несколько мятежников бегают и кричат друг на друга. Я перехватываю в толпе взгляды Роуч и Логан.

— Этого существа не должно быть здесь! Кто впустил его? — вопрошает Логан.

— Кто-нибудь, позовите врача! — кричит Роуч.

На полу лежит Фрея, её темная кожа блестит от крови, губы дрожат, когда она втягивает воздух, изо всех сил пытаясь дышать, в черных глазах паника. Грудная клетка и живот Фреи открыты, да так, что видны кишки, которые держит какой-то мужчина — Люпин — присевший на корточки рядом с ней.

Он крепкого телосложения. На вид ему где-то около тридцати. Тяжелые брови сдвинуты над глазами стального цвета. На выбритой голове седая полоска-ирокез. Несмотря на то, что он сидит на корточках, очевидно, что он высок (в нем, по крайней мере, метра два роста). Одет он во фрак дымчато-серого цвета, черные кожаные штаны и ботинки со стальными носками. Я понимаю, почему Логан в такой ярости. У Люпинов нет прав находиться здесь.

Я спешу к Фрее, беру ее за руку:

— Что произошло? — требовательно спрашиваю я.

— Я нашел её у шлакоблочного завода, — говорит Люпин. — Охрана поймала её за

взламыванием головного офиса.

У меня сжимается все внутри. Она предупреждала меня, что он усиленно охраняется.

— И что вы делали на заводе? — спрашивает Сигур Люпина, явно с подозрением.

— Она не единственная собирала информацию, — хрипло отвечает он. — Я как раз скачал с их компьютеров несколько файлов, когда ввалилась эта дурочка, и чуть было все не испортила.

Мои клыки наливаются ядом:

— Не называй её дурочкой.

Фрея переводит свой взгляд полный отчаяния на меня и пытается что-то сказать, но на её губах только кровь пузырится. Все, что она хотела сказать исчезает вместе с её последним сиплым вздохом. Её глаза стекленеют.

Роуч говорит мятежникам, чтобы они унесли тело Фреи в морг. Когда девушку уносят, Люпин поднимается в полный рост, и вытирает окровавленные руки о штаны, прежде чем протянуть одну из них для рукопожатия Сигуру.

— Рейф Гаррик, командир «Первой Ударной Группы», — говорит он.

Сигур делает вид, что не заметил его руки.

— Спасибо, что принесли к нам сюда Фрею, мистер Гаррик. Логан вас проводит...

— Мне кажется, вам захочется это увидеть, — перебивает его Гаррик и достает из своего кармана мерцающую голубую флэшку.

— Что не ней? — спрашиваю я.

— Планы и схемы нового супер-гетто в штате Горный Волк, — отвечает Гаррик.

— Зачем Пуриану Роузу понадобилось строить новое гетто? — спрашиваю я.

— Потому что, когда он завтра выиграет голосование — отправит туда всех Дарклингов, — говорит Гаррик. — И как только туда будут согнаны все Дарклинги, он вас всех убьет.

СПУСТЯ ПОЛЧАСА, все министры Дарклингов и повстанцы собрались в Ассамблее — овальном кабинете, где проходят наши политические заседания. Логан сидит рядом со мной, ерзая на стуле. Видно, что ей неуютно. Она не сводит холодных фиалковых глаз с Гаррика. Рядом с ней сидят два министра-Дарклинга. Первый — мужчина по имени Палло — мрачный на вид Дарклинг-Элока, с темными волосами и блестящими черными глазами, как у меня. Рядом с ним Ангел, Дарклинг-Шу'Цин, с фиолетовыми глазами, темными волосами и когтями на ногах, которые она умудрилась втиснуть в изящные туфли на каблуках. Палло с Ангелом изредка бросают в мою сторону холодные взгляды, едва скрывая свое презрение ко мне. Не всем нравится присутствие полукровки на их священной Ассамблее.

Гаррик вставляет флэшку в настольный комп — большой сенсорный компьютер, встроенный в стол — и все умолкают, как только на экране появляется изображение пяти Люпинов. Три мужчины и две женщины. Я узнаю одного из мужчин. Это Люпин, которого я видел на заводе в красном фраке с украшением из зубов.

— До меня дошли слухи, что банда Люпинов, известные, как «Лунные псы», от имени правительства Стражей вывезли из Блэк Сити большую партию шлакоблоков, — говорит Гаррик. — Я заподозрил неладное. Для чего это правительству? Раз были задействованы эти бандиты, это определенно нужно было для незаконных целей.

— У нас возникли те же подозрения. Вот почему я отправила туда Фрею — провести расследование, — говорит Роуч.

— Моя группа проникла на завод, выдавая себя за «Лунных псов» и мне удалось получить доступ в головной офис. — Он нажимает кнопку на настольном компе и на цифровом экране появляются страницы журнала поставки шлакоблоков. — Обратите внимание, что все время всплывает одно и то же название — гора Альба.

— Вулкан? — спрашивает Логан. — Но этот район был заброшен десятки лет тому назад, с самого извержения.

— Вот именно, — говорит Гаррик. — Поэтому я взломал сеть Стражей, чтобы узнать, почему они посылают так много грузов к вулкану. Вот что я нашел.

Изображение на экране движется, увеличиваясь, приближая гористую местность на территории Соединенных Штатов Стражей. Я сразу увидел пятно вулкана, с его плоской вершиной — он потерял свой пик во время извержения тридцатилетней давности. У его основания растянулась территория города, окруженная стеной, прямо как стена, окружающая гетто Легион, но в гораздо большем масштабе. Территорию города пересекает надпись из блоков: Десятый.

— Это размер небольшого штата! — говорю я.

— Как вы думаете, почему они называют его «Десятый»? — спрашивает Гаррик.

— Потому что это десятый штат, — отвечаю я, понимая.

Он кивает:

— На самом деле, это штат в штате, но название в самую точку.

— Это не доказывает, что правительство планирует уничтожить нас, — говорит Палло грубым голосом.

— Согласна, — присоединяется к нему Ангел. — Это всего лишь гетто. Такое же, как

Легион, разве что больше.

Я гляжу на Гаррика.

— Откуда такая уверенность, что Пуриан Роуз собирается нас уничтожить?

— Не только Дарклингов, — говорит Гаррик, поднимая документы со штампом **КОНФИДЕНЦИАЛЬНО**. — Прочитав эти документы, я выяснил, что Роуз собирается выслать всех грязнокровок...

— Грязнокровок? — переспрашивает Логан.

— Все те, кто, по мнению Роуза, не вписываются в его концепцию «Единой Веры», «Единой Расы», «Единой Нации», — объясняет Гаррик. — Это касается Дарклингов Бастетов, богохульников, предателей совей расы, Даков...

— А что на счет Люпинов? — интересуется Палло.

— Мы не упоминаемся в этих документах, — говорит Гаррик. — Полагаю на нас у него другие планы.

— Тогда почему ты нам помогаешь, если Вам ничего не грозит? — спрашивает Палло.

— Какая тебе выгода от того, что ты расскажешь нам про «Десятый»?

Лицо Гаррика вспыхивает от гнева.

— То, что я Люпин не значит, что я послушно буду делать все, что мне велит Пуриан Роуз. Я, как оказывается, поддерживаю восстание.

— Я в замешательстве, — говорит Логан. — «Закон Роуза» направлен только на то, чтобы отделить Дарклингов от людей, так каким образом он сможет оправдать ссылку других рас в концентрационные лагеря?

— Дарклинги всего лишь разменные пешки в его игре, — объясняет Гаррик. — Правительство играет на напряженности во взаимоотношениях между расами, которая призвана аккумулировать поддержку сегрегации. Но после вступления закона в силу, они намерены внести к нему поправки, чтобы «Закон Роуза» включал все группы...

— А так как они будут добавлены к уже принятому закону, то ему нет необходимости проводить еще одно голосование, — заканчивает мысли Гаррика Сигур. — Он может послать в «Десятый» кого угодно, и это будет совершенно законно.

Ассамблея недовольно ропщет.

— Вы не ответили на мой предыдущий вопрос, — говорю я. — С чего вы взяли, что Роуз собирается нас всех убить?

— Исходя из той информации, что мне удалось собрать, очевидно, что «Десятый» подразделяется на три города. — Гаррик нажимает на кнопку, и на карте подсвечивается трио городов.

Каждый город окружен собственной стеной и соединен с другими сложной системой дорог и железнодорожных сетей. Гаррик указывает на самый большой город на карте «Десятого», который раз в пять больше Блэк Сити.

— Этот город называется Примас-Один. Это базовый лагерь, куда будут ссылаться все вновь прибывшие, до того, как их оценят, а затем распределят в Примас-Два или в Примас-Три. — Он указывает на два небольших города, к югу и востоку от горы Альба. — Будут проверять здоровье заключенных, их возраст, силу и навыки. Те, кто окажутся пригодными для работы будут отправлены в Примас-Два, в качестве рабочих на заводы.

Нам показывается панорама Примас-Два. Город включает в себя десятки крупных промышленных зданий.

— Что производится на тех заводах? — спрашивает Роуч.

— У меня не было времени, чтобы как-то добраться до этой информации, потому как появилась Фрея, за ней появилась половина гвардейцев Стражей из охраны завода, — отвечает Гаррик.

— А что происходит с людьми, которые не подходят для работы на фабриках и заводах? — спрашивает Логан.

Гаррик перемещает карту и показывает нам последний город, с восточной стороны гор.

— Их отправляют в Примас-Три.

Он фокусирует экран на нескольких белых зданиях, с зелеными крестами на крыше, с точно такими же, какие рисуют на медицинских лабораториях. Меня охватывает ужас.

— Он собирается ставить на нас эксперименты? — восклицаю я. — Но для чего?

— Точно не скажу, — отвечает Гаррик. — Но те, бетонные здания рядом с лабораториями — крематории, так что они ожидают, что их испытуемые не выживут.

Мне кажется, что меня вот-вот вырвет.

— Это похоже на концлагерь, который они устроили в Бесплодных Землях, — говорит Логан.

— За исключением того, что этот масштабнее, — отвечает Гаррик. — «Десятый» может разом принять двадцать, может, даже, тридцать миллионов заключенных.

— Завтра мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы «Закон Роуза» не прошел, — призывает Сигур.

Все, соглашаясь с ним, кивают.

— Но разве Пуриан Роуз не попытается отправить нас в гетто, даже проиграй он выборы? — спрашивает Логан.

— Пусть только попробует! — говорит Роуч. — Это выльется в гражданскую войну, если он отправит, так называемых грязнокровок, в «Десятый», если больше половины граждан проголосуют против сегрегации.

Тот факт, что Пуриан Роуз лично приехал в Блэк Сити, и угрожал мне, чтобы я поддержал его закон, говорит о том, что она права. Он не хочет, чтобы это вылилось в гражданскую войну, если он может её избежать.

— Тогда давайте не дадим этому ублюдку ни единого шанса свершить им задуманное! — выкрикивает Роуч. — Мы собираемся выиграть завтрашнее голосование, верно?

— Верно! — скандируют мятежники.

В комнате начал твориться настоящий хаос. Люди принялись обсуждать новый поворот событий, но я был слишком ошарашен, чтобы слушать их. Я снова смотрел на карту. Это намного больше, чем попытка освободить мой народ из гетто; само выживание нашего вида, и многих других под угрозой. Так как же мне завтра поступить? Все сводится к следующему: Чья жизнь дороже? Натали или моего народа?

Честно говоря, я не знаю, как ответить на этот вопрос.

Глава 5

НАТАЛИ

— ЗАКРОЙ ГЛАЗА, — говорит Дей, когда мы подходим к каналу.

Солнце еще только начинает садиться над Блэк Сити, окрашивая здания в приглушенный персиковый оттенок. Со мной Полли, Дей и её младший братишка, ЭмДжей, плюс их родители — Майкл и Самрина. Майкл держит ЭмДжея за руку, помогая ему идти. Забавно видеть их рядом друг с другом, ведь ЭмДжей — точная копия отца. У обоих темная кожа, проникновенные глаза и легкая улыбка. Только спина у ЭмДжея изогнутая, так как он болен кифозом. Я по-настоящему тронута тем, что моя сестра тоже с нами, так как знаю, что она ненавидит бывать снаружи с тех пор, как её подвергли пыткам и изуродовали по приказу Пуриана Роуза.

Хотела бы я знать, был бы он так жесток, если бы знал, что она — его дочь. Я ищу в лице Полли какое-нибудь сходство. У нее те же поразительные металлического оттенка серые глаза, но больше в ней нет ничего от Роуза. Полли дарит мне легкую улыбку. Она все еще умопомрачительно красива, несмотря на зигзагообразные шрамы на щеках. Так здорово видеть свою сестру счастливой. Последние два месяца с семьей Дей сказались положительно на нас обеих. Без мамы было непросто, но Самрина и Майкл заставили нас почувствовать себя частью их семьи.

— Куда же мы идем? — говорю я насмешливо, пока мы продвигаемся вдоль знакомой части канала недалеко от места, где я впервые встретила Эша. Мое сердце сбивается с ритма от мысли о том столкновении под мостом. Я знаю, что они организовали вечеринку — сюрприз для меня на барже Жука — Майкл случайно проболтался на прошлой неделе, но я изображаю удивление, закрывая глаза, когда Дей подводит меня к барже.

— Вот мы и на месте, — говорит Дей.

Я протягиваю руку, чтобы мне могли помочь взобраться на баржу. Прохладная, твердая рука берет мою в ответ. Электрический разряд попадает мне в сердце. Он поднимает меня на лодку, и я смеюсь, приземляясь перед ним.

— Не поглядывать, — говорит он.

Он нежно целует меня и в моем животе начинают порхать бабочки.

— Ну, теперь-то я могу взглянуть? — спрашиваю я, когда он заводит меня внутрь каюты.

— Вперед, — отвечает Эш.

Я открываю глаза и вижу от восторга. Жук украсил всю баржу яркими, цветными, бумажными гирляндами, лентами, а ручной работы плакат прямо над окном гласит: СЧАСТЛИВОГО СЕМНАДЦАТИЛЕТИЯ! Здесь все: отец Эша, моя бывшая служанка Мар а также Жук, Роуч, Сигур, Эми и Стюарт. Эми стремительно несется ко мне и заключает меня в объятия. Мы стали довольно близки с тех пор как она присоединилась к восстанию. Мы даже наши тату Пепельной Розы сделали в одно и то же время.

— Джуно опаздывает, — говорит Эми. — Её вызвали на станцию, так как имеются некоторые срочные новости, и все такое. Ты знаешь, как обычно бывает у репортеров.

Мы все занимаем места на длинных скамьях. Я втискиваюсь между Эшем и Дей, слегка поморщившись, когда сажусь.

— Нога все еще болит? — спрашивает Эш.

— Немножко, — я приподнимаю подол своей фиолетовой тюлевой юбки, открывая неприятный шрам от укуса на моей ноге, где мальчик-Дарклинг отхватил кусочек моей плоти пару месяцев назад. Рана до сих пор так полностью и не зажила. А место вокруг укуса припухло и болело. Я поскребла корку.

— Не карябай, а то останется шрам, — отчитывает меня Дей.

— Ой, прости, пожалуйста, мамочка, не буду, — говорю я, одергивая юбку.

— Начинаем вечеринку! — говорит Жук, хлопая в ладоши. Он приложил немного усилий, чтобы выглядеть хорошо сегодня ночью, надел чистую рубашку и черные брюки, слегка разорванные только в одном месте на колене. Он даже причесал свои обычно растрепанные каштановые волосы.

— Кто будет играть в «Колесо Удачи»? — спрашивает Жук.

Предложение поддержали с радостью все, даже отец Эша, на лице которого появилась легкая улыбка. Может быть он и священник, но и ему не чужды азартные игры. Жук ставит колесо с двенадцатью спицами в центре стола, на каждом конце которых крепится небольшой контейнер. ЭмДжей кладет по бобу в девять контейнеров, и по монете в оставшиеся три. Жук прикрывает контейнеры крышками так, что никому не видно, что внутри и вращает колесо.

— Именинница ходит первой, — говорит Эш, целуя меня в щеку.

Я поднимаю на него взгляд, и мое сердце сжимается. Мысли светятся в его глазах цвета тлеющих угольков. Он опускает длинные ресницы, как будто пытается скрыть от меня то, о чем думает. У меня нет времени, чтобы задуматься над этим, так как моё внимание снова возвращается к игре.

Пока колесо вертится, я быстро поднимаю крышку с одного из контейнеров. Внутри мерцает монетка. Да! Народ вздыхает вокруг.

— Госпожа Удача сегодня на твоей стороне, — шепчет мне на ухо Эш, протягивая монетку.

Невозможно сосредоточиться, когда он так близко ко мне, его прохладное дыхание окутывает меня, восхитительное, пьянящее. Сильное желание разгорается внутри меня, как цветок, расцветающий зимой. Воспоминания о времени, проведенном вместе этим утром, заполняют мой разум, и я подношу руки к своим пылающим щекам, чтобы немного остудить их.

После десяти раундов Дей выигрывает оставшиеся монетки.

— Так не честно! Она жульничает, — возмущается ЭмДжей.

— Не веди себя как жалкий неудачник, сынок, — говорит Майкл, ероша ЭмДжею волосы.

Дей отдает весь свой выигрыш брату.

Я смотрю на Эша, который сидит рядом. Но мысли его витают где-то далеко.

— Монетку за твои мысли, — шучу я.

Эш улыбается, но как-то натянуто.

— Все хорошо? — спрашиваю я, внезапно почувствовав тревогу.

— Все отлично.

— Врешь.

— Давай не будем сегодня об этом, — говорит он. — Я завтра тебе расскажу.

— Говори сейчас, — настаиваю я. Ненавижу секреты.

Эш отводит меня в сторону от играющих и, когда мы остаемся наедине, рассказывает

мне о переменах в Легионе, о Десятом штате. Я прислоняюсь к нему, ошеломленная новостями. Я слышу равномерный стук его сердца сквозь черную рубашку. Это единственный звук, который успокаивает меня в эти безумные времена.

— Как же Стражам удалось отстроить целый штат у нас под носом? — спрашиваю я.

— Никто там уже давно не жил из-за вулканической активности, — объясняет он.

Мои пальцы зарываются в черный материал рубашки Эша.

— Мы не можем позволить этому осуществиться. Мы должны остановить Пуриана Роуза, не смотря ни на что.

Тело Эша напрягается. Я поднимаю на него взгляд, но он просто целует меня снова в лоб. Мы возвращаемся к игре, но настроения для игры у нас больше не осталось. Дей чувствует напряжение в воздухе.

— Время открывать подарки! — говорит Самрина.

Все снова собираются вокруг стола и весело вручают мне свои подарки. Я изображаю улыбку, хотя все, о чем я могу сейчас думать — это Десятый штат.

Полли робко вручает мне конверт, я открываю его. Внутри оказывается фотография, где мы с Полли еще дети, с мамой и папой, чопорно стоящие на заднем плане. Это было еще в те времена, когда мы все были счастливы, до того, как умер мой отец, а мою мать посадили в тюрьму. Даже тогда у нас были свои разногласия, но я очень сильно скучаю по ним обоим. Я обнимаю Полли.

— Мне очень нравится. И она будет отлично смотреться в моей новой фоторамке от ЭмДжей. Спасибо всем! — говорю я.

Эш берет меня за руку.

— Я хочу отдать тебе свой подарок снаружи.

* * *

Снаружи, на палубе воздух оказался свежим и прохладным, на небе зажглись звезды. Прекрасный вечер. Идеальный. Эш ведет меня по небольшой лестнице на крышу баржи. Я задыхаюсь. На крыше установлено много стеклянных фонариков, которые кидают разноцветные отблески на лакированную деревянную поверхность. Между ними разбросаны белые орхидеи — мои любимые цветы. Воздух вокруг нас благоухает прекрасным ароматом. Так вот почему вначале мне пришлось зажмуривать глаза?

— Они прекрасны, — говорю я.

Эш берет цветок и протягивает его мне.

— Ты прекрасна.

Я смеюсь, внезапно осознав, что я, конечно, не считаю себя такой уж красавицей, но мне все же нравится, что так думает он. Он залезает рукой в карман штанов и извлекает оттуда маленький предмет, аккуратно обернутый коричневой бумагой и перевязанный красной ленточкой.

— У меня было не так много денег, — говорит он, протягивая мне коробочку.

— Ерунда. Ты же знаешь, меня не волнуют подобные вещи.

Я развязываю ленточку и освобождаю из упаковки потрясающий кулон. У него традиционный замысловатый дизайн с золотой гравировкой, по краю кулона выгравированы какие-то надписи на языке Дарклинггов. Он очень старый и определенно очень ценный.

— Мне так нравится! — говорю я.

— Этот кулон принадлежал моей маме, — объясняет Эш.

Я пытаюсь ему его вернуть.

— Он много значит для тебя. Я не могу его принять.

— Ей бы хотелось, чтобы он принадлежал тебе, — говорит он. — Я хочу, чтобы он был твоим.

— Спасибо, — шепчу я, тронутая его жестом.

Его пальцы слегка касаются моей кожи, и он одевает мне на шею кулон, посылая легкие волны удовольствия вниз по моему телу. Я поворачиваюсь и целую его, пропускаю свои пальцы через его волнистые шелковистые волосы, которые завиваются вокруг моих пальцев. Он испускает тихий стон, его руки обхватывают мою талию, притягивая поближе.

— Давай-ка убираться отсюда, а? — шепчу я рядом с его губами.

— Это же твой день рождения, — отвечает он.

— И?

Он отстраняется, вздыхая.

— Я не должен был тебе этого говорить, но Дей испекла для тебя торт, и я думаю, что она тебя просто убьет, если ты его даже не попробуешь.

Я надуваю губы, рассмешив Эша.

— Думаю, нам лучше вернуться на вечеринку, — неохотно говорю я.

— Еще нет, — говорит он тихонько, извлекая еще один сверток из своего кармана. Этот поменьше первого и завернут в красивую, ручной работы шелковую бумажную упаковку.

— Еще подарок? Тебе не нужно было, — произношу я, беря сверток.

— Надеюсь, тебе понравится, — отвечает он, потирая затылок.

Он с тревогой наблюдает за тем, как я осторожно разворачиваю упаковку. Открываю шелковую бумагу, и что-то сверкает внутри.

Сердце в груди замирает.

На моей руке оказывается кольцо с голубым бриллиантом.

В голове как будто что-то щелкает, в моих глазах вопрос.

— Я понимаю, мы еще слишком молоды, — тихо говорит он. — Но я люблю тебя все сильнее с каждым ударом моего возродившегося сердца.

Я замираю и не дышу, в ожидание тех самых слов от него.

— Натали Бьюкенан, ты выйдешь за меня?

— Да! Да, я выйду за тебя! — визжу я от восторга.

Он надевает кольцо мне на палец, я обвиваю руками его шею и целую его снова и снова. Счастье переполняет меня, заставляя моё сердце разбухнуть, я даже начинаю переживать, как бы оно не взорвалось.

— Я люблю тебя, — говорю между поцелуями.

— И я тебя люблю, блондиночка, — говорит он.

Я счастливо смеюсь, пока он кружит меня, прохладный бриз приятно холодит кожу. В конце концов, он ставит меня на ноги и снова целует, в этот раз нежно, медленно, открывая между нами канал так, что я могу чувствовать все то, что чувствует он: его любовь, его радость, его счастье. Мы и до этого соединяли наши души, но сейчас все было намного сильнее, и слезы потекли по моим щекам. Затем мы прекратили наш поцелуй.

— Я надеюсь, это слезы счастья? — поддразнивает он меня, вытирая их.

Я киваю.

Мы сбегает вниз по лестнице, спеша поделиться хорошими новостями с остальными. Когда мы входим в каюту, все в полном молчании смотрят на нас, на их лицах ожидание. Эш смущенно улыбается мне. Они все знали об этом!

— Ну, так что? Не держи нас в напряжении, — требует Дей, так как все остальные молчат.

Я показываю им кольцо, и все начинают меня поздравлять.

Женщины спешат ко мне, чтобы разглядеть кольцо — даже Полли, которая несколько раз улыбнулась — в то время как мужская половина одобрительно похлопывала Эша по плечу со словами «молодец дружище» и «как тебе удалось отхватить такую девчонку?» Жук раздает всем напитки и поднимает свой бокал.

— За Эша и Натали — за их долгую и счастливую совместную жизнь! — провозглашает он.

— За Эша и Натали! — вторят все.

Я бросаю взгляд на Эша, и на секунду мне кажется, что в его глазах мелькнуло сожаление, но он быстро скрывает свои чувства, даря мне самую широкую и красивую улыбку из всех, что я когда-либо видела. Я улыбаюсь в ответ, но не могу не задаться вопросом, почему он выглядит таким обеспокоенным. Или у него уже появились сомнения? Нет, я, наверное, параноик. Я гоню эти мысли прочь и позволяю себе насладиться мгновением. Я могу спросить у него об этом позднее.

Вечеринка продолжается и набирает обороты. У всех отличное настроение, все танцуют и поют — даже Сигур, у которого, как оказалось, восхитительный голос. Он учит Полли и ЭмДжея традиционной песне Дарклингов, пока отец Эша, Гарольд, подходит ко мне и обнимает. Мою щеку царапает его седая борода, но я не возражаю.

— Я так рад, что ты станешь частью нашей семьи, — говорит он. — Эш никогда не был так счастлив.

— Обещаю, что буду о нем заботиться.

— Я знаю.

— Вы не переживаете, что это все несколько скоропалительно? — тихонько спрашиваю я.

Он нежно улыбается мне.

— Я думал об этом, но Эш убежден, что он готов к тому, чтобы взять на себя подобные обязательства, а если мой сын вобьет что-то себе в голову, то ничто его уже не разубедит.

Я беспечно смеюсь.

— Да. Это похоже на Эша.

— Если у тебя есть какие-то сомнения...

— У меня их нет, — говорю я, и это правда. У меня нет сомнений по поводу нашей свадьбы с Эшем. После того, как я чуть не потеряла его пару месяцев назад, я поняла, что счастье нужно хватать обеими руками, а не ждать будущего, которого может и не произойти.

Гарольд снова обнимает меня, и я удерживаю его чуть дольше, чем это необходимо, но он все понимает. После смерти отца и пожизненного приговора матери, я, по сути, сирота. Когда я выйду замуж за Эша, Гарольд станет мне тоже отцом. Это утешает.

Мы все собираемся вокруг стола, когда Дей приносит покосившийся шоколадный торт, так обильно смазанный кремом, что уже начал съезжать на бок. На его верхушке большими неровными буквами написано: «С Днем Рождения, На». Места не хватило, чтобы написать еще и «т». Мне он однозначно нравится. Так приятно осознавать, что Дей все же не во всем превосходитна.

— Это шедевр, — говорю я.

Дей подкатывает глаза.

— Это последний раз, когда я что-то пеку, так что просто наслаждайтесь.

— Загадай желание, — говорит Гарольд.

Я задуваю свечи, пожелав удачных итогов завтрашнего голосования.

Дей кладет каждому по кусочку тортика, пока я отлучаюсь в уборную, улучив минутку. Я умываю лицо водой и гляжу на свое отражение в маленьком зеркале над раковиной. Мои щеки немного покраснелись, вьющиеся волосы слегка в беспорядке после того, как Эш меня кружил, но все же я выгляжу счастливой. Я собираюсь вернуться ко всем, но что-то заставляет меня остановиться. Уголок моего левого глаза выглядит как-то странно. Это мое воображение разыгралось или он выглядит слегка пожелтевшим? Это, должно быть, игра света.

Когда я снова возвращаюсь к вечеринке, настроение изменилось, и вскоре я вижу, почему. К нам присоединилась Джуно, её длинные рыжие волосы в беспорядке, щеки покраснелись, как будто она бежала всю дорогу от самой работы.

— Час назад поступили новые сведения. Новости крутят на каждой станции по всей стране, — говорит она, затем обрывает свою речь, когда видит меня.

— В чем дело? — спрашиваю.

Ко мне подходит Самрина и берет за руку.

— Это про твою маму, — говорит она.

— С ней все в порядке? — обеспокоено спрашиваю я.

— Два часа назад твоя мать сбежала из тюрьмы, — говорит Джуно. — Она в бегах.

ДЖУНО ПОСВЯЩАЕТ нас во все, что знает сама. В тюрьме прогремел взрыв, результате которого были убиты шесть охранников и обрушились здания западного крыла. Взрыв был отвлекающим маневром, чтобы занять стражу, пока эмиссара Бьюкенан вызволяли из восточного крыла. Прошло несколько часов, прежде чем заметили, что она сбежала, но к тому времени было уже поздно.

Натали сжимает своими трясущимися пальцами мои, её губы бледны.

— Они знают, кто помог ей сбежать? — спрашивает она.

— Нет, но работали профессионалы, — отвечает Джуно. — Возможно, бывшие военные.

— И куда вы думаете, она исчезла? — спрашивает Дей.

— О, небеса, вы же не думаете, что она вернется сюда? — с тревогой спрашивает Самрина.

— Нет, она не захочет так рисковать, — отвечает Натали.

— С мамой все будет хорошо? — тихонько задает вопрос Полли.

— Ты же знаешь маму, она живучая, — говорит Натали. — С ней все будет в порядке.

Просто... — её последние слова застряли в горле. Глаза наполнились слезами.

Я бросаю взгляд на отца. Он понимающе кивает.

— Возможно, уже время расходиться на ночь, — говорит отец.

Майкл и Самрина забирают Полли к себе домой на Шлаковую улицу, а Натали идет ко мне в увитую плющом Церковь. Отец любезно остается на барже с Роуч и Жуком, чтобы дать нам немного времени побыть наедине.

Мы поднимаемся по спиральной лестнице, ведущей в мою спальню в колокольне церкви. Лунный свет меркнет, попадая на латунный колокол, висящий в центре шестиугольной комнаты. Натали опускается на кровать, пока я вожусь с деревянными ставнями арочных окон, пытаюсь впустить немного прохладного ночного воздуха. Я замираю. Два охранника Стражей сидят на могильных камнях снаружи — должно быть, они следовали за нами. Они ловят мой взгляд, и один из них машет мне рукой, на его губах играет ухмылка. Я быстро закрываю окна ставнями и присоединяюсь к Натали в кровати. Я не говорю ей о стражниках, не желая тревожить её.

— С твоей мамой все будет в порядке, — говорю я.

Натали кивает, утирая слезы.

— Я только хочу, чтобы она связалась со мной.

— Это слишком опасно, — говорю я мягко.

— Я знаю, но до сих пор так больно оттого, что Полли и я не были частью её плана, — вздыхает она, играя обручальным кольцом. — Извини. Это должен был быть особенный вечер, а я все порчу.

Я приподнимаю её лицо.

— В горе и в радости, помнишь?

Она улыбается:

— Я так люблю тебя, Эш. Я прямо не знаю, что бы без тебя делала.

Сердце кровью обливается, как подумую о завтрашнем дне. Как же мне поступить?

Правильно было бы сказать «нет» на завтрашнем голосовании, но тогда я лишусь Натали. Я просто не могу этого допустить. Так что же мне делать? С этими стражами снаружи сбежать мы не сможем, значит, возможности спрятать Натали или вывезти ночью из города так, чтобы они не узнали, у меня нет. К тому же, я сомневаюсь, что это единственные охранники, наблюдающие за нами — Пуриан Роуз дал это ясно понять. Мужчины снаружи церкви — предупреждение: он за нами наблюдает. Все, что я могу — это держать её поближе к себе.

Натали мне застенчиво улыбается:

— Ну, так что... мы совсем одни.

Я улыбаюсь:

— Ага.

— И здесь никого нет, кто мог бы нас побеспокоить.

— Неа.

Она выжидающе смотрит на меня и все мысли о завтрашнем дне исчезают из моей головы. Есть только она и я, прямо сейчас. Я обхватываю ладонями её лицо и нежно целую. Эхо её сердцебиения раздается в моей груди, беспокойное и взволнованное, как и моё.

Мы ложимся, и её белокурые локоны струятся по подушке. Ожидание повисает в воздухе. Наконец-то момент настал. Мои глаза скользят по её лицу, телу, в моих глазах как будто появляется свечение по краям. Это Взор. Это сила, которую Дарклинги используют для того, чтобы пометить свою жертву, чтобы предупредить других Дарклингов. Я окутал её этой захватывающей темнотой, говоря ей лишь одну вещь: ты принадлежишь мне.

Мои пальцы скользят по её покрасневшимся щекам и губам, спускаются по шее, остановившись на золотом кулоне поверх её фиолетового платья — корсета. Шелковая ленточка крест-накрест поддерживает лиф её платья, завязанная сверху простым бантом. Я игриво тяну за ленту, и лиф открывает взору её кремовую, слегка розоватую кожу под ним, с одним-единственным шрамом от пересадки сердца, которое она перенесла в детстве. Пожар полыхает в моих венах, и я напряженно выдыхаю, едва в состоянии контролировать свою жажду.

Натали пристально смотрит на меня, прекрасно зная, что из-за этих сверкающих голубых глаз у меня замирает сердце. Наконец она запускает свои пальцы в мои волосы и притягивает меня к себе. Поцелуй, как молния, посылает волны электричества прямо мне в сердце. Ба-бум, ба-бум! Я даже не замечаю, когда она расстегивает мне рубашку. От той утренней нерешительности не осталось и следа. Её пальцы ласкают мою спину, руки, грудь, спускаются по моему животу к пряжке ремня. Я чувствую, что яд заполняет полости у меня во рту.

Она приоткрывает рот, делая наш поцелуй глубже, и я издаю тихий стон. Мои руки скользят вверх по её ногам, приподнимая одновременно её тюлевую юбку. Я наваливаюсь на неё сверху и пытаюсь сдержаться, всего на мгновение, и погружаю в неё свои клыки. Я хочу насладиться этим прекрасным мгновением, ведь завтра все изменится. Она уже не посмотрит на меня так снова, со всей чистотой любви, доверия, желания. Так или иначе, завтра откроется, что я за человек на самом деле. Предатель.

— Я люблю тебя, — говорю я хриплым голосом.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она. — Всем сердцем.

Я целую её, не в силах ждать ни секунды дольше. Она задыхается, затем вдыхает, и это в точности как я помню. Счастье.

* * *

Лучи солнца просачиваются через деревянные ставни в окна напротив, заставляя меня проснуться. Я провожу обессиленной рукой по лицу, пытаюсь вернуть себя к реальности. Моя рука свешивается с кровати, и пальцы цепляются за кружевной материал разорванного платья Натали. Усмехаюсь. Придется купить ей новое.

Матрас слегка проседает, когда Натали поворачивается ко мне лицом, вокруг её тела обмотана простынь. Спутанные белокурые локоны обрамляют ее раскрасневшееся лицо, голубые глаза искрятся тем же оттенком, что и обручальное кольцо на её пальце.

Я заправляю локон ей за ухо.

— Прошедшая ночь была... ух!

Она застенчиво прикусывает губу.

— Ты голодна? — спрашиваю я.

— Умираю с голоду, — отвечает она. — Кстати, который сейчас час?

Я проверяю часы на своей тумбочке и поспешно вылетаю из кровати, запаниковав.

— Скорей одевайся — мы опаздываем!

Двадцать минут спустя мы проталкиваемся через толпу на городской площади, где на сегодня организован один из избирательных участков для голосования. Поверить не могу, что мы опаздываем. Из всех дней проспять именно сегодня! Я оглядываюсь через плечо. Два Стража следуют за нами, соблюдая короткую дистанцию, через плечо у них перекинута оружие. Они следовали за нами от самой церкви. Натали тоже бросает на них взгляд, нахмурившись.

— Они не очень-то искусны, — шепчет она. — Если это попытка запугать нас, то это не сработает.

Уже работает.

Я крепче сжимаю её руку, мой мозг ищет пути, чтобы защитить её, если до этого дойдет. Я все еще не решил, за что именно я проголосую. Мои стражники разорвут её на кусочки... Я снова оглядываюсь через плечо. Вероятно, я смогу справиться с этими двумя, но не с сотней других, патрулирующих городскую площадь. Что же мне делать? У меня совершенно не остается времени на то, чтобы принять решение.

— Феникс!

Три парнишки, которых я видел играющими на улице днем раньше идут со своей мамой, Салли. Она выглядит обеспокоенной и суетливой. «Маленький Феникс» тянет меня за рукав пиджака. Я одет в свой наряд Феникса сегодня — пиджак Фронта Легиона «Освобождение», черные брюки и ботинки — как и просила Роуч, хотя я отказался от макияжа. Натали в таких же брюках и рубашке, поверх которой — кожаный пояс.

— Удачи тебе сегодня, — говорит Маленький Феникс.

У меня сводит желудок.

— Оставьте его в покое, мальчики, — говорит Салли, отводя их в сторонку. Она даже не попрощалась.

Все напряжены, но я этому не удивлен, ведь сегодня необычный день. На крышах окружающих нас зданий установлены гигантские экраны, ведущие прямую трансляцию голосования, проходящего в остальных мегаштатах Соединенных Штатах Стражей. Внизу каждого экрана график, показывающий предварительные результаты голосования на данный момент.

Голосование редко принимает такие масштабы. Обычно устраиваются анонимные голосования, но Пуриан Роуз настоял на этом способе, утверждая, что не хочет, чтобы

«Люди за Единство» не смогли «используя различные ухищрения» подтасовать результаты. Возможно, это был один из его поводов. Я предполагаю, что другая причина кроется в том, что он хочет, чтобы вся страна увидела, как я голосую в пользу его закона о сегрегации.

Избирательный участок возвели рядом с тремя деревянными крестами, использовавшимися для казни предателей. Крест посередине все еще хранил на себе следы моих пыток и неудавшейся казни, акация, из которой сделан крест, почернела от сажи, камни мостовой навсегда впитали мою кровь. Я оглядываюсь вокруг.

Одним из преимуществ общественного голосования является то, что стражи Легиона могут наблюдать за ним с Пограничной Стены и докладывать о происходящем другим Дарклингам. Они не участвуют в голосовании, так же как и Бастеты или Люпины, так как технически они не являются гражданами Соединенных Штатов Стражей. Я единственный участвую в этом голосовании потому, что наполовину человек, и у меня есть карточка гражданина. Я могу только представить их: целые семьи ютятся вместе, ожидая оглашения своей судьбы, возлагающие на меня надежды. Доверяющие мне.

На стене также стоят Гаррик и Сигур. Золотая маска прикрывает лицо Сигура, покрытое шрамами, защищая его от опасного для него солнечного света. Это напоминает мне, как я впервые увидел его и Эвангелину, стоящими здесь, во время казни его племянницы. Эвангелина. Желание и печаль смешиваются во мне, когда я думаю о ней, девушке, которая должна была стать моей Кровной половинкой. Я ничего о ней не слышал с тех пор, как она покинула Блэк Сити в поисках других полукровок. Я даже не имею представления о том, жива ли она еще, хотя если кто и может сам о себе позаботиться, так это Эвангелина.

Мы наконец-то достигаем возвышения и находим выглядящую разъяренной Дей, ожидающую нас.

— Я собиралась идти за вами, — говорит она, — почему вы так поздно?

— Мы проспали, — говорит Натали.

— Вы бы хоть оправдание получше придумали, — говорит Дей, — Роуч жаждет вашей крови. Ожидалось, что вы будете встречать и приветствовать людей несколько часов назад.

— Я знаю, — говорю я. Роуч хотела, чтобы я помог «Людям за Единство» заручиться поддержкой большего количества людей в последние минуты перед выборами, до того, как начнется голосование в Блэк Сити.

— Где Полли? — спрашивает Натали, ища её взглядом.

— Она присматривает за ЭмДжеем. У него сильно болела спина, и он не мог выйти, — объясняет Дей. — К тому же, я не думаю, что она смогла бы выдержать такое столпотворение. У неё сегодня не лучший день...

Натали понимающе кивает.

— Вот ты где, братан! — говорит Жук, проталкивая себе путь в нашем направлении в сопровождении грозно выглядящей Роуч.

— Вам же было сказано быть здесь несколько часов назад, — говорит мне Роуч, — Как ты думаешь это выглядит, если Феникс даже не дал себе труда показать тут своё израненное лицо?

— Мне, правда, жаль, — говорю я.

Вскоре мы встретили моего отца, Самрину, Майкла и Эми. Джуно на помосте с Стюартом, снимают публичное голосование в Блэк Сити. Она выглядит как всегда — обтягивающие темные кожаные штаны и белая блуза с корсетом, с яркой черной подводкой, обрамляющей её бледно-голубые глаза, в то время как Стюарт так сильно не усердствовал,

на нем вылинявший лоскутный фрак и коричневые замшевые брюки, каштановые волосы торчат в своем обычном стиле. Телевизионщики были размещены на всех избирательных участках по всему городу, но этому участку на городской площади уделено особое внимание из-за меня.

На вершине платформы пара больших стеклянных ящиков, каждый два ярда в высоту и ширину, с прорезью в центре ящиков, отделанной металлом, для того, чтобы люди помещали в них свои бюллетени. Во все бланки бюллетеней встроены чип, который содержит твой гражданский идентификационный номер, чтобы предотвратить мошенничество. Компьютер, подключенный к урнам для голосования, считывает информацию, поступающую с брошенного вами в ящик бланка, и ваш голос тут же появляется на экране, подвешенном позади платформы. Надпись над ящиком справа гласит «ЗА», над ящиком слева — «ПРОТИВ».

— И как идут дела? — спрашиваю я у группы.

— Не слишком плохо, — говорит Эми, — мы проиграли в штате Плантаций, но это небольшое число голосов.

Штат Плантаций всегда было трудно переубедить, так как они зависят от правительственных контрактов на продажу своего урожая, так что начало голосования очень обнадеживает.

— По-настоящему удивил штат Доминион, — продолжает Эми, указывая на цифровой экран над школой Блэк Сити.

В настоящий момент голосуют жители Центрума, в штате Доминион, и на экране высвечиваются цифры: 8.476.802 — ЗА; 6.098.156 — ПРОТИВ. Я дважды вглядываюсь в экран, потрясенный этими цифрами. Я думал, что Центрум проголосует в подавляющем большинстве «ЗА», так как это столица и домашняя сфера влияния Пуриана Роуза.

— Так много голосов! — говорит Натали.

Жук усмехается.

— Да, и просто представь, сколько еще их будет с тех городов, которые ненавидят Стражей.

Не сомневаюсь, что Пуриан Роуз уже заплатил мне за свой вчерашний визит. Ему должно было быть известно, как слабы его позиции в предстоящем голосовании. И это меня поражает: мы ведь действительно можем выиграть это голосование. Я всегда надеялся, что у нас все получится, но глядя на все эти цифры, эта надежда стала превращаться в реальность. Все, что мне нужно, это проголосовать против «Закона Роуза», и мои люди будут свободны от заточения в Десятом штате.

Но тогда Натали умрет.

У меня все внутри сжалось.

Натали или двадцать миллионов людей.

Кого я выбираю?

— Братан, только не устраивай сцен, — вдруг говорит мне Жук, заглядывая через плечо.

Я поворачиваюсь, удивляясь, что он имеет в виду, и мои клыки сразу же наливаются ядом, когда я пристально гляжу в бесчувственные зеленые глаза Себастьяна Идена. Я делаю шаг, намереваясь защитить Натали.

— Признаться, я не думал, что ты появишься, — говорит Себастьян, многозначительно переводя взгляд с меня на Натали.

— И пропустить возможность оскорбить Пуриана Роуза в прямом эфире? — говорю я.

— Я бы на твоём месте был поосторожнее, кровосос, — говорит ледяным тоном Себастьян. — Не забывай, что поставлено на кон.

— Не буду, — отвечаю я.

Безжалостная улыбка исказила его губы.

— Передавай Полли мой привет, — говорит он Натали прежде, чем взойти на помост.

— Господи, он такой говнюк, — бормочет Натали, затем разворачивается, чтобы продолжить разговор с Дей.

— О чем это он говорил? — шепчет мне Жук, когда она отвлеклась.

— Ни о чем. Тебе не о чем волноваться, — отвечаю я.

Он сжимает губы, не поверив мне. Жук знает меня почти так же хорошо, как Натали, так что он может видеть, когда я вру. Одно из его достоинств в том, что он не лезет с этим.

На цифровых экранах вещание Си-Би-Эн сворачивается до небольших размеров. Гламурный ведущий «Февральских Полей» одаривает нас широкой улыбкой блестящих губ.

— Подведем итоги голосования в штате Доминион, — мы все замолкаем и смотрим на экран. — Результаты голосования в штате в пользу «Закона Роуза».

— Два-ноль, — бормочу я.

— Не парься по этому поводу, дружище, — Жук похлопывает меня рукой по плечу, заставляя мои шрамы заныть. — Мы следующие. Мы повернем голосование в нашу пользу.

Мышцы на моей шее напряглись. Самое время принимать решение. Я поднимаю взгляд на Сигура, который все еще наблюдает за процессом с Пограничной Стены. Я не могу видеть выражение его лица из-за маски, но его тело напряжено.

Натали или мои люди?

Началась трансляция городской площади Блэк Сити.

— Следующий штат — Черная река, — провозглашают «Февральские Поля», — Первым голосует Блэк Сити.

У меня сводит желудок. Пора начинать шоу.

Традиционно первой голосует столица штата, чтобы меньшие города штата знали, какой политики им следует придерживаться. Это неписаное правило среди городов, чтобы показать силу и единство штата, хотя меньшие города не всегда проявляют солидарность.

Телевизионные камеры поворачивается к Себастьяну, который стоит на платформе рядом со стеклянными кубами. Позади него стоит ряд гвардейцев Стражей в полной боевой готовности с заряженным оружием. Послание простое: голосовать «ЗА».

Себастьян машет рукой, приглашая первых избирателей. В нормальное время первым должен голосовать Эмиссар, но так как на данный момент в штате Черной реки нет Эмиссара — ни один политик не изъявил готовность взять себе эту отравленную чашу — то голосовать сразу начинают жители.

— Мы идем, — говорит Жук, пока Салли поднимается на помост, её черное развевающееся платье тащится следом по покрытым сажей булыжникам.

Напряжение в плечах слегка отпускает, мы знаем, что её голос с нами.

Джуно комментирует в прямом эфире.

— Первый храбрый горожанин поднимается на помост, одетый в черное — цвет, который стал символом надежды в этом городе, — говорит она, имея в виду мой наряд Феникса. — После месяцев подготовки все сводится к этим нескольким моментам...

Лицо Салли транслируется на всех цифровых экранах, пока она поднимается к урнам для голосования. Она окидывает взглядом Себастьяна, который стоит у урны ПРОТИВ, ег

рука лежит на рукояти его меча. Она спешно подходит к урне ЗА и опускает свой бюллетень, затем быстро возвращается к толпе и тащит своих мальчиков с городской площади.

— Я думала, мы можем рассчитывать на её голос, — шепчет Натали, — наверное, мы не знаем, кому можно доверять.

Я оглядываюсь. Два охранника Стражей, которые следовали за нами, все еще находятся поблизости, наблюдая за мной.

Еще несколько десятков голосований прошли в том же духе, когда люди, дрожа, спешили отправить свои бюллетени в ящик с надписью «ЗА». Я взглянул на экран: 48 ЗА; 0 ПРОТИВ.

— Что за хрень, — бормочет Жук себе под нос.

— Подождем, — говорит Натали.

Джеймс и Хилари Мэдден с радио «Жар-птица» поднимаются по ступенькам на платформу.

Я затаил дыхание, и Натали сжимает мою руку.

Они сгибают свои бюллетени и идут в сторону Себастьяна. Джеймс бросает взгляд в нашу сторону, в его глазах холодный блеск. В этот момент я понимаю, что мы их потеряли. Они сворачивают направо и бросают свои бюллетени в ящик «ЗА».

Жук громко ругается.

— Вот предатели. Держу пари, они были одними из тех, кто украл у нас оружие! Повесить бы их!

Я с трудом сглатываю комок, застрявший у меня в горле. Меня он тоже хочет повесить? Я думаю, что Жук прав в своих подозрениях, хотя... Как видные деятели «Людей за Единство» Джеймс и Хилари имеют полный доступ ко всем территориям гетто Легион, включая оружейный магазин. Они демонстративно спускаются по ступеням, с высоко поднятыми головами.

Жук плюет в Джеймса, когда тот проходит мимо, мужчина поворачивается, размахивается кулаком, промахиваясь на миллиметр. Все происходит так быстро: Джеймс и Жук начинают драться, нанося друг другу удары кулаками. Дей и Хилари пытаются оттащить их друг от друга, но их отбрасывают на землю, когда в драку вступают еще люди. Вскоре дерутся уже не двое, а двадцать человек. Кулаки так и летают, люди толкаются, их толкают. В пылу схватки Джеймсу и Хилари удается сбежать. Воспоминания о бунте двухмесячной давности вспыхивают в моей памяти. Я не могу снова позволить этому случиться! Я спешу на помост и выхватываю у Джуно микрофон.

— Остановитесь! — кричу я во все легкие.

Мой голос раздается по всей городской площади. Повисает мертвая тишина. К счастью, драка сразу прекращается.

Тысячи лиц пристально смотрят на меня из толпы, напоминая мне день, когда меня распяли. Во рту внезапно стало сухо, и появился привкус испарений акации. Только не сейчас... Я облизываю сухие губы и начинаю говорить.

— Мы здесь, чтобы голосовать, а не драться, — говорю я, — Не доводите до кровопролития и не подрывайте то, чего мы пытаемся достичь сегодня. Правительство, возможно, думает, что это приемлемо — запугивать нас своим оружием и солдатами, — я бросаю взгляд на Себастьяна, который смотрит на меня с негодованием, — но это не наш путь. Нами не будет управлять страх.

Одинокий голос выкрикивает в толпе:

— Нет страха, нет власти!

Скандирование подхватывает еще кто-то, и еще, прямо как в день моего распятия. Вскоре уже весь город скандировал: **НЕТ СТРАХА, НЕТ ВЛАСТИ!**

Я бы должен быть счастлив. Это именно то, чего хотели повстанцы, но я даже дышать не могу. Это именно то, чего Роуз хотел избежать. По его плану я должен был показать непоколебимую его поддержку. Если же нет... Я скольжу взглядом с Натали на двух стражей, стоящих на небольшом расстоянии позади неё. Они её убьют. Все еще есть шанс сделать все правильно.

Я достаю свой избирательный бюллетень. Никогда листок бумаги не казался моей руке таким тяжелым.

Я закрываю глаза.

Проголосовать «ЗА» и спасти Натали.

Проголосовать «ПРОТИВ» и спасти двадцать миллионов человек.

Мое сердце ускоряется. Вся страна смотрит на меня сейчас, ожидая увидеть, что же я сделаю, включая и Пуриана Роуза.

Натали.

Двадцать миллионов человек.

Девушка, которую я люблю.

Двадцать миллионов человек.

Да выбора никогда и не было.

Я отправляю свой бюллетень в урну для голосования.

— Эш Фишер голосует «ПРОТИВ» «Закона Роуза», — сообщает Джуно в камеру.

Я гляжу вниз, на Натали в толпе, и моё сердце разбивается на тысячи осколков. Мне так жаль.

Повстанцы ликуют, но я их едва слышу, так как спешу покинуть помост и хватаю её руку.

— Нам нужно покинуть город, — говорю я ей в спешке.

Она вскидывает брови:

— Что? Сейчас?

Два гвардейца Стражей все еще позади неё.

— Да, сейчас. Давай уже иди, — говорю я.

Я понятия не имею, как я проведу её через всю охрану, но как-то мне нужно доставить её в безопасное место.

Она смотрит на выстроившихся в очередь людей на ступенях платформы.

— Что на тебя нашло? Мы в центре избирательного участка.

— Мне все равно, — говорю я настойчиво. — Нам нужно уходить.

— Я не могу оставить Полли плюс я хочу проголосовать.

Я выпускаю разочарованный вздох. Она права, конечно. Я об этом и не подумал.

Складка залегла между её светлыми бровями.

— Ты пугаешь меня, Эш. Что происходит?

Я снова проглядываю толпу позади неё. Стражников нигде не видно. Куда они подевались? Возможно, Пуриан Роуз приказал им не убивать её здесь, пока нас снимают камеры? Я предполагаю, что до тех пор, пока мы рядом с камерами, на виду, мы в безопасности.

— Ничего, — говорю я, ведя её поближе к помосту, чтобы мы были в кадре. — Все

хорошо. Я просто нервничаю из-за всех этих стражников вокруг.

Она изучает меня мгновение, явно обеспокоенная. Я целую её в щеку.

— Все хорошо, — повторяю я.

— Мне нужно идти голосовать, — говорит она, её рука выскальзывает из моей.

Я не свожу взгляд с охранников, пока Натали поднимается по ступенькам, игнорируя холодный взгляд Себастьяна. Она отправляет свой бюллетень в ящик «ПРОТИВ» и снова присоединяется ко мне. Очередь продвигается быстрее, и, один за другим, граждане Блэк Сити поднимаются на помост. Они уже не выглядят такими напуганными, как раньше. Некоторые из них даже отваживаются взглянуть на Себастьяна, когда бросают свои бюллетени в урну «ПРОТИВ». Вскоре начинают нарастать цифры, «ПРОТИВ» превышает «ЗА». Жук усмехается мне. Я перевожу взгляд на Сигура, который все еще стоит на Пограничной Стене. Он слегка кивает мне в знак одобрения.

К голосованию приступают более мелкие города по всему штату Черной реки, и голоса «ПРОТИВ» с большой скоростью прибавляются. Эмбер Крик, огромный город — гавань на восточном побережье штата последним приступает к голосованию. Их избирательный участок расположен на живописной набережной, окруженной небольшими киосками, торгующими рыболовными снастями. Тысячи людей столпились на набережной, и все они повернуты к камере, выражения их лиц ожесточенные, непокорные. Репортаж быстро переключается обратно на «Февральские Поля», но не до того, как все услышали, как жители Эмбер Крик скандируют:

— Нет страха, нет власти! — на пределе возможности голосов.

Остаток голосования не занимает много времени, так как штат Черная река самый малочисленный в стране, после убийства миллионов людей в войне. Я вглядываюсь в результаты на цифровом экране, не веря глазам своим. Ведущая «Февральских Полей» появляется на мониторе, её улыбка смотрится очень неестественно и натянуто.

— По итогам подсчета голосов по штату Черная река, — говорит она, — штат проголосовал «ПРОТИВ».

Торжествующие крики поднимаются на городской площади. Все празднуют, кроме меня.

— Теперь голосует штат Провинций, — оповещает ведущая «Февральских Полей».

Это всех отрезвляет. Мы можем победить в штате Черной реки, но если другие штаты не последуют за нами, тогда все, чего мы достигли сегодня, пойдет прахом. Последующие несколько часов мы следим за голосованием с тревогой за тем, как голосуют оставшиеся штаты.

Штат Провинций — «ПРОТИВ».

Бесплодные Земли — «ЗА».

Изумрудный штат — «ПРОТИВ».

Штат Горный Волк — «ЗА».

Штат Золотых Песков — «ПРОТИВ».

— Ну, разве не захватывающе? Какое противостояние, — говорит ведущая «Февральских Полей», её девичий голос немного напряжен. — Четыре штата голосуют в пользу «Закона Роуза», и четыре против него. И, наконец, голосует Медный штат.

Все зависит от этого последнего этапа голосования.

Экраны показывают эмиссара Винсент, худенькую черную женщину средних лет, с жесткой прической, подчеркивающей угловатость её лица. Она стоит перед стеной, такой

же, как наша Пограничная Стена, за исключением того, что она сделана из стали и меди, а не из бетона.

Все, что я могу — это беспомощно наблюдать, как женщина шагает к своему избирательному участку, который сделан аналогично нашим. Она слегка приостанавливается, позволяя репортерам сделать фото, и направляется к урне с надписью «ЗА». Это похоже на несчастный случай: ты понимаешь, что происходит, но не можешь перестать смотреть.

Затем она сделала нечто совершенно неожиданное.

Она резко поворачивает налево и кладет свой бюллетень в урну «ПРОТИВ».

Возникает многозначительная пауза, когда люди на городской площади глядят на экран, пытаясь осознать происходящее.

Эмиссар Винсент поворачивается к камерам, обращаясь к народу.

— Граждане Медного штата, я призываю вас...

Прямой эфир прерывается, и все мониторы чернеют.

Глава 7

НАТАЛИ

В ГОРОДЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ, все задаются вопросом, что же произошло.

— Что случилось с трансляцией? — звонит Роуч Джуно, которая все еще работает над репортажем на помосте.

— Кто-то заблокировал наш сигнал. Мы ничего не можем транслировать, — отвечает Джуно.

На экране внезапно появляется надпись: «Технические неполадки. Вскоре вещание будет налажено».

— Технические неполадки, да ну нафиг! — бормочет Джуно.

— Поверить не могу, что эмиссар Винсент проголосовала против Роуза, — говорит Дей, недоумевая.

— Она всегда его поддерживала, — вторит Натали, — Эмиссар Винсент заботится обо всех людях, а не только о Стражах. Моя мама считает, что это делает её слабой.

— Если она сменила сторону, то возможно в этом заключается причина отключения! — говорит Жук. — Ведь под её руководством все заводы снабжения армии, а без оружия у него не будет власти.

Прежде, чем мы смогли более детально это обсудить, мониторы ожили, и снова нам явилось лицо ведущей «Февральских Полей». Она изобразила на лице улыбку, но её аквамариновых глаз эта улыбка не коснулась.

— Граждане, мы приносим свои извинения за этот небольшой технический сбой. Это недостатки прямого эфира, — говорит она, как будто это была просто какая-то невинная ошибка. — Спасибо, эмиссар Винсент, за Вашу проникновенную речь. А теперь вернемся к голосованию в штате Медный.

Эмиссара Винсент нигде не видно, и либо это моё воображение, или камеры сменили позиции? Молодой человек спешит на помост, бросая взгляд на что-то за пределами мониторов. Он опускает свой бюллетень в урну «ЗА». Жук ругается вслух. Следующей вызывается пожилая женщина. Её глаза также глядят на что-то, скрытое от видеоискателей камер. Я приглядываюсь к монитору — там как будто какое-то грязное пятно появляется в правом нижнем углу экрана — минуту назад его там не было. Камера поворачивается слегка влево, и пятно исчезает, но не раньше, чем я его заметила.

Кровь.

Я перестаю дышать.

— Эш..

Он тоже это видел.

— Ты же не думаешь...? — Это слишком ужасно, чтобы произнести вслух.

Он кивает.

— Они её застрелили.

* * *

Мы потеряли Медный штат. Все кончено. Мы проиграли.

— Ну, вот и все, граждане! — сияющее лицо ведущей «Февральских Полей» появляется на экране, когда голосование закончилось. — Результаты посчитаны, и национальное голосование поддерживает «Закон Роуза», пять к четырем.

На экране появляются кадры каждой из столиц штатов, где люди ликуют и неистово хлопают в ладоши. Торжество проходит снаружи дворца Роуза в Центруме, с искусными декорациями и танцорами в светящихся нарядах на городской площади. К этому торжеству должно быть готовились несколько недель. Я замечаю, что Си-Би-Эн не включил в свой маленьких монтаж по случаю празднования победы Роуза на выборах штат Медный.

Играет национальный гимн и трансляция заканчивается изображением сурово глядящих белокурых парня и девушки, сопровождающимся словами: «ОДНА РАСА. ОДНА ВЕРА ОДНА НАЦИЯ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ ЕГО МОГУЩЕСТВА».

Сигур и Гаррик покидают Пограничную Стену, возвращаются в гетто по другую её сторону. Мгновение спустя поднимается ужасный шум — это вопль скорби тысячи Дарклингов. Эш закрывает глаза, выражение боли на его лице.

— Ты сделал для них все, что смог, — шепчу я.

— Этого оказалось недостаточно, — тихо отвечает он.

— Что мы теперь будем делать? — спрашиваю я.

— Нам остается только одно — готовиться к сражениям и защите гетто, — говорит Роуч, — мы будем давать отпор Стражам так долго, как только сможем, но это будет делом нелегким без наших запасов оружия.

Мы все переглядываемся, думая об одном и том же: как мы собираемся защищать Дарклингов от всей мощи войск Пуриана Роуза? Мы к этому не готовились. До вчерашнего дня мы думали, что «Закон Роуза» подразумевал только удержание Дарклингов отдельно от людей, а не отправку их — и миллионов других — прочь в Десятый штат, где они будут порабощены и истреблены.

— Сражаться или умереть, пытаясь. Верно? — бормочет Жук.

Роуч с другими взрослыми разговаривает с Джуно, а я прижимаюсь к Эшу, пытаюсь оставаться спокойной, хотя осознание происходящего обрушивается на меня. Как полукровку, Эша отправят в Десятый штат, как и всех остальных Дарклингов. Это только вопрос времени, когда Стражи начнут отправку. Сколько времени у нас есть? Месяц? Неделя? День?

— Все было впустую, — шепчет Эш.

— Нет, не впустую, — говорю я. — Мы выступили за то, что было правильно.

Эш проводит пальцами по моей щеке, его глаза блестят.

— Мне так жаль, — шепчет он.

Я хмурю брови.

— Ты сделал все, что мог.

Себастьян идет к нам и ухмыляется. Поверить не могу, что когда-то целовала эти отвратные губы. Он, уставившись, смотрит на Эша.

— Значит, проголосовал против? — Себастьян качает головой. — Я-то думал, что Натали тебе дороже голосования. Похоже, я ошибался.

О чем это Себастьян говорит?

Эш, защищая меня, делает шаг ближе.

— Если ты её хоть пальцем тронешь, я...

— То, что? — Себастьян выгибает бровь.

Эш ничего не отвечает.

— Ой, сильно сомневаюсь, — говорит Себастьян, а потом поворачивается ко мне. — Просто знай, что это можно было предотвратить.

Я смотрю, как Себастьян удаляется. У меня голова идет кругом.

— Братан, о чем это он? — спрашивает Жук.

Эш бросает на меня обеспокоенный взгляд, и у меня начинает скручивать живот, когда до меня доходит, почему он последнее время ведет себя так странно.

— Ты у них на крючке, да? — спрашиваю я его.

Эш потирает затылок.

У Жука отвисает челюсть:

— Чувак?

— Роуз сказал мне, если я не проголосую за его закон, он... — Эш смотрит на меня. Его черные глаза переполнены стыдом.

У меня сжимается сердце. Ему ничего не надо произносить вслух, все и так понятно без слов.

— Натали, мне так жаль, — спешно говорит он. — Но что я могу? На меня полагаются столько людей; я не мог их подвести. Я...

Я его нежно целую.

— Все хорошо. Я все понимаю.

Моя жизнь не может стоять больше миллионов жизней. Если бы нам пришлось поменяться ролями, то я бы сделала то же самое. Это свидетельствует о том, насколько сильно он меня любит, если даже думал проголосовать за «Закон Роуза», чтобы защитить меня.

— Почему ты не рассказал мне об этом? — мягко спрашиваю я. — Я бы не отговорила тебя голосовать «ПРОТИВ». Я не боюсь Пуриана Роуза. — Последнее было ложью, но я не хочу, чтобы Эш знал, что именно сейчас мне страшно до чертиков. Что уготовил мне Роуз?

Эш притягивает меня к себе и крепко обнимает.

— Я не позволю ему обидеть тебя. Я умру, прежде чем позволю этому случиться.

Я смотрю ему через плечо на три креста возле Пограничной стены. Я несколько не сомневаюсь в его словах. Я знаю, что он умрет, лишь бы спасти меня — и он уже так сделал.

К нам присоединяется остальная наша семья.

— Мы должны вернуться домой до темноты, — говорит Самрина.

Жук с Роуч направляются в сторону Легиона, чтобы обсудить с Сигуром стратегию обороны, в то время как Эми с мрачным выражением лица помогает Джуно и Стюарту упаковывать на сцене оборудование.

Эш смотрит на Пограничную стену.

— Тебе нужно идти с Жуком, — говорю я.

— Не хочу тебя оставлять, — говорит он. — Пойдем со мной? Для тебя так будет безопаснее.

— Если я так нужна Стражам, то они смогут заполучить меня и неважно, где я буду, — говорю я. — Кроме того, я хочу посмотреть как там Полли и убедиться, что с ней все в порядке.

Если у моей сестренки один из её плохих дней, как утверждает Дей, тогда она нуждается во мне.

Эш бросает еще один быстрый взгляд на гетто.

— Все хорошо. Иди, — говорю я. — Я же знаю — вам много предстоит обсудить.

— Роуч и сама может с этим справиться, — отвечает он. — Я останусь на твоей стороне.

Я улыбаюсь, в тайне благодарная, что он остается со мной.

Городская площадь почти опустела, потому что большинство людей поспешили разойтись по домам, когда стало ясно, что голосование прошло точно не в нашу пользу. Двери и ставни по всему городу были заперты, пока люди ждали, что же сделает правительство Стражей в отместку за наше публичное неповиновение Пуриану Роузу.

Улицы кишат гвардейцами Стражей, и я сомневаюсь, что они снова покинут город. Они сооружают контрольно-пропускные пункты, что является тревожным сигналом. Они определенно не хотят, чтоб народ покидал город. Что же они нам подготовили? Эш прижимает меня к себе, а Гарольд с Майклом идут по бокам. Мы спешим к Высотке, придерживаясь переулков, чтобы не попадаться на глаза гвардейцам. И даже, несмотря на это, я постоянно нервно оглядываюсь по сторонам, боясь, что в любой момент из тени может выскочить один из людей Пуриана Роуза и схватить меня.

У меня ёкает сердце, когда я краем глаза замечаю золотисто-коричневый хвост, который исчезает за крышами. Кот. Господи, да меня чуть удар не хватил. Скорей бы уже оказаться дома.

Когда мы добираемся до Высотки, район погружен в зловещую тишину. Занавески задернуты, свет выключен не только в высотных зданиях, но и шлакоблочных лачугах. Детишки не играют на мощеных мостовых. Я чувствую себя нарушителем в своем же доме. Мы добираемся до Церкви Плюща, где Эш живет с отцом. Гарольд прощается с нами и не задает вопросов, когда Эш остается со мной.

Мы поворачиваем на Шлаковую улицу, и меня чуть не сбивает с ног волна жара. Мужчины, женщины и дети вбегают и выбегают из своих домов. Все держат в руках кувшины и кастрюли, из которых во все стороны выплескивается вода. В воздухе висит едкий дым. В начале улицы стоят двадцать мужчин, все в копоти, передавая по цепочке ведра с водой и выливая их на источник пожара. На наш дом.

— ЭмДжей! — кричит Дей, спеша по переулку.

Мне становится дурно.

— Полли!

Я поворачиваюсь к Эшу, но он застывает, заморожено глядя на пламя. Я хватаю его руку, и он выходит из транса. Мы спешим вниз по переулку, не обращая внимания на удушающий жар. Должно быть, для Эша это пытка, но он не отстает и бежит рядом со мной. И вот мы у дома. Пламя высовывается из окон и облизывает крышу. Если пожар не потушить, то огонь может перекинуться на всю улицу, но сейчас не это меня беспокоит.

— ЭмДжей! ЭмДжей! — выкрикивает Майкл имя своего сына, ищу его в толпе.

Я хватаю одного из мужчин с ведрами воды.

— Девушка с мальчиком покидали дом?

Мужчина качает головой. Не задумываясь, чем это может грозить, я отталкиваю мужчину и проталкиваюсь через дверь, невзирая на мольбы остаться снаружи. Эш идет следом, рукой прикрывая рот и нос. Кухня в огне. Обои в цветочек полностью выгорели, обнажив шлакоблочные кирпичи, которые светятся, словно угли.

— Полли! ЭмДжей! — кричу я и тут же начинаю задыхаться от копоти и гари.

Их нет на кухне, поэтому я продвигаюсь глубже в дом, поднимая руку, чтобы защититься от жара. Эш хватается за ручку двери, которая ведет в спальню Майкла и Самрины и вскрикивает от боли, обжигая ладонь.

— Мы не можем туда войти! — кричит он. — В комнате крошечный ад!

Мы спешим в комнату к ЭмДжею. Она вся в дыму, я едва могу дышать.

— ЭмДжей? — Я кашляю.

Нет ответа.

Следующей я проверяю комнату Полли. Никого.

Которая выходит в другую: спальню Дей, которую я сейчас с ней делю. Краска облезла с двери, а древесину покорежило от температуры. О, Боже, пожалуйста, пусть они будут живыми. Я, стискивая зубы, пихаю дверь плечом. Она не поддается. Эш присоединяется ко мне, и мы ударяем в неё вместе. На этот раз дверь приоткрывается, и я проталкиваюсь внутрь. Воздух переполнен дымом. Мы с Эшем лихорадочно ищем мою сестру и ЭмДжея.

— Их здесь нет! Может они их забрали? — кричу я Эшу.

На меня наваливается тошнота. Может они в комнате Майкла и Самрины? Слезы текут из глаз и я поворачиваюсь, готовая броситься обратно в их спальню, когда слышу слабый стон, который раздаётся у шкафа рядом с моей кроватью. Звук едва слышен сквозь треск горящего дерева. К шкафу приставлен стул, и я отпинываю его в сторону и распахиваю дверцу. Оттуда вываливается ЭмДжей. Я успеваю его подхватить до падения на пол.

Он жив, но на грани, чтобы потерять сознание.

— ЭмДжей... ЭмДжей, очнись! — Я шлепаю его по щекам, чтобы привести его в чувства.

Он поднимает на меня карие недоуменные глаза.

— Где Полли? Она здесь?

Он качает головой.

— Её нет. — И падает в обморок.

Полли здесь нет. Мое чувство облегчения тут же сменяется беспокойством. Где же она? Эш перекидывает ЭмДжея через плечо. Я хватаю с тумбочки бутылек со своим лекарством для сердца, засовываю его к себе в карман и мы спешно выбираемся из комнаты. Коридор в огне, жар обжигает кожу, глаза и легкие. Пока мы пробираемся по коридору к выходу, я задерживаю дыхание. Едва не спотыкаюсь о горящую кучу книг, которая, рушась, падает у наших ног. Огонь лижет стены, подбираясь к потолку, заставляя деревянные балки трещать и крошиться. Стоит страшный треск, Эш пихает меня, и я лечу к входной двери, которая ведет на улицу. Как только мы оказываемся снаружи, крыша позади нас рушиться.

Мне обдувает лицо холодный воздух и, прежде чем рухнуть на землю, я делаю глубокий вдох. Майкл забирает у Эша своего сына, и тот, кашляя, тоже падает на колени рядом со мной. Кто-то протягивает нам кастрюлю с водой, и я позволяю Эшу попить первому, а потом с жадностью допиваю то, что осталось. По ощущениям мое горло, будто выжжено огнем.

— Ты в порядке? — хрипло спрашиваю я.

Он с усилием кивает, но все его тело дрожит.

После того, как Дей позаботилась об ЭмДжее, она спешит ко мне.

— Полли? — спрашивает она.

— Её здесь нет, — отвечаю я. — Я не знаю где она.

— Натали! — задыхаясь, говорит Дей.

Она тычет пальцем на дом. Мне требуется время, чтобы сообразить, на что мне надо смотреть. А затем я вижу сквозь дым, что она хочет мне показать.

На стене дома нарисована ярко алая роза.

Глава 8

НАТАЛИ

— ПОЛЛИ! ПОЛЛИ! — зову я.

Эш держит и не пускает меня, а я брыкаюсь и бьюсь, пытаюсь вырваться, словно дикий зверь. Я знаю, что этот символ — послание мне. Полли забрал Пуриан Роуз. У меня в ушах звенят слова Себастьяна: просто знай, что можно было все предотвратить. Они не собирались меня убивать. Я начинаю икать и икаю до боли в груди.

— Почему Пуриан Роуз не оставит нас в покое? — спрашиваю я.

— Потому что мы представляем угрозу, — отвечает Эш.

— Но Полли не представляет угрозу. И ЭмДжей! — восклицаю я. — Почему они должны страдать из-за твоих поступков?

Эш вздрагивает.

Я тут же жалею о том, что эти слова слетели с моих губ.

— Я не это хотела сказать, — говорю я.

— Однако, это - правда.

Я отрываюсь от Эша, все мое тело трясет от ненависти к Стражам. Они похитили мою сестру, пытались убить ЭмДжея. Кому еще они попытаются навредить, лишь бы добраться до нас? И тут же у меня в сознание появляется одно-единственное имя.

— Гарольд! — восклицаю я.

Чем еще можно наказать Эша, как не убийством его отца? Лучше не придумать. Мы пробираемся сквозь толпу людей пытающихся потушить пожар, и бежим по улицам к Церкви Плюща.

Мы врываемся через входную дверь.

— Папа! — кричит Эш.

Гарольд тут же появляется из кухни и бледнеет, когда видит нас.

— О, Боже! Что случилось?

Мы рассказываем ему о поджоге дома, о Полли и ЭмДжее и символе розы. Когда мы заканчиваем свой рассказ, то я, совершенно опустошенная, падаю на кухонный стул. Эш неуверенно поглаживает меня по спине. Я поднимаю голову и смотрю ему в лицо, из моих глаз катятся слезы. Я поражаюсь, насколько изможденным он выглядит. Стресс последних двух месяцев очень повлиял на него. Я гадаю, когда он ел в последний раз.

— Мне, правда, очень стыдно за свои слова, будто это твоя вина, — говорю я. — Это не так.

— Нет, это именно так. — Эш смежает ресницы. — Роуз сказал, что заберет «Мисс Бьюкенан». Но мне даже в голову не пришло, что это может быть твоя сестра.

— А Пуриан Роуз не сказал тебе, что собирается с ней сделать? — тихонько спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он, не глядя на меня.

Он лжет, но, возможно, мне лучше ничего не знать.

Гарольд достает из холодильника пакетик синтетической крови «Синт-1», а мне делает чашечку травяного чая. Я плююсь на чайные листики, плавающие на дне чашки, и думаю о Полли. Она сейчас должно быть очень напугана. Еще одна слеза стекает по моим губам. Эш баюкает меня в своих объятьях, в то время как Гарольд идет к Дей и её семье. Входная дверь

закрывается. Мы остаемся одни.

— Эш, я плохой человек? — спрашиваю я.

— С чего ты это взяла?

— Потому что у меня отняли всю мою семью, — говорю я. — Мой папа убит, Полли похитили, и я понятия не имею, где моя мама. Это уже слишком.

Он подносит палец к моему подбородку и приподнимает им моё лицо, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Мы со всем этим справимся. — Он нежно меня целует, пытаюсь забрать себе мою боль. На какое-то мгновение это срабатывает, словно платина, сдерживающая приливы и отливы, но когда поцелуй заканчивается, снова приходит наводнение и еще хуже предыдущего.

— Как бы мне хотелось, чтобы моя мама была здесь, — шепчу я. — Уж она-то знала что делать.

Эш крепко меня обнимает, не произнося ни слова.

Спустя полчаса Гарольд возвращается вместе с остальными. Он помогает перенести ЭмДжея в церковь на импровизированных носилках, в то время как Дей вносит потрепанные огнем пожитки, которые им удалось спасти. Вся наша жизнь уместилась в одной сумке. На краткий миг я вспоминаю о подарках, которые я получила вчера не день своего рождения. Все они сгорели в пожаре вместе с домом. Я слегка прикасаюсь к кулону у себя на шее, радуясь, что так и не сняла его. Он покрыт сажей, но, похоже, не пострадал.

Они несут ЭмДжея в спальню к Гарольду и устраивают его там поудобнее, и нам всем приходится устраиваться здесь на ночлег, потому что теперь мы бездомные. Пока мы все устраиваемся, Самрина хлопчет на крошечной кухне, её небесно голубое платье так и мельтешит меж стульев. Ей удается разыскать в недрах одного из шкафчиков старый фартук, и она повязывает его вокруг своих широких бедер. Засучив рукава, она собирает волосы в пучок и начинает готовить ужин, несмотря на протесты Гарольда. Похоже, что ей просто необходимо найти себе занятие, чтобы отвлечься.

Майкл заканчивает с импровизацией спальных мест на лестнице и возвращается в кухню. В маленькой комнатке нет ничего, чтобы та казалась уютнее. Здесь нет ни обоев в цветочек, ни запаха свежеспеченного хлеба, только что из духовки, но это и не удивительно, здесь ведь живут только Гарольд с Эшем, и Эшу кухня-то не особо и нужна - он ведь не может питаться человеческой едой.

Дей присаживается рядом со мной.

— Нат, мы найдем её.

Я судорожно вздыхаю.

— По крайней мере, она жива... нам нужно придерживаться этого, — продолжает Дей.

Я ничего не говорю. Ведь на самом деле нет никакой гарантии, что моя сестра жива.

В окна начинает вползать ночь, а воздух города наполняет вой сирен, возвещающий о начале комендантского часа. Гарольд зажигает свечи, а Дей звонит Жуку, чтобы сообщить ему о произошедшем. Он немедленно приходит в церковь, и выдает монолог, в котором обещает переубивать всех Стражей в стране, за то, что они сделали. Для нас сейчас это как бальзам на душу. Я хочу, чтобы и они страдали, как мы.

— Я уже передал «Людам за Единство», чтобы они её искали, — говорит Жук. — Пока мы с вами тут разговариваем, они как раз разбиваются на поисковые отряды.

— Я хочу присоединиться к ним, — говорю я.

— И я, — добавляет Эш.

— Ни за что, — твердо говорит Жук. — Повсюду снуют гвардейцы Стражей, да ими все улицы кишат. Да еще и комендантский час. Последнее, что вам двоим нужно, это чтобы вас арестовали. Мы сами со всем разберемся.

Я вздыхаю. Мне досадно. Но он прав.

Пока Самрина накрывает на стол и подает ужин, все обсуждают, где следует искать Полли. Я не участвую в обсуждении, зная в глубине души, что Полли нам в Блэк Сити не найти, почти не сомневаясь, что Пуриан Роуз не станет так рисковать держа её так близко от нас. Должно быть, сейчас она на Транспортере по дороге в Центрум. Грудь ноет от страшно тупой боли, и я отодвигаю тарелку. У меня нет аппетита.

— Как дела у Сигура и остальных Дарклингов? — спрашивает Гарольд Жука.

— Паршиво, — отвечает Жук. — Столько крику и слез. Роуч все еще там, с ними, пытается придумать, как быть дальше. Они надеялись увидеть...

БАМ!

Кто-то тяжело приземляется на крышу церкви, ударяя по шиферу, заставляя нас всех вздрогнуть. За приземлением следует быстрая возня, как будто животное (или человек) съезжает вниз. Тишина, затем еще один глухой удар, и это нечто (некто) ударяется о гравий снаружи.

— Что за фигня...? — говорит Эш, отпихивая свой стул.

Я хватаю нож и иду за ним по церкви.

Эш распахивает входную дверь.

— Кто там? А ну, покажись!

Из тени выходит подросток. Когда он поднимает руки, на его запястьях отблескивают золотые браслеты. Он одет в кожаные жилет и штаны, цвета в тон его темно-рыжих волос. Я ойкаю, мгновенно узнав его. Сложно забыть парня с длинным хвостом и пятнами, как на шкуре у гепарда на скулах, шее и боках. Это Бастет, которого я вызволила из лаборатории штаба Стражей больше двух месяцев назад!

На его чувственных губах играет ленивая улыбка, когда он прислоняется к дверному косяку.

— Привет, Натали, — говорит он. — Бьюсь об заклад, что ты не ожидала меня снова увидеть так скоро.

Я опускаю нож.

— А ты...? — спрашивает Эш.

— Элайджа Теру, — отвечает он, обращая свои глаза цвета топаз на меня. — У нас с Натали есть вроде как общее прошлое, не так ли, красотка?

Мои щеки вспыхивают от стыда, когда я вспоминаю, как нашла его в лаборатории доктора Крейвена голого и всего в синяках. Ученые брали яд Элайджи, чтобы использовать тот в Золотом Дурмане.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

— У меня есть к вам предложение. — Он делает вид, что изучает свои ногти. — Что бы вы отдали за оружие, настолько мощное, что оно могло бы повергнуть Стражей и прекратить войну между нашими расами?

— Эээ, да все что угодно, — отвечаю я.

— Вот и славно. — Он ухмыляется. — Потому что, так уж вышло, что я знаю с существование такого. Мне только нужна помощь, чтобы его раздобыть.

СПУСТЯ ПОЛЧАСА, мы все устроились в церковном нефе. Скамьи поставили так чтобы они образовывали квадрат, посреди которого стоит обеденный стол. Дей сидит у Жука на коленях по левую руку от меня, в то время как Натали сидит справа между мной и Эми. Сестра Джонс пришла несколько минут назад вместе со Стюартом, болтавшим с папой о линзах для новой камеры, которые он купил. Все они по правую руку от меня. Семья Дей ушла спать, а мы решили подождать остальных, прежде чем начать собрание.

Натали сидит, погруженная в свои мысли, положив мне голову на плечо. Я знаю, что она думает о Полли; я тоже о ней думаю. Я просто не знаю что делать. С рассветом мы начнем её поиски, как только закончится комендантский час, но с чего нам начать?

Хотя все переживают за Полли, в воздухе так и витает волнение от перспективы заполучить оружие, с помощью которого можно свергнуть правительство Стражей. Элайджа прогуливается по церкви, кривя губы, когда проводит пальцами по толстому слою пыли на скамьях. Эми хихикает, когда его хвост задевает её ноги, оставляя свой запах на ней, помечая территорию. Я слышу запах мускуса, хотя люди, похоже, ничего не чувствуют. Он вздыхает и усаживается за стол напротив нас.

— Я раньше никогда не видела Бастета, — робко говорит Эми. — Откуда ты?

— Виридис, это в штат Изумрудный, — говорит он. — Мой отец Консул, поэтому мы с семьей и остальным сенатом живем в посольстве. — Он наклоняется к Эми, на его губах играет самоуверенная улыбка. — Знаешь, а я известная персона среди своего народа?

Эми краснеет.

— Может быть, когда-нибудь, я тебя возьму туда с собой, — продолжает он. — Наш город посещает не так уж много людей. И разумеется, они не такие красивые, как ты.

Она становится пунцовой. На Элайджу через весь стол в упор глядит Джуно. Она очень оберегает свою младшую сестру.

Раздается стук в дверь, и в церковь входят Роуч, Сигур, Логан и Гаррик, в одеждах с капюшонами. Мой отец быстро представляет их Элайдже. Два Дарклинга, идя через комнату, сердито буравят глазами Бастета, и я понимаю их чувства. Я их разделяю — они извиваются, словно змеи, и душат меня своей ненавистью к нему. По отношению к Бастетам мы всегда испытываем подозрение — это наш основной инстинкт — потому что в природе для них Дарклинги — добыча.

— Так откуда вы с Натали друг друга знаете, Элайджа? — спрашивает Дей, поправляя очки на носу, подтягивая их повыше.

Он напрягается.

— Элайджа был в плену в штабе у Стражей, — поясняет Натали. — Я помогла ему сбежать.

— Она спасла мне жизнь, — говорит он тихо. — Я ей всем обязан.

Почему она мне об этом ничего не сказала?

— Ты выглядишь гораздо лучше, — говорит Натали.

— Спасибо. Моя мама выходила меня в Виридисе. — Его глаза темнеют от воспоминаний. — Ну, во всяком случае, она выхаживала меня, пока не пропала.

— О Господи, что случилось? — Натали берет его за руку. Я начинаю ревновать.

— Моя мама отправилась на поиски «Ора» — это название оружия, — рассказывает Элайджа. — Мы договорились, что она будет каждый день мне звонить, чтобы я знал, что с ней все в порядке, но последний раз она выходила на связь три дня назад. Я думаю, что её схватили Стражи. — Он смотрит прямо на меня. — Вот почему я здесь. Мне не просто нужна твоя помощь в поисках оружия, мне нужна еще помощь, чтобы найти её.

Натали перехватывает мой взгляд. Мы оба недавно потеряли своих матерей, моя была убита, а её сбежала из-под ареста, так что мы понимаем, через что он проходит.

— Что заставляет тебя думать, что я могу помочь в их поисках? — спрашиваю я в ответ.

— Вы слышали что-нибудь о «Четырех Королевствах»? — спрашивает он.

— Я слышал, — отвечает Сигур. — Они были повстанческой группировкой, которая хотела свергнуть режим Стражей и заменить её демократической системой, которая бы представляла интересы всех четырех рас. Они использовали радикальные методы для достижения своих целей, даже по моим меркам. — Он смотрит на меня. — Твоя тетя Люсинда была в их рядах.

— Серьезно? — удивленно спрашиваю я.

— Да, как и твоя мама, — говорит Элайджа.

— Я думал, что после случая на гидростанции Блэк Сити эта организация была расформирована, — говорит Сигур.

— Была, — отвечает Элайджа. — Но полторы недели назад, моя мама получила вот это.

Он достает сложенный листок бумаги из кармана и кладет на стол перед нами. Это остатки письма, изорванного на клочки, и эти клочки были кое-как склеены вместе. В некоторых местах слов было не разобрать.

Иоланда,

Уверена, что ты злишься на меня за то, что пишу тебе, но прошу тебя учесть, что на то есть веская причина. Пуриан Роуз построил еще один концентрационный лагерь, больше последнего, который назвал «Десятый». И после того, как «Закон Роуза» будет принят, он нас всех туда сошлет. Мы должны его остановить!

Мы не можем допустить повторения того, что случилось на гидростанции — это было опрометчиво, и я не достигла нашей цели. Что нам нужно, так это оружие, которое поставит Пуриана Роуза на колени, но такое, при котором пострадает как можно меньше людей, а мы обе знаем, что такое оружие существует... Я знаю, что это очень рискованно, но мы, по крайней мере, должны попытаться, когда столько поставлено на карту. Но мне нужны твои профессиональные знания, чтобы проделать эту работу. Нам необходимо извлечь контейнер, а затем найти готовый организм, но, мне кажется, у нас все получится. Мы можем его остановить.

Я на месте, мы все остановились в З..., вместе с близнецами. Пожалуйста, приезжай. А когда ты приедешь, я объясню все более детально.

ТАК

Целую, Люси.

— Получив письмо, мама тут же собрала сумку и уехала из Виридиса, — продолжает Элайджа. — Она так и не сказала мне, куда направляется, сказала, что лучше мне не знать, потому что это слишком опасно.

— А это, что за пятна? — спрашивает Дей, тыча в письмо.

— Медицинские отходы, — отвечает Элайджа, и Дей тут же бросает письмо и вытирает руки о свои штаны. — Моя мама работает в лаборатории — она генетик. Она, прочитав, порвала письмо, и выбросила его в контейнер для отходов. Мне удалось спасти только вот эти обрывки, после того, когда она ушла.

— Я все еще не понимаю, как по твоему могу тебе помочь, — замечаю я.

— Взгляни, от кого письмо, — говорит он.

— От Люси. И что?

— Имя твоей тети, Люсинда Кумбус. — Его золотые глаза загораются надеждой. — Я подумал, что ты, возможно, знаешь, где она собиралась встретиться с моей мамой.

Я, сильно озадачившись, качаю головой.

— Оно не может быть от моей тети. Она погибла в Бесплодных землях еще во время войны. — Я смотрю на Сигура. — Ведь так?

— Возможно, она выжила, — признается он.

Вот это новость!

— Так почему же она не связалась с нами, если все еще жива?

Сигур смотрит на моего папу.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Люсинда зла на нас обоих, — отвечает Сигур.

— Почему?

— В начале войны, Люсинда подошла ко мне и рассказала о своем плане, распространения смертельного вируса по городской системе водоснабжения. Она попросила меня о помощи, — объясняет Сигур. — Конечно же, я отказался. Мы воевали с правительством, а не с рабочим людом.

Логан напрягается, и я гадаю, неужели она была не согласна с этим решением.

— Я пошел к отцу Натали, генералу Бьюкенан, и рассказал ему о её намерениях, — продолжает рассказывать Сигур. — Он предотвратил диверсию, но Кровная половика Люсинды, Найл, был убит. После того, как её допросили, сослали в Бесплодные земли, чтобы погибнуть вместе с другими Дарклингами.

На меня накатывает волна гнева по отношению к Сигуру за предательство моей тети, но в то же время я понимаю, что он поступил правильно. Бутсы нам не враги, они пострадали от Пуриана Роуза почти так же, как мы во время войны. Чтобы это понять, достаточно спросить об этом Жука, Джуно и Эми, которые выросли сиротами, потому что их родители погибли в артобстрелах. Однако, неудивительно, что Люсинда их так сильно ненавидит.

— А с тобой что? — спрашиваю я папу. — Тебя-то ей за что ненавидеть, она ж с тобой не общалась?

— Все очень сложно.

— А ты попытайся объяснить, — говорю я.

Он вздыхает:

— Я не всегда был священником, сынок. Когда я впервые встретился с твоей мамой, я был гвардейцем Стражей.

— Что? — выплевываю я. — Ты — Страж?

Почему папа никогда не рассказывал мне об этом? И если подумать, он ведь никогда ничего не рассказывал о своих родителях. Я считал их мертвыми. Может потому, что он стыдился их? Или потому, что он стыдился меня?

— Люсинда не могла простить твою мать, что она вышла за меня замуж, поэтому они

перестали общаться, — говорит папа.

Я пробегаю пальцами по волосам.

— Уф, сколько всего. Прямо не укладывается в голове.

— Это все, конечно, очень поучительно, но я бы хотела побольше узнать об оружии, — встревает в разговор Роуч. — Что такое «Ора»?

Мы все смотрим на Элайджу.

— «Ора» заряжена желтой чумой, — отвечает он, и все в комнате столбенеют. Желтая чума один из самых смертоносных вирусов на свете. — Ну, во всяком случае, я почти в этом уверен. Письмо оказалось у меня, только после того, как мама уехала, так что я не мог у неё спросить.

Я хмурюсь:

— Тогда с чего ты взял, что это желтая чума?

— Мне хотелось побольше узнать об «Ора», так что я в поисках ответов, хакнул мамин комп в лаборатории, — говорит он. — Я нашел кое-какую исследовательскую документацию, датированную как раз тем временем, когда она была в рядах «Четырех Королевств». В них ничего конкретно не сказано насчет «Ора», но я подумал, что, скорее всего, это кодовое слово.

— Или название? Как вирус C18, известный как «Разъяренный»? — предполагает Дей.

Элайджа кивает.

— Я обнаружил, что мама занималась исследованиями желтой чумы, и, более того, она занималась разработкой штаммов, которые поражали бы только v-ген...

— Ищек! — говорит Дей.

V-ген помогает человеку чувствовать Дарклингов, но он встречается довольно редко, всего у шести процентов населения, и большинство таких людей из детей Стражей, как в случае с Натали и — как оказалось в случае со мной.

— И ты думаешь, твоя мама преуспела в создании этого нового штамма вируса? — спрашивает Логан.

Он кивает.

— Но после инцидента на гидростанции и ареста Люсинды, моя мама бежала с Бастетами в поисках убежища в Виридесе, так что полагаю, что они так и не закончили этот проект.

— Но теперь, когда Люсинда вернулась, они надеются завершить начатое? — спрашивает Сигур.

— Ага, именно так я и думаю, — говорит Элайджа. — Все очень хорошо вписывается — оружие, которое может свергнуть Стражей, но при этом жертв минимальное количество, потому что будут поражены только носители v-гена. И зачем бы еще Люсинде понадобились мамин профессиональные навыки, если не для этого?

Жук изучает письмо.

— Тут сказано, что они должны получить контейнер. А почему твоя мама просто не держала образец желтой чумы в своей лаборатории?

Дей закатывает глаза.

— Слушай, ты вообще слушаешь, чему нас в школе учат? Желтая чума очень опасна. Для того, чтобы её хранить, нужен специальный бункер, желателен отдаленный и по возможности под землей.

Кончики ушей Жука розовеют, и Дей целует его в щеку.

— Вы только представьте, на что мы способны с таким оружием, — говорит Роуч. — Мы могли бы одним ударом нейтрализовать силы Роуза, с минимальным риском для себя и Бутсов. Это сломит Стражей.

— Давайте не будем забегать вперед. Для начала мы должны его раздобыть, — говорит Джуно.

— Вообще-то, первое, что мы должны сделать, это спасти мою маму и Люсинду, — говорит Элайджа. — Только они знают, где находится лаборатория с вирусом. Плюс, из письма ясно, что для того, чтобы завершить проект, нужен мамин опыт и навыки.

— Значит, так мы и сделаем, — говорит Сигур.

Все, преисполненные надеждой, начинают возбужденно разговаривать. Все, что нам нужно сделать, это держать Стажей подальше от нас, чтобы мы смогли спасти мою тетю и маму Элайджи, и заполучить «Ору». Это будет сложно, но выполнимо.

— Вы всерьез рассматриваете возможность заражения людей желтой чумой? — спрашивает Натали. — Тогда, чем мы лучше Стражей, которые заразили Дарклингов вирусом Разъяренных?

— Это другое? — говорит Жук.

— В чем? — с вызовом спрашивает она.

— Для начала в том, что они это заслужили, — говорит он. — Кроме того, чем это хуже, чем подрывать людей или стрелять в них? Результат-то тот же — люди мертвы. Разница лишь в том, что нас погибнет меньше, если мы используем «Ора».

Натали глядит на Сигура.

— Сначала я должен позаботиться о своем народе, — говорит он. — Это оружие может стать ключом к нашему спасению.

Она переводит взгляд на меня:

— Эш?

— Я согласен с остальными — признаю я. — Это не то, что в случае с вирусом Разъяренных. Этот вирус был создан, чтобы убить всех Дарклингов. «Ора» же приведет к гибели лишь маленького процента людей с v-геном.

— Таких, как мы с тобой, — говорит она.

— Я готов взять на себя этот риск, — говорю я. — Мы исключение из правил.

— Мы будем осторожны, — присоединяется к разговору Роуч. — Мы ударим только по стратегически важным объектам, чтобы минимизировать потери.

Натали больше ничего не говорит, понимая, что она в меньшинстве.

— А мне вот интересно, — говорит Джуно, обращаясь к Элайдже. — Почему Бастеты придержали такое оружие себе? Почему не поделились с нами? Конечно, не то, что бы мы были союзниками.

Элайджа чешет себе шею.

— Ну, во-первых, мы не знаем где оно, и нам нужна помощь, чтобы его воссоздать.

— А во-вторых?

Он смотрит на меня.

— Сенаторы не могут договориться, что делать с «Орой». Половина боится его применять, понимая, что если мы его применим, то это положит начало войны со Стражами, в которой мы не победим. Однако остальные хотят сражаться, но нам нужна поддержка.

— Хочешь присоединиться к восстанию? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Но мы должны перетянуть на нашу сторону и остальных сенаторов. Я надеялся, что ты и Натали отправитесь со мной в Виридис и убедите их в правильности этого решения.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Я смотрю на Роуч.

— Нам нужны все союзники, которые только возможны, — говорит она.

Сигур с Жуком оба согласно кивают. Я смотрю на Натали.

— Что скажешь? — спрашиваю я.

Она слабо кивает.

— Хорошо.

Я протягиваю руку.

— Скрепим сделку.

Мы пожимаем руки.

— Что ж, это повод для праздника, — говорит папа, идя на кухню и возвращаясь с бутылкой Шайна, которую, как я знаю, он заныкал в коробке из-под хлопьев. — За новых друзей.

— За новых друзей, — поддерживаем мы, поднимая свои бокалы.

Жидкость в бокалах начинает вибрировать.

У меня не так много времени, чтобы сообразить, что же за гул над нами, который заставляет нас всех застыть.

— Что это? — спрашивает Натали.

Я поднимаюсь.

— Есть только один способ это выяснить.

Мы все рвемся наружу, чтобы посмотреть, что же происходит. На улице уже полным полно горожан, они смотрят в ночное небо и их лица перекошены от ужаса. Океан звезд перекрывают неестественные тени, словно трепещущая акула, разрезающая лунный свет.

Эсминец.

Целый флот дирижаблей, каждый более восьмисот футов в длину, плавающих по всему городу.

У меня кровь в жилах стынет.

В этот момент цифровые экраны по всему городу оживают, и на мониторах появляется Пуриан Роуз. Мы все задерживаем дыхание. Я никогда не слышал, чтобы в городе стояла гробовая тишина.

— Граждане Блэк Сити. К настоящему моменту, вы видите у себя над головой мои дирижабли, — говорит он.

Натали бросает на меня обеспокоенный взгляд.

— Ваше предательство сегодня не осталось для меня незамеченным, — продолжает Роуз. — И в ответ, правительство внесло поправки в наши законы о сегрегации. Все, кто проголосовали «ПРОТИВ», теперь считаются предателями расы, как и их дети, и будут высланы в гетто вместе с Дарклингами. У вас есть семьдесят два часа, чтобы сдать моим гвардейцам всех предателей расы и Дарклингов. Если же вы этого не сделаете, вас постигнет та же участь что и Эмбер Крик.

Эмбер Крик? Не тот ли это город, где люди скандировали: «Нет страха, Нет власти!» в течение всего голосования?

Мои подозрения подтвердились, когда на экране появились кадры гавани, которые мы видели уже сегодня утром, лишь с той разницей, что там все в огне. Пирса больше нет.

Торговые палатки, лодки и хижины — все разрушено. В окровавленной и пузырящейся воде качаются сотни мертвых тел, их кожа черная, словно уголь. Мужчины, женщины и дети; никто не ушел от ярости Роуза.

Натали хватает меня за руку.

Я смотрю во все глаза на ужасающую картину, понимая, что она будет преследовать всю мою оставшуюся жизнь. Всех эти людей сожгли заживо. Прямо, как я.

— Это моя вина, — шепчу я. — Это из-за меня они все мертвы.

В нижней части экрана отображается отсчет времени, давай нам знать, что время пошло и что у нас всего семьдесят два часа. Часы тикают: 71:59:59, 71:59:58, 71:59:57...

— Мы никогда не уступим, мы никогда не выполним твои требования! — вопит экранам Жук, как будто Роуз мог его слышать.

Камера медленно наезжает на Пуриана Роуза, и оно заполняет весь экран.

— У меня есть сообщения для парня, который называет себя Фениксом...

Я крепче сжимаю ладонь Натали.

— Это последние два месяца я был слишком снисходителен к мятежникам, и это попустительство позволило вам, словно паразитам приумножиться и распространиться, — говорит он. — Пришло время мне избавиться от этого нашествия. Правительство Стражей официально объявляет войну вашей террористической организации. Все, кто являются участниками этого движения, будут казнены.

Я смотрю на Жука. Выражение его лица отражает мою обеспокоенность.

— И да еще одно... — продолжает Пуриан Роуз.

Изображение зернисто сменяется кадрами темноволосой девушки, привязанной к металлическому стулу. Её голова опущена, тело полуобнажено. Вокруг ног лужи крови.

— Если повстанцы, так или иначе, попытаются вмешаться, если они снова попытаются пойти мне наперекор, я исполню свое обещание, — говорит Роуз. — По частям.

Из камеры на нас смотрит девушка, и Натали кричит.

Это Полли.

НАД ГОРОДОМ ЗАНИМАЕТСЯ РАССВЕТ, рассеивая желтые лучи на гетто. Послу угрозы Роуза прошлым вечером, повстанцы укрылись в Легионе. По иронии судьбы, теперь это было единственным безопасным местом в городе для нас, потому что гетто окружала Пограничная стена. Я едва успел уложить одну сумку с одеждой и другими вещами для переезда сюда.

Я беру синюю сумку и вынимаю резную шкатулку, обмотанную одной из моих рубашек. В шкатулке хранятся мамины сувениры: старые фото, локон белых волос, листовки Фронта Легиона «Освобождение», призывающие к митингу в Блэк Сити, и дневник, что дал мне Сигур.

Я пролистываю дневник, находя утешение в чтении маминых строк. Когда я переворачиваю страницу, то на пол выскальзывают две фотографии — на одной семья в лесной долине, а на другой, сделанной в таверне Фракии, она — подросток и тетя Люсинда и еще две девушки. Я и забыл, что положил его сюда. Я поднимаю фото с пола и изучаю их, у меня щемит сердце от сияющего маминого лица, которое смотрит на меня со снимка.

Я убираю снимок обратно в мамин дневник и иду к окну. Всю ночь из дирижаблей на охрану города подтягивались войска Стражей и группы Люпинов. Похоже, Гаррик был прав — на Люпинов у Пуриана Роуза другие планы, и теперь мне предельно ясно, что же это за планы: он собирается использовать их в качестве ищеек, чтобы те выслеживали Грязнокровок. Из своей спальни (некогда принадлежавшей Эвангелине) мне видно, что в центре города находятся, по крайней мере, двадцать патрулей Стражей и Люпинов.

Часы на всех информшитах продолжают отсчитывать время, но рядом с часами теперь прокручивается список имен, которые должны быть все высланы. Список включает всех Дарклингов и всех тех, кто вчера проголосовал против, таких, как Натали, папа, Жук, Роуч, Эми, Самрина, Майкл, Джуно, Стюарт — я знаю из этого списка всех лично.

И в это мгновение на экранах появляется изображение Полли. Они так делают каждый час, спустя час, после послания Роуза городу. Из того, что нам известно, сообщение прошлой ночи и эти ежечасные обновления транслируются только для Блэк Сити, для остальных городов они не имеют никакого смысла. Пуриан Роуз не хочет, чтобы остальные города страны знали, что здесь происходит. Полли все еще привязана к стулу. Она дрожит и напугана. Она находится в маленькой, темной, полностью стальной комнатке. Я гадаю, может она содержится в какой-то камере — может похожей на ту, в которой сидел я в штабе у Стражей? Выглядит очень похожей. На мгновение во мне вспыхивает надежда, может быть, Полли находится все еще в городе. Однако кажется маловероятным, что Роуз стал бы так рисковать. Ему необходимо держать ее в таком месте, чтобы никто не смог до неё добраться.

Сквозь половицы из зала заседаний под нами слышны разгневанные голоса, где мятежники с министрами Дарклингов ожесточенно спорят, что же им следует предпринять в сложившейся ситуации. Они спорили всю ночь напролет. Мне хотелось сказать им, что мы ничего не можем. Мы проиграли. И теперь наша единственная надежда — побег.

Я смотрю на Натали, свернувшуюся калачиком на двуспальной кровати. Когда она проснется, я расскажу ей о своем плане побега в Северные территории. Пересекать границу

будет опасно, но, мне кажется, риск оправдан. Люди там, как говорят, более терпимы к Дарклингам. Конечно, мне придется убедить наши семьи присоединиться к нам. Будет трудно сбежать такому количеству народу, но я что-нибудь придумаю.

— Полли! — вскрикивает Натали, просыпаясь.

Я спешу к ней и заключаю в объятия.

— Все в порядке. Я с тобой, — говорю я.

Её голова покоится на моих коленях, а я глажу её по белокурым волосам. Как бы мне хотелось, чтобы был способ забрать её боль себе.

— Я думаю, нам надо бежать, — говорю я тихонько и рассказываю ей свой план.

Натали садиться.

— Мы не можем.

— Знаю, это будет трудно, но...

— Только с Полли, — говорит она. — Если ты хочешь уйти от остальных, я пойму. Но я никуда не пойду без своей сестры.

Я чешу затылок. Давить бесполезно. Она не передумает, а я ни за что не покину город без неё.

Мы оделись и несколько минут спустя спустились вниз, чтобы найти всех в сборе в Ассамблее. Там были уже министры Дарклингов, которые спорят между собой, в то время как Сигус и Логан просто наблюдают. Цифровой экран на задней стенке показывает обратный отсчет, давая нам понять, сколько времени у нас осталось, прежде чем город погибает в огне: 63:42:11, 63:42:10, 63:42:09...

Я усаживаюсь за общим столом между Натали и Эми, которая слабо и обеспокоенно улыбается мне. Напротив нас сидят Дей, Жук и Гаррик, в то время как Элайджа ходит взад-вперед по комнате. Я знаю, что папа и остальные члены семьи еще спят, так как я проходил мимо их комнат, идя сюда. Роуч висит на телефоне.

— А где Джуно со Стюартом? — я спрашиваю Эми, удивленный, что их здесь нет.

— Они отправились в город. Я умоляла Джуно не ходить туда, но... — Она прикусила губу. — Ну, ты знаешь мою сестру. Она всегда должна быть в центре событий.

Роуч вешает трубку.

— Я только что разговаривала с Флеей. В других городах нет никаких дирижаблей. Только у нас.

— Есть какие-нибудь новости о Полли? — спрашивает Натали.

— Пока нет, — отвечает Роуч.

Натали хмурится. На лбу между бровями у неё появляются маленькие складочки. К ней подходит Гаррик и кладет свою когтистую руку ей на плечо. Вблизи я вижу, что его ногти острые, как акулы зубы, все заостренные на концах. Не хотелось бы мне оказаться с ним по разные стороны баррикад.

— Мне жаль, что такое случилось с твоей сестрой, — говорит он хриплым голосом. — Ты должно быть очень за неё переживаешь — и за свою маму? — Он наклоняется к ней и заговорщически говорит: — До меня дошли слухи, что Эмиссара видели в Медном Штате.

— Мне ничего об этом неизвестно, — говорит Натали. — Она со мной не связывалась.

— Нет, разумеется, нет. Это было бы небезопасно, — отвечает Гаррик. — Но я уверен, что, если бы она могла с тобой связаться, то сказала бы, что с ней все в порядке.

— Что-то я сомневаюсь, — бормочет Натали.

Гаррик ободряюще сжимает ей плечо и идет искать себе свободное место в овальном

кабинете.

— Итак, что мы собираемся делать? — задаю я насущный вопрос, который интересует всех здесь присутствующих.

— Мы должны защитить гетто! — говорит Палло, брутального вида Дарклинг-Элока.

— Нет, мы должны сдать, — говорит Ангел, женщина Дарклинг-Шу'Цин. — Мы наверняка все здесь умрем. У нас нет пропитания, горожане хотят нашей смерти, и даже, если мы добьемся успеха и отстоим гетто, Роуз все равно сожжет все дотла.

— А что на счет «Ора»? — спрашивает Жук. — Мы еще собираемся его искать, ведь так?

— И мою маму, — добавляет Элайджа, бросая на меня испуганный взгляд. — Мы должны её найти.

Я на ненадолго закрываю глаза, голова идет кругом.

— Мы как можно скорее вышлем поисковую команду на поиски «Ора» и матери Элайджи, — говорит Сигур, а Роуч согласно кивает. — Но в то же время, мы должны придумать альтернативный план, чтобы защитить себя. У нас есть только три дня до того, как Стражи скинут на город бомбы.

— Может Ангел и права, — говорит Логан. — Может статься, что «Десятый» наш лучший вариант, до тех пор, пока мы не сможем заполучить «Ора» и спасти всех нас. По крайней мере, молодежь будет послана на работы на фабриках в Примас-Два.

— Но как быть с остальными? — кипятится Палло. — Я не собираюсь покорно следовать в Примас-Три, чтобы стать там подопытной крысой!

— Мы могли бы попытаться сбежать, — предлагает Натали. — У Эша есть план, как всех переправить через границу на Северные территории.

— Это скорее больше похоже на предложение, чем на настоящий план, — замечаю я. — Я даже не знаю, как всех вывести из города.

Над гетто пролетает Транспортёр, заставляя стены вибрировать и гудеть. Мы все затаили дыхание, пока тот пролетает. Машина не делает попыток приземлиться.

— Как это еще гвардейцы Стражей не пришли за нами? — спрашивает Дей.

— Я могу только предположить, что Пуриан Роуз отдал приказ не трогать нас, пока крайний срок не закончится, — говорит Сигур. — Он хочет, чтобы народ Блэк Сити дал ему возможность спалить город дотла.

— Так зачем же было дано три дня, чтобы нас сдали? — спрашивает Дей. — Почему бы нас не разбомбить прямо сейчас, как он сделал в Эмбер Крик, если этого он на самом деле хочет?

— Ему нужны заключенные, чтобы они работали у него на фабриках или он мог над ними экспериментировать в «Десятом», — раздался голос Гаррика с дальнего конца комнаты. — Он сделал из Эмбер Крик пример, чтобы люди Блэк Сити боялись его обещаний.

— И у него это вышло, — бормочу я.

В дубовую дверь Ассамблеи Дарклингов раздался удар, она распахнулась, и внутрь вошли Джуно со Стюартом. Оба задыхающиеся и растрепанные, и Джуно прижимает к себе левую руку. Стюарт несет камеру, которую тут же подключает к цифровому экрану в задней части комнаты.

— Там просто безумие! — восклицает Джуно.

Эми спешит к своей сестре:

— Ты пострадала?

— Да, это просто растяжение, — отвечает Джуно. — А вам, ребятки, надо это увидеть.

Стюарт нажимает на кнопку play на камере, и все в комнате притихают, наблюдая за происходящим на экране. Первое, что мы видим, это сотни людей на городской площади, которые требуют, чтобы Сигур выслал из города всех Дарклингов, в то время как гвардейцы Легиона выстаиваются в шеренгу у стены, готовые стоять насмерть, чтобы защитить свой народ. Мой народ.

— Никогда не думала, что скажу такое, но я безумно рада, что у нас есть эта чертова стена, — говорит Роуч.

Стюарт мотает вперед и останавливает на кадрах, на которых гвардейцы Стражей устанавливают по всему городу дополнительные блокпосты, в комплекте с артиллерийскими пушками и танками. Теперь даже мышь не проскочит мимо. Следующий кадр переносит нас уже на вокзал, где несколько семей распахивают по бронепоездам.

— Постойте-ка, это что, эвакуация? — спрашиваю я.

Джуно кивает.

— Последняя утренняя директива. Все, кто сдаст с рук на руки гвардейцам Стражей Грязнокровок, получают билет, который дает право покинуть город. — Она бросает на стол пропитанной кровью железнодорожный билет, на котором было по диагонали отпечатано красным, жирным шрифтом ЭВАКУАЦИЯ РАЗРЕШЕНА. — Этот мне достался от мертвого парня, которого покалечил Люпин. Похоже, покойник сильно разозлил того парня.

Рот Гаррика слегка дергается.

— Несколько из них пытались схватить меня и Стю, но мы смогли отбиться, — продолжает рассказывать Джуно.

Я вращаю в руках билет. На нем видны серебряные водяные знаки в виде розы, которые доказывают его подлинность. Чтобы отпечатать такие потребуется ни одна неделя. Я вскипаю от злости. Пуриан Роуз все давно продумал — он предполагал, что я проголосую против него. А это сыграло ему только на руку.

— Остальной стране необходимо увидеть, что здесь происходит, — говорит Роуч. — Мы должны предупредить народ, до того, как дирижабли войдут в их города.

— Ты сможешь хакнуть новости Си-Би-Эн, и сделать выпуск наших новостей? — спрашивает Сигур.

Джуно качает головой.

— Мы уже пытались.

— Правительство каким-то образом обрывают любые сигналы, выходящие за пределы города, — объясняет Стюарт. — Мы ничего не можем транслировать за пределы города.

Видео замирает на молодой паре, зависшей на крошечной фигурке, лежащей в луже крови. Вся комната погружается в молчание, когда в камеру смотрит лицо плачущей матери.

— Феникс, ты нам поможешь? — всхлипывает женщина в камеру. — Мы тебя поддержали, и вот как ты нам отплатил? Ты нас бросил!

Джуно выключает на мониторе звук, но это не помогает — у меня в голове до сих пор звенят слова женщины.

Роуч ударяет ладонью по столу.

— Нам нужно выйти и сражаться!

— Но как же Полли? — спрашивает Натали. — Если мы вмешаемся, её убьют.

— А как же все те люди, кто поддержал нас вчера? — спрашивает Роуч. — Они все

будут убиты, если мы не предпримем решительных действий. Мы обязаны их защищать.

— А мы не можем подождать, пока не узнаем где Полли? — спрашивает Натали.

— Каждая минута дорога. Чем дольше мы тянем, тем больше людей будет сдано Стражам, — говорит Роуч. — Или жизнь твоей сестры дороже их жизнью?

Натали смежает свои светлые ресницы.

— Делайте то, что должно, — поднимаясь, тихо говорит она. — Если я вам понадоблюсь, то я буду наверху.

Она покидает комнату, и Дей с Эми спешат вслед за ней.

Поднимается Элайджа:

— Прошу меня извинить, но мне нужно позвонить.

— Можешь воспользоваться телефоном в моем кабинете, — предлагает Сигур.

— Спасибо, — говорит Элайджа и выходит из комнаты.

Остальные принимаются планировать нападение, в то время как я подхожу к окну и, выглядывая наружу, смотрю на небо.

Транспортер, перевозящий еще одну группу заключенных, поднимаясь в воздух, разрезает клубы пепла, и те, хлопьями снега, оседают на землю. Самолет с бронированными наклонными крыльями, приблизительно сто футов длиной и достаточно большой, чтобы вместить на своем борту до пятидесяти пассажиров за один раз. На борту самолета большими красными буквами написано его название и номер. Этот называется Мэриэнн 705. А неподалеку к Эсминцу, зависшему над парком, подлетает Транспортер под названием Розалин 401. Я предполагаю, что имя как-то связано с Эсминцем, которому принадлежит самолет, и номер отличает его от других во флоте.

Гигантские цифровые экраны, развешанные по всему городу, моргают, и на них снова появляется изображение Полли. Она будто в оцепенение. Я отвожу взгляд, снедаемый чувством вины, понимая, что мы, не подчинившись приказам Пуриана Роуза, отдали её ему на заклинание. Господи, верно ли мы поступаем?

Жук перехватывает мой взгляд, когда я возвращаюсь к общему столу, и бросает на меня сочувственный взгляд. Для него это тоже непросто; он очень близко общался с ней в течение двух месяцев, с тех пор как она переехала к семье Дей. Я пытался слушать остальных, пока они обсуждали наш план нанесения удара по Транспортерам, но не могу сосредоточиться. Мои глаза скользят к видео (с выключенным звуком), принесенное Стюартом этим утром, которое все еще проигрывается на экране. Члены семей разлучены, люди убиты. Все это сделано для общего блага. На карту поставлено больше, чем жизнь Полли. Тем не менее, я ощущаю горечь, когда вижу каждый следующий час её изображение.

Вдруг у меня в сознание вспыхивают слова ранее сказанное Стюартом: «Правительство каким-то образом обрывают любые сигналы, выходящие за пределы города...»

Я резко вытягиваюсь в струнку на своем сиденье, чем заставляю всех обратить на меня внимание.

— Если правительство блокирует входящие и выходящие сигналы Блэк Сити, то каким образом они демонстрируют видео с Полли? — спрашиваю я.

Все на мгновение затихают, а потом Стюарт расплывается в улыбке.

— Сигнал должен исходить из города! — говорит он.

— Откуда? — спрашивает Жук.

— Из штаба Стражей? — предполагает Джуно.

— Нет, мы уже туда вламывались, — говорю я. — Сигнал должен транслироваться из

такого места, в которое у нас, по их мнению, нет доступа.

Мой мозг работает в бешеном темпе. Если бы мне пришлось держать Полли в городе, но так, что бы до неё было не добраться, где бы я её спрятал? Ответ сражает меня наповал. Я смотрю на окно.

— Она в Эсминце, — говорю я.

Глава 11

НАТАЛИ

Я СВЕРНУЛАСЬ калачиком на кожаном кресле возле каменного очага в кабинете Сигура и наблюдаю за желтым пламенем, как он танцует в камине. Эми с Дей сидят на антикварном ковре передо мной, скрестив ноги, поглядывая на меня с озабоченным выражением лица. Понятно, что ни одна из них не знает, что сказать, да и что они могут сказать? Только то, что я практически подписала своей сестре смертный приговор. Я моргаю, но пламя видно даже через слезы.

— Может спасательная команда найдет её, — с надеждой говорит Эми.

Боль узлом завязывается у меня в груди, и я стараюсь выбить её прочь своим кулаком, но ничего не выходит. Я издаю жалкий стон и скрючиваюсь, наконец, позволяя себе расплакаться. Дей тут же оказывается возле кресла и обнимает меня.

Я цепляюсь за неё, ненавидя себя за то, что предала Полли, ненавидя Пуриана Роуза за то, что мучает мою семью. Опять. Как же он может поступать так со своей собственной дочерью? Не тронул бы он её, зная правду? Я почему-то сомневаюсь.

Двери распахиваются.

— Извините, — говорит Элайджа, когда видит нас. — Я хотел воспользоваться телефоном. Это может подождать.

Я вытираю глаза.

— Нет, все нормально. Проходи.

Элайджа сомневается, но потом проходит в комнату и идет прямо к столу Сигура. Я стараюсь не вслушиваться в его приглушенный диалог с отцом.

— Есть какие-нибудь новости о твоей маме? — спрашиваю я, когда он вешает трубку.

Он качает головой.

— Твой папа должно быть очень переживает, — говорю я. — Удивительно, что она ему ничего не сказала о том, куда собирается.

— Они больше не вместе, — объясняет Элайджа. — Мама ненавидит его. Они разговаривают-то сквозь зубы.

Я прикусываю губу. «Вот молодчина, Натали».

— Письмо Люсинды при тебе? — спрашиваю я.

Он вынимает письмо из кармана.

— Ну же, давай попробуем разобраться и понять, где может быть твоя мама, — говорю я, отчаянно нуждаясь в том, чтобы отвлечься, прежде чем моя вина перед Полли окончательно не поглотит меня.

Мы сгребаем в охапки с полок энциклопедии, атласы и старые навигационные карты, а потом несем их на ковер рядом с камином и рассаживаемся в кружок. Элайджа кладет письмо в центр. Пока Дей его читает, у неё постоянно сползают очки вниз.

— Итак, Люсинда отправилась на встречу с какими-то близнецами, — говорит она. — Кто это такие?

Элайджа пожимает плечами.

— Мама никогда не упоминала, что знает хоть каких-то близнецов.

— Что ж, название города определенно начинается на «З» и заканчивается «й», — говорит Дей. — И учитывая замазанное количество букв, мы ищем определенное слово.

— Отлично, все просматриваем книги и ищем совпадения, — говорю я.

Элайджа берет книгу. Я ни сколько не сомневаюсь, что он уже такое проделывал и не раз, но за неимением альтернативы, это все, что нам остается. Может он что-то пропустил.

Я беру старый атлас и перелистываю пожелтевшие пыльные страницы, внимательно вглядываясь в крошечные печатные слова, названия городов, во все, лишь бы найти совпадения названия с тем, что упоминалось в письме Люсинды. С каждой просмотренной книгой, меня все больше одолевает отчаяние. Мое страстное желание спасти Полли мешает помогать Элайдже. Я со всей злости отшвыриваю книгу на другой конец комнаты и опускаю голову на руки, делая несколько глубоких вдохов.

— Ты в порядке? — спрашивает Элайджа.

Я киваю, и собираю волосы в хвост на затылке.

— Я не нашла ни одного совпадения.

— Такая же фигня, — говорит Элайджа, кидая свою книгу в общую кучу.

— И у меня по нулям, — сообщает Дей.

— В старых картах я нашла место под название Затененные горы, — говорит Эми. — Но не думаю, что существует и город с таким названием, после извержения Горы Альба.

Лицо Элайджи мрачнеет. Исчезает последний лучик надежды.

— Мне жаль, — говорю я, беря его за руку.

Дверь в кабинет открывается, и входят Эш с Жукком. Оба запыхавшиеся.

— Вот, вы где! — говорит Эш.

Его сверкающие черные глаза бросают взгляд на мою руку, которой я сжимаю вокруг ладони Элайджи. И я убираю её.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Мы выяснили, где Полли, — говорит Эш.

Я поднимаюсь, у меня ёкает сердце.

— Что? Где?

— Она на одном из Эсминцев над Парком, — отвечает Жук. — Эш это выяснил вместе со Стюартом.

— Он сумел отследить сигнал с Эсминца Розалин, — добавляет Эш.

Я подбегаю к Эшу обнимаю его за шею и страстно целую его. Такой груз с души — мы можем спасти Полли!

Он отстраняется.

— Спасти её будет непросто.

— Но мы ведь попытаемся, да? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Остальные уже стали разрабатывать спасательную операцию.

Жук пихает носком ботинка стопку книг.

— Ребятишки, а что это вы тут делаете?

— Мы пытаемся выяснить, куда отправились Люсинда с мамой Элайджи, — отвечает Дей.

— Но не смогли найти ни одного места, название которого соответствовало буквам в письме, — говорит Эми. — Мы все просмотрели.

— Может это кодовое слово, — предлагает Жук.

— О! — вскакивая, восклицает Дей. — О! — повторяет она.

— Что я такого сказал? — спрашивает Жук.

— А ну цыц, я думаю, — говорит Дей, прохаживаясь взад-вперед перед камином. Она щелкает пальцами. — Дошло! Это прозвища городов!

Эми с Элайджей обмениваются озадаченными взглядами.

— Ну же, ребятки, — говорит она, ухмыляясь. — У Центрума прозвище - Позолоченный город....

— Виридис — Вертикальный! — перебивает её Элайджа.

— А у Фракии — Зеркальный! — Она одаривает всех самодовольным взглядом и присаживается.

— Откуда ты все это знаешь? — спрашивает Жук. Он под впечатлением.

— Кое-кто из нас и впрямь внимательно слушает учителя на уроке географии.

— А, ну да, — бормочет Жук.

Эш хмурит брови:

— Так, значит, говоришь, Фракия — Зеркальный город.

— Ага, — отвечает Дей.

Он выбегает из комнаты и через несколько минут возвращается с журналом в кожаном переплете. Он вынимает фотографию и показывает её нам. На фотографии две девушки-Дарклинги — я понимаю, что это мама Эша и тетя, которые стоят рядом с барменшей на инвалидном кресле и с потрясающей девушкой с глазами медового цвета в зеленых одеждах с капюшоном.

— Эта фотография была сделана в таверне Фракии, — говорит Эш.

— Это мама! — восклицает Элайджа, указывая на девушку в зеленом.

— Посмотри на обратную сторону, — говорит Эш.

Элайджа переворачивает снимок.

— 4К, Фракия...4К? «Четыре Королевства»!

Дей глядит на фото.

— Гмм, а я думала, что «Четыре Королевства» объединяли в себе все четыре расы, но на фото нет Люпина.

— Может Люпин как раз фотографировал? — предполагает Эш.

Я беру фотографию у него из рук.

— Как думаешь, туда твоя мама отправилась, чтобы встретиться с Люсиндой?

— Вполне вероятно, — говорит Элайджа, с улыбкой до ушей.

— У нас есть не так уж много, чтобы продолжить поиски, — замечает Эш. — Я даже не знаю название таверны.

— Это больше, чем у нас было вчера, — говорит Элайджа, глядя на молодую барменшу на фотографии. — Она может знать, куда моя мама с Люсиндой отправились за «Орой».

— Итак, у нас есть план к действию, — говорит Эш. — Мы отправимся во Фракию и разыщем барменшу?

Все согласно кивают.

Я смотрю на Эша, и он улыбается мне в ответ — мы оба думаем об одном и том же. Если мы сможем разыскать Люсинду, и убедить её дать нам «Ору», может, мы сможем, наконец, найти способ свергнуть Пуриана Роуза. Я постепенно прихожу к мысли использования этого оружия против Стражей, после того, как они похитили мою сестру, разбомбили Эмбер Крик, а потом угрожали всему Блэк Сити.

Но сначала нам нужно разрешить более насущные дела.

Я должна спасти Полли.

Глава 12

НАТАЛИ

Я ПОДНИМАЮ глаза к небу, к Эсминцу, который уже два дня был тюрьмой для моей сестры. Розалин. Какое красивое имя, само по себе. Роуч прошлым вечером провела разведку и выяснила, что проще всего пробраться на Эсминец через Транспортер, на борт которого можно взойти на улице Объединений. Эш обнимает меня и целует в макушку, а я пытаюсь успокоиться. Прямо сейчас Полли необходимо, чтобы я была мужественной.

Мы прячемся в близлежащем переулке к улице Объединений. Город в хаосе. Люди кричат и бегут в разные стороны; то и дело слышны пулеметные очереди и мы замечаем несколько групп Люпинов, которые бродят по улицам, охотясь за очередными жертвами.

— Ладно, давайте еще раз пробежимся по плану, — говорит Эш.

Он еще раз вместе с Элайджей и Стюартом пробегаются по плану, пока Гарольд помогает мне с мантией, потому что мои руки так сильно дрожат, что я не могу нормально завязать пояс.

Элайджа устало вздыхает.

— Извини. Тебе скучно? — спрашивает Эш.

Элайджа пожимает плечами:

— Типа того.

Эш с негодованием глядит на него, открывая рот, чтобы разразиться какой-то тирадой, но я бросаю на него обеспокоенный взгляд. Элайджа делает огромное одолжение помогая нам сегодня, и я не хочу его расстраивать, тем более, что на нем ключевая часть плана. Эш идет на попятные, бормоча себе под нос ругательства.

Гарольд связал нам руки веревкой, делая узлы достаточно свободными, чтобы при необходимости мы могли легко высвободиться. Спустя секунду-другую наступает мгновение, который неприятен всем фибрам моей души: он надевает на головы нам мешки. Я тут же чувствую удушье, мне хочется немедленно сорвать мешок с головы, но каким-то образом мне удается взять себя в руки и сдержаться. В мешке прорезаны два крошечных отверстия, потому я вижу только то, что происходит непосредственно впереди меня. Но это лучше, чем ничего.

— Этот мешок воняет рыбой, — ноет приглушенным голосом Элайджа.

— А я-то думал, кошачьи любят морепродукты, — говорит Стюарт.

Нервы на пределе и я сжимаю ладони в кулаки.

— Давайте уже начнем, — бормочу я через ткань мешка.

Гарольд ведет нас к улице Объединений, и мы встраиваемся в непрерывный людской поток, который стремится скорее добраться до тюремного Транспортера Розалин 401. Через открытый люк в задней части корабля мне видны длинные ряды металлических скамеек со скобами для лодыжек. В Транспортере всего одно окно, для пилота. Между заключенными и пилотом натянута сетка для защиты последнего.

Возле люка поджидают четыре вооруженных гвардейца Стражей, загружающих заключенных на Транспортер и выдающих эвакуационный билет, приведших их предателям. Нам машет рукой один из охранников, худощавый мужчина, лет пятидесяти с коротко стриженными волосами.

— Следующий, — говорит он.

Мужчина пихает в самолет двух темнокожих девчушек. Одна не старше семи, другая — десяти лет. У меня кипит кровь от ярости, думая, это каким же надо быть уродом, чтобы сдать Стражам детей. Неужели их родители мертвы? Младшая из двух спотыкается, и он её грубо ставит на ноги. Та начинает плакать. Пощечина заставляет её замолкнуть, и это отнимает все мои силы, чтобы не подбежать к этому чудовищу и не начать колотить его прямо по лицу.

— Имя? — спрашивает седовласый гвардеец.

— Грир, Адриан, — говорит мужчина. — Я сюда утром кровососа привел, это должны были отметить напротив моего имени.

Гвардеец просматривает список и качает головой.

— Да это хрень какая-та! Я доставил его сюда три часа назад. А ну выдайте мне мой Эвакуационный билет! — кричит мужчина, и его лицо краснее от злости.

— Если вы сейчас не успокоитесь, я сдам вас Люпинам, — говорит мужчине седовласый гвардеец.

Возмутителя спокойствия конвоируют два гвардейца, чтобы удостовериться, что тот не учинит неприятностей.

— Следующий, — говорит скучающим голосом седовласый.

Мы делаем еще шаг вперед, и я вижу ЕГО.

Себастьян.

Я не заметила его раньше, потому что мешок полностью перекрывает мое периферическое зрение. Он держит в руках планшет и вносит в список заключенных, которых грузят на борт Транспортера, как будто мы товар.

— Гарольд... — заговариваю я.

— Я встречусь с ним, — бормочет он.

— А что, если он тебя узнает?

— Сомневаюсь, он видел меня без бороды, — говорит Гарольд.

Я стараюсь успокоить свои расшалившиеся нервы. Себастьяну ни за что не узнать Гарольда, в одежде Бутсов и с седой бородой. Очередь продолжает перемещаться в сторону самолета.

— Следующий, — говорит седовласый гвардеец.

— Удачи, — шепчет Гарольд, когда мы делаем шаг вперед.

Я больше не вижу Себастьяна, но точно знаю, что он слева от меня. От ощущения его близкого присутствия у меня волоски встают дыбом на руках. Я слышу даже пряный аромат его лосьона после бритья. Этот запах навивает мне воспоминания о времени, когда мы жили в Центруме и встречались, о часах, проведенных за поцелуями на моей кровати. Я отбрасываю эти воспоминания куда подальше.

— Имя, — говорит гвардеец.

— Г...Джеймс, — быстро поправляет он себя, пытаясь замаскировать свою ошибку кашлем. — Джеймс Мэдден.

Я не смею повернуть голову, чтобы посмотреть реакцию Себастьяна на обман Гарольда.

— Сколько человек перевозишь? — спрашивает гвардеец.

— Трех, — отвечает он, называя наши фальшивые имена.

Охранник проверяет список и одобрительно кивает. Он пропускает Гарольда, выдавая ему Эвакуационный билет.

— Приятной поездки.

Гарольд бормочет благодарности и разворачивается, собираясь уходить.

— Постой, — раздаётся голос Себастьяна слева от меня.

У меня ёкает сердце.

— Чем могу помочь, сэр? — спрашивает Гарольд.

— Мы раньше не встречались? — спрашивает Себастьян.

Во мне возрастает паника, каждый инстинкт вопит, чтобы я бежала. Если Себастьян узнает, кто мы такие, уверена, он нас переубивает.

— Нет... нет, мне кажется, нет, — говорит Гарольд. — Я работаю на рынке Шантильи Лейн. Может Вы посещали мой ларек?

Себастьян молчит, а потом говорит:

— Дай-ка я посмотрю на твоих заключенных. Сними с них капюшоны.

Нет, нет, нет, нет, нет!

— Для этого нет необходимости, — спешно говорит Гарольд.

Гвардеец срывает мешок со Стюарта. Он смотрит со страхом то на гвардейца, то на Гарольда. Я так благодарна Эми за тот волшебный грим, который она сделала ему, дополнив его поддельными синяками и порезами, чтобы это помогло нам еще лучше замаскироваться. Какая же Эми умница, все продумала.

— Чуток побил их, да? — шутя, спрашивает у Гарольда седовласый охранник, думая, что в этом и кроется причина того, почему он не хотел, чтобы мешки были сняты.

— Ну, да, надо было же их как-то умирять, — говорит он.

Седовласый гвардеец тянет руку и начинает стягивать мешок с моей головы. У меня в голове рождаются за эти мгновение миллион способов побега, когда материал дюйм за дюймом ползет вверх по моему лицу.

— Не надо! Она откусит вам руку, — спешно говорит Гарольд.

Мешок поднимается все выше и выше. Уже виден мой подбородок, губы, вот-вот Себастьян меня узнает...

— А ну, дайте мой хренов Эвакуационный пропуск! — вопит мужчина, который стоял перед нами, вбегая за нами, а два охранника бросаются за ним.

Мешок опускается обратно, скрывая моё лицо.

Пока седовласый с Себастьяном скручивают ретивого мужчину, другой охранник заводит нас троих на Транспортёр, Гарольд же может только наблюдать за тем, как нас уводят. Мое сердце все еще колотится как бешеное. В переполненном самолете жарко, как в печке, и по моей спине мгновенно начинает течь пот, когда я усаживаюсь на металлическую лавочку. Наши лодыжки сковывают кандалами, чтобы мы не смогли сбежать. Затем гвардейцы уходят.

— Чуть не попались, — раздаётся рядом со мной приглушенный голос Элайджи.

— Совсем чуть-чуть, — бормочу я сквозь мой капюшон.

Маленькая девочка, которую я только что видела, сидит напротив меня, а та, что помладше снова плачет. Сестра пытается утешить её, а моё сердце сжимается от боли, когда я думаю о Полли и как она утешала меня, когда я была расстроена. Я клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы освободить этих девочек.

Спустя мгновение люк в самолет закрывается, и включаются двигатели. Люди начинают плакать и стенать; кто-то даже принимается молиться, когда Транспортёр отрывается от земли. Это последний раз, когда они видят Блэк Сити. Следующий пункт назначения станет их могилой.

Через два места от меня, истерит на всю катушку, заполняя своим криком всю кабину, худощавая женщина с прямыми, как палка волосами и черными венами от дурмана.

— Меня не должно быть здесь! Вы совершили ошибку! — вопит она, хотя пилоту по боку её страдания.

Турбулентное путешествие к Эсминцу занимает всего несколько минут, но и их с лихвой довольно, чтобы большинство пассажиров стошнило. Вонь стоит просто нереальная, и едва удастся сорвать свой мешок с головы, как меня тут же выворачивает на ноги Элайджи. Он стирает мою блевотину своим мешком.

— Прости, — тут же извиняюсь я. Конечно, в качестве сына Консула-Бастета он больше привык, чтобы девушки бросали лепестки к его ногам, а не заливали блевотиной.

Он нежно берет мои руки в свои, чем удивляет меня. Его ладони такие горячие, что вызывает у меня ощущение сродни тому, когда хочешь согреться, держишь руки над огнем. Вокруг его запястьев поблескивают золотые полосы, я смотрю на них и начинаю потихоньку приходить в себя.

— Здесь воздух разряжен, от того всем и становится плохо. — Он рассматривает месиво, которое я оставила на его ногах. — Морковка на завтрак?

Я смеюсь. Выходит немного истерично, очень похоже на ту чокнутую мадам, через два сидения от меня, но это именно то, что нужно, чтобы успокоить мою нарастающую нервозность. Я начинаю думать, что Элайджа именно тот, кто нужен мне во время кризисной ситуации.

Мы помогаем справиться друг друга с веревками, а потом вместе помогаем и Стюарту, по ходу и снимая с него мешок. Мы со Стюартом снимаем с себя балахоны и остаемся в гвардейских мундирах Стражей, которые Роуч с Жуком сумели раздобыть для нас прошлым вечером. Две маленькие девочки пялятся на нас с широко раскрытыми глазами от удивления. Мы стираем грим с наших лиц, и я собираю волосы в хвост, чтобы выглядеть старше и представительнее. Я запикиваю наши накидки и мешки под скамейки, убрав один мешок себе в карман, приберегая его для Полли.

— Элайджа, не сделаешь мне одолжение, — говорю я, поднимая с пола цепь от кандалов.

Он перекусывает цепь своими саблевидными зубами. Ему приходится сделать несколько попыток, чтобы цепь сломалась, а мои ноги оказались на свободе. Точно такую же процедуру он проделывает для Стюарта. Теперь на нас уже смотрят во все глаза много заключенных. Ко мне наклоняется с широко распахнутыми зелеными глазами, с нечесаными каштановыми волосами и алебастровой кожей парнишка лет восемнадцати, и показывает тату Пепельной розы, я в ответ показываю свою.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает он.

— Спасательная операция, — отвечаю я.

— Будете нас спасать? — спрашивает он.

Я киваю, не в состоянии произнести ложь вслух.

Когда мы входим в Эсминец, полоска света из кубрика исчезает, погружая кабину в полную темноту. Все принимают кричать, дергая свои оковы. Транспортёр сильно вибрирует, заходя в доки Эсминца. Порыв холодного воздуха распахивает люк и заполняет светом кабину.

Мы находимся внутри грузового отсека главной зоны дирижабля. Я знала, что Эсминец большой, но теперь, когда я внутри одного из них, то поражена его размером. Как же нам

найти здесь Полли?

Внутри входит молодой охранник с зачесанными назад волосами и останавливается, когда видит меня со Стюартом. Бейджик на его груди говорит нам, что его зовут Виктор. У меня в висках стучит пульс. Заключение вокруг нас, молча, наблюдают, но никто ничего не говорит, что могло бы выдать нас с головой.

— Что вы здесь делаете? Это не по протоколу, — говорит Виктор.

— Мы сопровождаем это существо, — говорю я, указывая на Элайджу. — Оно напало на одного из гвардейцев, так что нам было велено доставить это наверх вместе с остальными.

Элайджа театрально взывает и клацает своими острыми зубами на Стюарта.

— Уймись! — вопит в ответ Стюарт, влепляя Элайдже пощечину.

Золотые глаза Элайджи горят неподдельной яростью, но он покорно усаживается на место, продолжая играть отведенную ему роль.

— Себастьян ничего такого не передавал мне по рации, — говорит Виктор.

— Он занятой человек, — отвечаю я. — Наверное, забыл.

Виктор обдумывает сказанное.

— И кого же этот кошак покусал? Умоляю, скажите, что это был Холден.

Я смеюсь, будто понимаю в чем прикол.

— Нет, это был какой-то новичок по имени Уодсворт.

Виктор разочарован, но, похоже, купился. Он начинает освобождать заключенных от оков. Когда доходит очередь до истерички, она пускается в причитания.

— Вы ошиблись... Я обожаю Пуриана Роуза! Я голосовала за отделение, говорит она. — Прощу Вас, отпустите меня. Я не такая, как предатели расы!

— Все вы так говорите, — отвечает Виктор, снимая цепь.

Истеричная женщина вскакивает на ноги, а Виктор столбенеет достаточно надолго, чтобы она могла оттолкнуть его и выбежать из люка. Она успевает пробежать футов двадцать, прежде чем он стреляет ей между лопаток. Она падает и её кровь забрызгивает пол. Виктор подходит к ней и пинком переворачивает её на спину. Она все еще жива, хотя кровь с бульканьем выходит у неё изо рта, беззвучно вытекая вместе с жизнью. Он тащит ее в сторону люка в грузовой отсек. Я заморожено наблюдаю, как он открывает воздушный люк и выбрасывает её прямо в небо.

Он поворачивается к заключенным Транспортера.

— Может, кто-то еще думает сбежать? Если так, то вы знаете, где дверь. — Он с мгновение выжидает, но все сидят на своих местах. — А ну подъем, — приказывает он.

Все заключенные в ужасе от того, что только что видели покорно встают, и послушно шаркая, выходят их дирижабля. Грузовой отсек патрулирует множество вооруженных охранников, они же контролируют передвижения. Транспортеры прилетают и улетают в непрерывном потоке, сбрасывая заключенных. Все корабли идут под одним именем Розалин, но с разными номерами. Я замечаю, что на Розалин 403 похоже обратно грузят заключенных. Как ни странно, там одни мальчики и девочки. Виктор перехватывает мой взгляд.

— Особое распоряжение Центра, — говорит он, подмигивая мне.

У меня сводит живот, когда я понимаю, что это значит. Охранники, должно быть, решили немного подзаработать на стороне, продав этих детей тем, кто предложит наибольшую цену.

Нас выводят из грузового отсека и ведут дальше по длинному коридору в тюремный

ярус.

— А я тебя раньше не видел, — говорит Виктор, пока мы идем по коридору. Он осматривает меня снизу доверху. — Я бы запомнил такую красотку.

Я улыбаюсь, но внутри ёжусь от страха.

— Меня буквально только что перевели сюда.

— Ну, если тебе понадобится гид, чтобы показать здесь все, буду рад им стать, — говорит Виктор. — Может, мы как-нибудь выпьем по рюмочке другой?

— Может быть, — бормочу я.

Виктор улыбается:

— Давай позже поболтаем.

— Жду не дождусь, — говорю я, когда он идет к передней группе.

Я иду позади вместе с Элайджей и Стюартом. Я замечаю неуклонное снижение количества охранников, по мере нашего приближения к тюремному отсеку. Похоже, большинство охранников сосредоточено около грузового отсека — у этого корабля есть только один выход. Это хорошо, потому что так будет проще передвигаться в поисках Полли. Но с другой стороны, ничего хорошего, когда нам придется совершить наш побег отсюда.

— Когда мы доберемся до тюремного отсека, нам необходимо пойти к носу корабля, — шепчет мне Стюарт. — Именно там мы локализовали сигнал.

Мы спускаемся вниз по лестнице и выходим на тюремную палубу. В этой части самолета промозгло и темно, свет испускают лишь несколько желтых ламп над головой.

Мы выжидаем подходящей возможности сбежать, которая подворачивается спустя несколько секунд, когда Виктор сворачивает по коридору налево, тут же теряя нас из поля зрения.

— Пора, — говорю я.

Мы просачиваемся в другой коридор, ведущий к носу корабля, и сразу же столкнулся лицом к лицу с группой гвардейцев Стражей, прислонившихся к серебряным стенам, во время своего перерыва. Меня пронизывает паника. Веди себя как обычно. Я киваю им, когда мы проходим мимо, молясь, чтобы никто из них не обратил внимания, как сильно дрожат у меня руки. Они заняты разговорами и не обращают на нас ни малейшего внимания. Я с облегчением выдыхаю.

— Сигнал поступает откуда-то отсюда, — говорит Стюарт, с усилием, распахивая тяжелую стальную дверь.

Мы входим в маленькую рубку управления, заставленную мониторами, интерактивным столом, вешалкой для ключей и картотеками. На одном из экранов изображение Полли. Она по-прежнему привязана к стулу.

— В которой она камере? — спрашиваю я.

Стюарт начинает быстро шарить по интерактивному столу. Его пальцы перелетают с клавиши на клавишу, отбрасывая файл один за другим, в поисках данных, в то время как Элайджа стоит в дверях, то и дело выглядывая, не появились ли гвардейцы Стражей.

— Что-нибудь нашел? — спрашиваю я. Мои нервы натянуты, как струна.

Он просматривает следующий файл.

— Да! Вот оно! — говорит он, тыча пальцем в интерактивный стол. — Она в камере два-десять. Она чуть ниже по коридору.

Я разворачиваюсь на каблуках, готовая бежать. Элайджа хватает меня за руку.

— Постой! Сначала нам нужно пустить запись в прямой эфир, — говорит Элайджа.

— Да... да, конечно, прости, — говорю я.

Стюарт должен сделать запись шестидесяти секунд живого вещания, которые он поставит на повтор, так что никто не узнает, что Полли здесь не будет еще в течение нескольких часов, для следующих почасовых трансляций (я сверяюсь со своими антикварными часами) — пять минут!

— Скорее, — говорю я.

Я переминаюсь с ноги на ногу, сжимаю руки в кулаки, делаю все, чтобы не ринуться вниз по коридору к Полли.

Стюарт прекращает нажимать на клавиши на интерактивном столе и поднимает взгляд на меня, его лицо пепельного цвета.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Не можешь взломать входной сигнал? — спрашивает Элайджа.

— Это не важно. Мы просто хватаем её и уходим, — говорю я.

Стюарт качает головой.

— Дело не в этом. Я взломал сигнал...

— Тогда в чем? — спрашиваю я с нарастающим страхом.

— Кадры с Полли... — Он облизывает губы. — Это уже запись.

У меня такое чувство, что земля уходит из-под ног, когда до меня начинает доходить, что он имел в виду. Я хватаю ключ от камеры из стойки на стене и спешу из комнаты, сердце бешено колотится, не желая верить очевидному.

— Натали, стой! — говорит Элайджа.

Я нахожу камеру 210. Дверь в неё не заперта.

Красный.

Пол, потолок, стены.

Красные, как роза, нарисованная на выжженной стене.

А посередине всей этой красноты лежит свернувшийся белый комочек, зачочневший и безжизненный.

Я падаю на колени.

Где-то в глубине души, я понимаю, что моя сестра уже, по крайней мере, как день была мертва.

Глава 13

НАТАЛИ

Я ЕДВА ЗАМЕЧАЮ, как остальные входят в камеру. Я осторожно поднимаю телл Полли и баюкаю ее в своих объятиях. Холод от её кожи проникает в мои вены, обращая их в лед. Её обычно блестящие черные волосы в крови, и я аккуратно пропускаю их через свои пальцы, зная, что она ненавидела быть растрепанной.

В её кулаке что-то зажато, я осторожно разжимаю её пальцы. Маленькая роза в форме серебряной медали падает на пол. Я знаю только одного человека в Блэк Сити с такой медалью. Себастьян. Я смотрю на её ушибы на бедрах, и к моему горлу подступает желчь, когда понимаю, что он сделал. Он однажды пытался сделать это и со мной. Я морщусь, как будто в меня всадили нож. Боль становится просто невыносимой.

Стюарт стоит у двери, не поднимая глаз, в то время как Элайджа сидит рядом со мной. Его рука находит мою. Его тепло медленно оттаивает лед в моих венах, в результате чего я возвращаюсь в жестокую реальность

— Нам нужно уходить, — говорит он.

У меня перехватывает горло от мысли, что придется оставить Полли здесь вот так.

— Мы должны её забрать, — шепчу я.

— Мы не можем её забрать с собой. Она привлечет слишком много внимания, — мягко отвечает он.

Разумеется, он прав.

— Но она останется здесь совсем одна, — говорю я.

— Её уже здесь нет, больше нет, — говорит он.

Не знаю, верю ли я в рай, но от мысли, что она окружена нашими потерянными любимыми, становится как-то легче отпустить её. Я осторожно укладываю её на пол. И шепчу своей сестре на ухо обещание.

— Готова? — спрашивает Элайджа.

Я пытаюсь встать, но тяжкая ноша горя давит мне на плечи. Элайджа обнимает меня за талию своей сильной рукой, тем самым взяв на себя часть моего бремени, и поднимает меня на ноги. Мы выходим в коридор и захлопываем дверь в камеру, как бы закрывая крышку гроба моей сестры.

— Что теперь? — спрашивает Стюарт.

— Теперь мы освободим тех детей из Транспортера, — говорю я.

Я шагаю по коридору, не дослушав их протесты. Я бушующий ад, подгоняемая гневом, и ничто не остановит меня сейчас. Пуриан Роуз убил мою сестру, и теперь я собираюсь заставить его заплатить за это, пора мятежникам устроить бунт, пока от Центраума не останется ничего, кроме горящих обломков у его ног. Это обещание я дала Полли.

Мы добираемся до коридора, где свернул Виктор.

— Здесь побудьте, не высовывайтесь. Через минуту вернусь, — говорю я.

Я заворачиваю за угол. Общая камера переполнена заключенным, их руки просунуты через решетку. Они умоляют о воде. В тюремном отсеке нет кондиционера, так что жара стоит невыносимая, и многие заключенные уже еле держатся, готовые упасть в обморок. По одну сторону камеры лежит груда мертвых тел, в основном старики, умершие от теплового удара.

Я целенаправленно иду к одному из вооруженных охранников, который находится возле тюремных дверей. Это мускулистый мужчина с козлиной бородкой. Внутри меня нет места другим эмоциям, кроме слепой ярости.

— У меня есть особый приказ из Центрума, — говорю я ему.

Он ухмыляется и отпирает дверь, заходя вместе со мной внутрь.

— Что ищете? — спрашивает он. — Как насчет симпатичной рыженькой?

На меня во все люминесцирующие синие глаза смотрит девочка-подросток лет четырнадцати.

— Да, она подойдет, — говорю, просматривая помещение в поисках двух девочек, которые были со мной в Транспортере. Я обнаруживаю их, держащихся вместе, выглядывающих из-за зеленоглазого мальчика-подростка с лохматыми каштановыми волосами. — Те трое.

— Серьезно? Черт, эти типы из Центрума любят помоложе, да? — говорит охранник, поглядывая на самую младшую. — Ей же не больше семи.

— Меня это не касается, до тех пор, пока они платят мне, верно? — говорю я.

Он кивает, лениво почесывая бородку.

— Передай Патрику, что он все еще наш должник за тех близнецов-Дарклингов. И не моя вина, что один из них сдох.

— Не вопрос, — отвечаю я. Патрик значит. Должно быть, он один из тех, кто в сделке с Центрумом. Я мысленно отмечаю себе выследить этого гаденьша и заставить его заплатить за это.

Я нахожу еще детей. Их здесь так много. Как я могу выбрать: кому жить, а кому погибнуть? Я принимаю решение забрать детей, кто здесь без родителей, потому что они наиболее уязвимы. В конечном итоге я останавливаюсь на еще пяти девочках и трех мальчиках. Я хочу забрать больше, но это может начать вызывать подозрения.

— Это моя квота, — говорю я охраннику, и он выводит нас из камеры.

Зеленоглазый паренек с растрепанными каштановыми волосами бросает на меня благодарный взгляд.

Я обращаюсь к охраннику:

— Дай тем немного воды, а? Эти дети уже практически покойники — нам повезет, если мы доберемся до Центрума. Ты ведь знаешь, Патрик за трупы-то платить не станет.

— Ага, есть такое, — говорит козлинобородый.

Это немного, все-таки, хоть что-то. Я веду детей за угол, где мы встречаемся с Элайджей и Стюартом.

— Их много, — говорит Стюарт.

— Я не собираюсь их здесь бросать, — отвечаю я. — Ну же, нам надо выбираться отсюда.

Стюарт замыкает нашу группку, в то время как я возглавляю её, держа Элайджу за плечо, будто веду заключенного. Зеленоглазый парнишка, которого, как он мне сказал, зовут Ник, успокаивающе разговаривает с маленькими девочками, Бри и Бьянкой, стараясь их успокоить.

— Давайте, поиграем в игру, — говорит он им.

— В какую? — спрашивает Бри.

— Под названием заключенный. Мы все притворимся, что осуждены, а это наши друзья, которые помогают нам выбраться отсюда, — говорит он. — Цель игры состоит в том, чтобы

пробраться на борт самолета незамеченными. Сможешь?

Бри смотрит на свою старшую сестру, затем кивает.

— Я очень хорошо умею играть.

— Вот и хорошо, — отвечает Ник.

Бьянка как бы невзначай дотрагивается до хвоста Элайджи, но его это, кажется, не беспокоит. Он продолжает озабоченно поглядывать на меня. Как бы мне хотелось, чтобы он перестал. Мне не нужно его сочувствие, потому что не хочу, чтобы мне напоминали, почему внутри я вся изорвана на части.

Мы проходим по коридору мимо целого отряда гвардейцев Стражей, но они нас не останавливают. Должно быть это обыденное зрелище, когда детей, готовых к отправке в Центр, ведут в грузовой отсек. Хотя, один охранник, женщина с узким лицом и светлым хвостом на голове, замедляет свою походку, когда проходит мимо нас. Когда она смотрит на меня, в её глазах мелькает узнавание.

Я опускаю голову и продолжаю идти, но кровь приливает к моим ушам.

— Натали Бьюкенан? — кричит мне вслед женщина.

Я почти поворачиваюсь. Ошибка новичка. Каждая моя клеточка, кричит, чтобы я бежала. Дерись или погибни, призывают инстинкты, но каким-то образом мне удается сдержаться и, сохранив хладнокровие, двигаться тем же уверенным темпом. Я слегка поворачиваю голову в сторону Элайджи.

— Она следует за нами? — шепчу я Элайдже.

Слабый кивок — вот и весь ответ, который был мне нужен.

Должно быть, она не уверена, что это я, в противном случае, она бы уже подняла тревогу. Но она внимательно следит за нами всю дорогу по пути в грузовой отсек. Я просматриваю отсек в поисках тюремного Транспортера, уходящего в Центр, и обнаруживаю его в самом конце помещения. Туда, куда Виктором была отправлена целая группа детей. Белокурая женщина-охранник подходит к одному из ее старших коллег, бросая еще один подозрительный взгляд в мою сторону. Я поворачиваюсь к ним спиной, не желая давать им возможность разглядеть мое лицо.

— Нам нужно сейчас же выбраться отсюда, — бормочу я Элайдже.

Виктор дает отмашку, и люк Транспортера начинает закрываться. Нет!

— Подожди! — кричу я ему.

Я веду группу детей через весь ангар в сторону самолета.

Бри хватается за руку Ника.

— Помни, что это всего лишь игра, — шепчет он. — Но мы не можем попасться, иначе проиграем, понятно?

Она кивает.

Мы успеваем добраться до самолета, как раз до закрытия люка.

— Уф, чуть не опоздали. Патрик бы мне шею намыллил, если бы я не успела на эту перевозку, — говорю я.

Виктор смотрит на группу детей.

— Я не ждал еще пассажиров.

— Нам поступил звонок, когда мы были на тюремной палубе, — говорю я.

Виктор выпускает вздох раздражения.

— Вот, они всегда так. Ладно, запускай их.

Стюарт быстро загоняет детей на Транспортер.

Я поглядываю себе через плечо. Женщина-гвардеец и её коллега идут в нашем направлении. Мой пульс учащается.

— Как думаешь, сколько выручишь за кошака? — спрашивает меня Виктор, когда Элайджа забирается на борт следом за Стюартом.

— Достаточно, — отвечаю я неопределенно. — Я собираюсь везти его в Центр. Мы ведь не хотим, чтобы существо погрызло весь груз, да?

Виктор смеется.

Блондинка и её коллега всего в двадцати пяти футах от нас.

— Остановите ту девушку! — кричит она.

Виктор поворачивается на звук, но я хватаю его за руку, привлекая его внимание обратно к себе.

— Так, когда мы сходим выпить? Я свободна завтра, — говорю я, украдкой поглядывая себе через плечо. Два охранника уже бегут в нашу сторону. — Подберешь меня часов в девять?

— Легко. — Он улыбается.

— Отлично. Тогда, до скорого. — Я быстро шагаю в самолет. Люк начинает закрываться.

— Постой, — говорит Виктор.

Я одариваю его самой обаятельной из своих улыбок.

Те два охранника всего в пятнадцати футах от нас и неумолимо приближаются.

— Скажи Патрику, чтобы впредь отдавал специальные распоряжения только через меня, — говорит Виктор.

— Хорошо, я ему передам, — говорю я.

Я спешу найти свое место между Элайджей и Стюартом.

— Меня узнали, — говорю я им.

— Стоять! — слышу я женский крик охранницы.

Двигатели запущены. Люк почти закрыт. Ну же! Вперед!

Через щель в закрывающуюся дверь, я вижу, как Виктор разговаривает с женщиной с конским хвостом. Он начинает паниковать, поглядывая в сторону Транспортера.

— Подожд...

Люк закрывается и самолет взлетает. Он стремится прямо к грузовому люку Эсминца, до облаков и неба рукой подать...

Из радио пилота раздается треск и голоса.

— Поворачивай. — Звучит голос Виктора в эфире. — На борту мятежники.

У пилота нет времени среагировать на приказ, как раз в это мгновение, Элайджа подпрыгивает и, разрывая сетку, оказывается внутри кабины. Я потрясена его силой. Он обхватывает рукой горло пилота.

— Лети дальше, — говорит Элайджа, обнажая свои острые зубы.

Мы находимся всего в нескольких футах от грузового люка.

— Поворачивай, сейчас же! Пилот, это приказ! — раздается безапелляционный голос Виктора.

Серые небеса заполнили ветровое стекло.

Стюарт сжимает мне руку и шепотом молиться.

Дневной свет проникает в самолет. Мы вылетаем.

Мы уже близко.

Я молюсь.

Мы вылетели!

Я вскакиваю со своего места и присоединяюсь к Элайдже. Я отключаю радио и вырубаю связь.

— Посадка на улице Объединений, — приказываю я.

Летчик направляет самолет к месту встречи, пролетая над дымящимися крышами Блэк Сити. Вдалеке я замечаю белое мраморное здание. Это штаб-квартира Стражей. Мы недалеко от улицы Объединений. У нас будет всего несколько минут форы от Виктора. Нам надо поторапливаться. Только бы Роуч ждала нас, как обещала, надеюсь я.

— Они узнают, что ты пыталась спасти Полли, — говорит Элайджа мне.

Я киваю, понимая, о чем он. Игры, в которые мы играли с Роузом, закончены. Ему больше нечем держать ни меня, ни Эша, а это означает, что ничто нас не останавливает от борьбы. У него нет другого выбора — только убить нас, и сделать это как можно быстрее.

Транспортер приземляется, и люки открываются: Роуч, Гаррик и команда мятежников, все наставляют на нас пушки. Эш стоит чуть поодаль, его глаза блестят в тени переулка.

— Какой радушный прием, — говорит им Элайджа.

Роуч опускает свой короткоствол, а Эш проталкивается сквозь толпу «встречающих» к Транспортеру. Он привлекает меня в свои объятия, и он придает мне силу воли, чтобы не сломаться прямо здесь и сейчас. Он неожиданно отстраняется.

— От тебя пахнет кровью, — говорит он. — Ты ранена?

— Нет, — бормочу я, но это не совсем правда. Внутри я умираю.

Гаррик поднимается на борт, головой упираясь прямо в крышу. Он оглядывает лица всех детей в Транспортере.

— Где Полли? — спрашивает он.

У меня перехватывает горло. Я не могу выдавить ни слова.

— Полли мертва, — отвечает за меня Элайджа.

Эш делает резкий вдох.

— Натали, мне так жа...

— Что за хрен? — говорит Роуч, выходя из Транспортера. — Кто все эти дети?

— Они идут с нами, — отвечаю я.

— Я так не думаю, — отвечает она.

— У нас нет времени на споры. С минуты на минуту повсюду будут рыскать гвардейцы, — говорю я.

Мы спешно снимаем детей с Транспортера. Позади нас раздается звук выстрела. Роуч убила пилота. Я ловлю себя на том, что меня это мало трогает. Мы делимся на несколько групп и расходимся по разным направлениям, чтобы затруднить гвардейцам поиск, условившись встретиться вновь в гетто Легион.

Через несколько минут, слышится низкий рокот, словно раскаты грома, возвещая о прибытии еще Транспортеров, но мы с Эшем уже далеко в лабиринте городских улиц. Мы добираемся до Конечной улицы, и охрана Легиона помогает нам перебраться через стену.

Когда Сигур встречает нас в Ассамблеи, я с облегчением замечаю, что Стюарт с Элайджей уже вернулись. Дей со своими родителями тоже здесь, волнуясь, ждут нас, и они подбегают ко мне, и все трое плачут.

— Мы слышали о том, что произошло... — всхлипывает Дей.

Остальные мало-помалу подтянулись в течение следующего получаса, некоторые с

несколькими царапинами и синяками. Джуно помогает Жуку залатать раны, пока Самрина подыскивает комнаты для всех детей, которых мы спасли. Ник бросает на меня благодарный взгляд, когда поднимается наверх в жилые помещения.

Когда, наконец-то, все в сборе, министры Дарклингов собираются для подведения итогов. Собрание довольно быстро превращается в хаос, в котором министры и повстанцы обсуждают наши следующие шаги теперь, когда миссия по спасению Полли провалена.

— Сдаться — не вариант, — говорит Сигур. — Наше единственное решение — побег.

— Как нам обойти блокпосты? — спрашивает Гаррик. — Они усиленно охраняются.

Дей поднимает руку, как в школе на уроке.

— А как же люди? Мы не можем оставить их здесь умирать.

— Нам нужна диверсия, — говорит Элайджа. — Что-то, что бы отвлекло гвардейцев Стражей, пока остальные убегут.

— Дружище, это должна быть чертовски офигенная диверсия! — говорит Жук.

Я больше не могу это слушать. Все неважно. Полли мертва. На цифровом экране, справа от меня идет отсчет времени, давая нам понять, что у нас осталось всего тридцать два часа, прежде чем Блэк Сити сровняют с землей.

И вдруг меня осеняет.

— Я знаю, как мы сможем всех эвакуировать, — говорю я.

— Как? — спрашивает Сигур.

— Мы сделаем то, что предлагает Элайджа — совершим диверсию. — Я пристально смотрю на всех. — Сегодня вечером мы подожжем Блэк Сити.

ЧАСТЬ II
ПОБЕГ

НАТАЛИ СМОТРИТ в окно, в то время как остальные пытаются осознать то, что он только что сказала. Сжечь город? Неужели мы, правда, способны на такое?

Сигур издает глубокий гортанный смешок.

— Думаю, это превосходная идея, — говорит он.

— И куда же мы пойдём? — спрашивает Логан.

— На север, — отвечаю я. — Мы будем пытаться пересечь границу на Северных Территориях.

— Но, что будет с восстанием, братан? — спрашивает Жук. — Даже, если мы все покинем Блэк Сити, это не решит проблему с Пурианом Роузом. Мы не можем просто покинуть страну. Мы нужны людям. Мы должны продолжать сражаться.

Я смотрю на Натали и представляю, какой бы могла быть наша жизнь на Севере. Мы могли бы пожениться, переехать в другую страну и жить тихо и мирно. Но я знаю, что это всего лишь мечты. Для меня есть только один путь.

— Я не иду, — говорю я. — Я намерен отправиться искать «Ора» и уничтожить Пуриана Роуза. Все, кто хочет бороться со мной — могут поступить так же.

Натали коротко жмет мне руку, давая знать, что я могу на неё рассчитывать, прежде чем встать и выйти из комнаты. Думаю, она хочет скорбеть в одиночестве.

— А разве мы не рискуем убить при поджоге города невинных людей? — спрашивает Дей.

— Нет, если мы будем осторожны. — Роуч встает и нажимает несколько кнопок на интерактивном столе, проецируя карту Блэк Сити на монитор, что висит на стене. — Мы могли бы расставить бомбы здесь, здесь и здесь. — Она подчеркивает световой указкой рынок Шантильи, улицу Объединений и Парк. — Разрушения будут максимальными, но на этих территориях нет жилых домов, риск человеческих жертв минимален.

— А огонь не перекинется в жилые районы? — спрашивает Гаррик.

— В конечном итоге, да, но у людей будет достаточно времени, чтобы убежать, — говорит Роуч.

— Нашей первой целью необходимо выбрать шлакоблочные заводы. — Это отвлечет гвардейцев.

Это рискованное предприятие, но в прошлом году во время артобстрелов Пуриан Роуз не бомбил заводы, потому что ему нужны были шлакоблочное топливо для его военных операций, поэтому я надеюсь, что он отдаст тот же приказ и на этот раз и захочет защитить их.

Все начинают взволнованно перешептываться, обсуждая план. Я гляжу на Сигура, и тот кивает, понимая, что мне необходимо быть с Натали.

Я нахожу ее в нашей спальне, лежащую, свернувшись калачиком, на нашей постели. Она обнимает себя. Я ложусь рядом с ней. Мы лежим так около часа, ничего не говоря. Только стук её сердца барабанит в моих ушах. Наконец, она поворачивается и рыдает у меня на груди.

— Он изнасиловал ее, — шепчет Натали. — Себастьян, он...

Я обнимаю её крепче, когда до меня доходит весь ужас её слов. Они не просто убили

Полли, они заставили её страдать всеми возможными способами. Мои клыки наполняются ядом. Мне хочется оторвать Себастьяну башку, разорвать его в клочья. Я заставлю его заплатить за свои деяния.

После того, как Натали выплакивает все слезы, она смотрит на меня.

— Эш, пообещаешь мне кое-что?

Я киваю:

— Все, что угодно.

— Пообещай мне, что, когда мы окажемся лицом к лицу к Пуриану Роузу, я сама его прикончу.

* * *

Тем вечером мы сидим с Натали, взявшись за руки, на крыше штаб-квартиры Легиона, наблюдая закат солнца над городом. К тому времени, когда солнце вновь взойдет, город будет уничтожен. Натали поднимает глаза на один из Эсминцев, зависшего над городом, и говорит последние прощальные слова своей сестре. Впервые, мы расстанемся со многими членами наших семей и друзьями этой ночью.

Стражи перестали прокручивать запись с Полли, зная, что дело табак, но пока не было никаких проявлений с их стороны, как они поменяют свою стратегию, и они продолжили отсчитывать часы, отображая это на мониторах, развешанных по всему городу. Роуз до сих пор считает, что прижал нас к ногтю.

Чернильно-синия ночь медленно разливается по красно розовому небу до тех пор, пока на Блэк Сити не опускается пелена тьмы.

— Пора, — говорю я ей.

Мы все собираемся в Ассамблеи, чтобы вновь пройти по нашему плану. Пятьдесят команд, возглавляемые папой и Логан, Майклом и Самриной, Палло и Ангелом, плюс все охранники Легиона, будут сопровождать группы из гетто и поведут их прямо к северной границе. Остальные из нас пойдут атакой на город.

— Ладно, итак, команда повстанцев знает что делать? — спрашивает Роуч. Она одета в серый комбинезон, а ее длинные, голубые дреды связаны сзади. — Гаррик?

— Я угоню грузовик Стражей и поеду к штату Горный Волк, чтобы заручиться поддержкой Люпинов, — говорит Гаррик. — А после встречу вас в условленном месте в Центруме в Доминионном штате, чтобы подготовиться к последнему штурму.

— Хорошо, — говорит Роуч. — Сигур?

— Я отправлюсь к Огненным порогам, чтобы помочь с эвакуацией Дарклингов там, — говорит Сигур. — Когда закончу, то пошлю восточку другим гетто о наших планах, что мы собираемся на север, чтобы присоединиться к нам в Центруме.

— Отлично, — говорит она. — И пока ты этим занят, «Люди за Единство» начнут наносить массированные удары по правительству Стражей, чтобы отвлечь их. Мы сосредоточимся на заводах, фабриках, складах, запасах топлива, дорогах — в общем, на всем, что будет саботировать их инфраструктуры и сделает их жизнь адом.

Жук смотрит на меня с улыбкой, заставляя тем самым кожу рубца на щеке морщиться. Он с нетерпением ждет этого.

— Феникс, ты знаешь что делать? — спрашивает меня Роуч.

— Ага. Натали, Элайджа и я отправляемся спасать Люсинду и Иоланду, — говорю я. — Как только мы их находим, то с ними уже находим «Ору». Потом отправляемся в Виридис, чтобы поговорить с сенатом Бастетов о присоединении к восстанию, прежде чем

отправиться к условленному месту.

— Тебе лучше бы вернуться с этим оружием, Эш, — говорит Роуч. — Мы сможем только удерживать Стражей. Мы все рассчитываем на тебя.

— Я вас не подведу. — Я очень надеюсь, что смогу сдержать это обещание.

— Итак, все готовы. Выдвигаемся через час, — командует она.

Сигур выходит из зала заседаний вместе с Элайджей, и мне становится интересно, куда это они идут. Но у меня нет времени над этим думать, потому как ко мне и Натали подходит Роуч, останавливаясь рядом с Гарриком, пересчитывающим ящики с боеприпасами. Мы сумели достать кое-какое оружие и боеприпасы, после того, как наше было украдено. Но оружия не слишком много.

— Ребятки у вас все необходимое есть для завтрашнего дня? — спрашивает она, понижая голос.

Я киваю. Нашей первой проблемой будет — выбраться из Блэк Сити, но у нас есть план. Это рискованно, но возможно, сработает. Только наши семьи, Роуч и Эми знают о плане. После того, что случилось с Джеймсом и Хилари из «Жар-птицы», мы не можем испытывать судьбу, рассказывая слишком большому количеству людей.

Когда Роуч уходит, к нам подходит Гаррик.

— Я хочу пойти с вами и расставить бомбы, — говорит он.

— Да все нормально, мы справимся, — говорю я.

— Я хочу быть полезным, — отвечает Гаррик. — Кроме того, если мы повстречаем на улицах свору Люпинов, у вас не будет никаких шансов справиться с ними.

Он прав.

— Спасибо.

Мы можем разойтись своими дорогами, когда бомбы будут установлены. И продолжить следовать первоначальному плану побега. Гаррик не в курсе нашей части плана: мы покидаем город и идем во Фракию. И мне хотелось, чтобы так и было. Я ему доверяю, но, если его сегодня схватят, я не хочу, чтобы он сдал наш план побега Стражам.

Ник смеется, когда Эми наносит тому на лицо шлакоблочную пудру, гримируя его глаза, чтобы они стали похожи на мои, какие она делала мне несколько дней назад, так, чтобы он был похож Феникса. Он надел уменьшенную копию моего жакета, черные штаны и ботинки, его растрепанные волосы тоже перемазаны чернотой шлакоблоков. За исключением его зеленых глаз — он в точности моя копия. В этом и был смысл. Ник — приманка.

Его напарница — Эми, которая одета в один из топов Натали, укороченные кожаные штаны и ботфорты; её привычно светло-каштановые волосы сильно выбелены и завиты в локоны. Её маскировка не так убедительна, как Ника, но мы не ищем совершенства — нам всего-то достаточно сходства, чтобы привлечь внимание охранников и увести их от меня и Натали.

Это была идея Роуч, а я был категорически против, как Натали и Джуно, но Эми с Ником переубедили нас. Они хотели помочь, и они достаточно взрослые, чтобы принимать решения самостоятельно. Джуно не сводит глаз со своей сестры, в её голубых глазах смесь беспокойства и гордости. Сестры Джонс никогда не боялись быть схваченные Стражами, но все же для неё это нелегко. По крайней мере, она пойдет вместе с ними, так что они будут под присмотром.

Ник поворачивается ко мне, сияя, явно довольный своей трансформацией.

— Эй, Эш, что думаешь?

— Выглядишь по-уродски, — дразню я его.

— У меня было мало времени, чтобы вжиться в образ, — тут же отвечает он.

— Уверен, что хочешь это сделать? — спрашиваю я его, не обращая внимания на холодный взгляд Роуч.

— Не то слово! Слушай, мы все здесь за одно, к тому же я должник Натали, за то, что вызволила меня из Эсминца. — В его глазах промелькнула тень, но он моргает и смотрит, как ни в чем не бывало. — Кроме того, мне нравится грим.

— Ладно, у всех есть пять минут, — говорит Роуч. — Попрошайтесь с родными.

Сигур стоит снаружи гетто с охраной Легиона, разбивая Дарклингов на группы. Мы уже сказали свои прощальные слова друг другу чуть раньше, понимая, что он будет занят. У нас состоялся небольшой разговор, хотя оба прекрасно понимали, что, может быть, больше мы с ним никогда друг друга не увидим.

В этот момент в комнату входит Элайджа, и я сразу же чувствую запах крови, больной крови. Мне тут же становится ясно, о чем его попросил Сигур. Бьюсь об заклад, что больничная палата, где лежали Разъяренные, теперь пуста. Они поступили так из гуманных соображений. Мы не могли их взять с собой, и обычные яды не действуют на Дарклингов, а яд Бастета сделает свое дело. По крайней мере, все быстро закончилось — сомневаюсь, что они мучились от боли, и у Элайджи не было риска заразиться от них вирусом, потому как обладает природным иммунитетом — вирус C18 составляющая его яда.

— Сигур хотел, чтобы ты знала, Марта пришла, — сказал Элайджа. — Она стоит сейчас снаружи с ним. А потом пойдет в группе Гарольда.

Натали с облегчением вздохнула. Я знаю, что она очень любит свою старую домработницу-Дарклинга. Марта последние два месяца оставалась с какими-то активистами из группы «Люди за Единство».

Мы проверяем нашу провизию и другие вещи, а потом наступает время прощаться. Первыми уходят группа Жука, они расставят взрывные устройства на шлакоблочных заводах.

— Увидимся в Центруме, братан, — говорит Жук.

— Постарайся снова не подорваться, — дразню я его, напоминая о том случае с Пограничной стеной.

Он смеется.

— Ничего не могу обещать.

Роуч просто кивает в знак прощания, она уже мысленно сосредоточена на предстоящем задании. Дей обнимает свою семью, изо всех сил стараясь не расплакаться. За неё цепляется ЭмДжей. Его ожоги уже почти зажили и мы снабдили его достаточным количеством обезболивающих для его спины, так что он должен быть в порядке.

— Будь храбрым, ладно? — говорит Дей.

ЭмДжей, шмыгая носом, кивает.

Самрина издает небольшой писк, пытаясь сдерживать слезы.

— Береги себя, девочка моя, ненаглядная, я так тебя люблю.

— Я тоже вас люблю, мама, папа, — отвечает Дей, снова их обнимая.

Дей вытирает глаза, потом подходит к нам. Мы неловкожимаем друг другу руки (нам так и не удалось с Дей сдружиться по-настоящему), затем она кратко обнимает Натали, прежде чем она подбирает свой рюкзак и спешит выйти их комнаты.

Натали делает судорожный вздох. Я нежно целую её в лоб.

— С ней все будет в порядке, — говорю. — Жук о ней позаботится.

Следующей выходит группа Джуно; они установят взрывные устройства в Парке — район города, где проживали богачи, такие, как семья Натали, пока этот район не был разрушен в прошлом году в результате артобстрела. Ник, Джуно и Стюарт прощаются, пока Эми бросается к Натали и порывисто обнимает её. Странно видеть их двоих рядом, они выглядят такими похожими.

— Удачи! О небо, это ж к невезению, да?! Я хотела сказать: «ногу сломай»? □ — спешно говорит Эми.

— Кажется, такое только в театре говорят, — отвечает Натали.

— Блин! Ладно... удачи! Увидимся в Центруме. — Она наклоняется к нам, и шепчет, чтобы слышали только мы. — Ты помнишь, как пользоваться косметикой?

— Да помню, помню, — ласково отвечает Натали. Грим часть нашего плана побега.

Эми обнимает Элайджу и застенчиво смотрит на меня.

— Пока, Эш.

Я спешно целую её в щеку, и она краснеет. Они быстро возвращается к Джуно, и они уходят.

Я проверяю серую сумку рядом с моим синим вещевым мешком, стоящим у моих ног. В сумке взрывчатка, которую мы должны установить по всему рынку Шантильи. Роуч провела с нами инструктаж как установить и взорвать бомбы. По словам Роуч все довольно просто:

— Просто щелкните тумблером, и драпайте без оглядки.

Гаррик делает несколько больших шагов, оказывается возле нас и подхватывает сумку.

— Я возьму.

— Нет, все в порядке, я...

— Никто не станет переживать, если мне снесет взрывом голову, — перебивает он меня. Его глаза блестят металлическим блеском.

Я не спорю.

— Спасибо.

Натали с Элайджей занимаются последними приготовлениями, пока я иду к папе, который стоит возле окна в конце комнаты, подальше от всех остальных.

— Не думал я, что снова придется так скоро с тобой прощаться, — говорит он, вспоминая тот раз, как мы прощались в тюремной камере, как раз перед моей казнью.

— Эй, но есть и положительная сторона, по крайней мере, меня никто не собирается сейчас распять, — говорю я. — Все лучше, чем в прошлый раз.

Он усмехается, но в этом звуке слышна горечь. Он тянет меня в свои объятия, и я обвиваю его руками, и стараюсь его держать так, как можно дольше.

— Со мной все будет в порядке, — шепчу я.

— Знаю, — говорит он, отпуская меня. — Я так горжусь тобой, сынок.

Я улыбаюсь.

— Я люблю тебя, папа.

Он ерошит мои волосы.

— Пшел вон отсюда.

Я перебрасываю себе через плечо синий вещевой мешок и присоединяюсь к Натали, Элайдже и Гаррику, которые стоят у дверей. В мешке вещи для маскировки и шкатулка мамы с её личными вещами. У Натали с Элайджей свои вещевые мешки с провизией.

Я бросаю последний взгляд на своих друзей и семью, и безмолвно прощаюсь со всеми. Несмотря на все свои обещания, я подозреваю, что больше никогда с ними не увижусь. Когда

мы проходим мимо окна, я вижу Воздушный Эсминец, закрывающий собой свет звезд. Не думаю, что я выживу в этой войне. Может быть, я восстал из пепла, как Феникс, но знаю что, как и у мифической птицы, моя судьба — умереть в пламени.

РЫНОК ШАНТИЛЬИ ЛЕЙН хранит гробовое молчание, когда мы пробираемся в темным узким улочкам между прилавками. Даже разноцветные флажки снаружи возле каждого лотка застыли, как и весь город, затаивший дыхание. Каждую сотню ярдов Гаррик аккуратно устанавливает взрывное устройство под лоток, предназначенную для магазинов с самыми горючими товарами.

— Сколько у нас есть времени? — спрашивает Натали.

Я сверяюсь с мониторами на зданиях, окружающими рынок. Яркие желтые цифры на табло обратного отсчета говорят, что: 24:10:00.

— Десять минут до взрыва заводов, — говорю я. — Давайте выбираться отсюда.

Мы добираемся до таверны Молли МакГи - популярное питейное заведение среди гвардейцев Стражей — и Гаррик ломает дверь. Мы хватаем бутылки с Шайном из-за барной стойки и разливаем их содержимое по полу, прежде чем выйти наружу и облить горючей жидкостью флаги и ларьки. Это поможет распространиться пламени на остальные прилавки, нанеся максимальный вред всей территории. Я устанавливаю последнюю бомбу возле таверны, и снова смотрю на обратный отсчет.

— Пять секунд до первого взрыва, — говорю я.

Мы смотрим, как отсчитываются секунды:

24:00:05

24:00:04

24:00:03

24:00:02

24:00:01

24:00:00

БУМ!

Взрыв разрывается ревом над городом, заставляя вибрировать наши тела. Вдалеке столб огня и дыма более ста футов в высоту парит в воздухе, освещая небо. Это может означать только одно: шлакоблочные заводы пылают. Жуку все удалось.

Мы едва успеваем оправиться от взрывной волны, как информштиты по всему городу моргают и по ним в прямом эфире показывают, как Эми с Ником бегут через Парк. Они бегут спиной к камере, поэтому лиц не видно. Все будут думать, что это мы с Натали. Мы в состоянии сделать это, потому что мы вещаем в пределах города, как они показывали нам в «прямом эфире» Полли, поэтому помехи сигнала Стражей не сработают, если только сигнал не будет транслироваться извне города.

Ник с Эми раскладывают взрывчатку возле старого семейного дома Натали, заброшенного белого особняка покрытого колючими кустарниками, потом спешат к люку посреди улицы, бросаясь в канализацию в момент взрыва, и город сотрясает новая взрывная волна. В Парке одна за другой происходит серия быстрых взрывов. Старая сухая древесина заброшенных домов служит отличной растопкой и вскоре этот весь район охватывает огонь.

Почти сразу же раздается взрыв на западе (на этот раз на электростанции) и все мониторы и фонари начинают гаснуть один за другим, посылая волну тьмы накрыть весь город.

И прежде чем разверзнется ад, наступает мгновение тишины. А после: слышен вой сирены, крик людей, эхо топота ног по улицам, когда горожане бегут в поисках укрытия. Все идет по графику. Я знаю, что прямо сейчас, папа с Логан под прикрытием ночи выводят первую группу из гетто. Я безмолвно молюсь за них. Мы сделали все, что могли; теперь все в руках судьбы, смогут ли они выбраться из Блэк Сити живыми или нет.

— Наша очередь, — говорю я. — Готовы?

Гаррик, Натали и Элайджа кивают. Наши бомбы не заставляют себя ждать, поэтому, как только я нажму на первую кнопку, у нас будет всего три минуты, чтобы убраться с рынка, прежде чем сдетонирует первая бомба, а затем и остальные по цепной реакции.

Я всматриваюсь в небо. От миноносца отделяется первые Транспортеры. Одни летят в сторону шлакоблочных заводов, другие к Парку, где бомбы уже все взорвались. Нет времени ждать. Я нажимаю на кнопку.

Трехминутный отсчет начинается.

Мы несемся по рынку, через лабиринты переулков. Я показываю дорогу, потому что лучше всех вижу в темноте.

Две минуты.

Я поворачиваю за угол и сразу понимаю, что свернул не туда, когда мы все упираемся в кирпичную стену. Черт!

— Эш, сюда, — говорит Натали, ведя нас вниз другим проходом.

Развешанные по рынку красочные гирлянды трепещут от ветерка, когда мы проносимся мимо. Мы пробегаем мимо рыбных лавок, ювелирных магазинчиков, наконец, добираясь до магазинов с одеждой, стоящих вне границ рынка.

Одна минута.

Мы уже на перекрестке.

— В какую сторону? — спрашивает Элайджа.

— Не знаю, — говорит Натали. — Я всегда здесь плутала.

У нас нет времени, чтобы тратить его попусту. Я просто слеую своей интуиции и выбираю двигаться направо.

Тридцать секунд.

Когда мы бежим по узкому переулку, нога Натали поскользывается на булыжнике, и она спотыкается. Гаррик грубо тащит её за ногу.

Десять секунд.

— Вон! Смотрите! — говорит Элайджа.

Щель света между двумя киосками.

Мы бежим туда.

Пять секунд.

Мы не успеем.

Три. Две. Одна.

Мы выбегаем из рынка, как раз тогда, когда раздается первый взрыв.

Взрывная волна сбивает нас с ног, и мы падаем на землю в десяти футах от входа на рынок. У меня звенит в ушах, мускулы и кости отдаются болью. Все слышится приглушенно, будто я плыву под водой. Я лежу на спине и наблюдаю, как на меня падает дождь из конфетти. Еще один взрыв и еще больше гирлянд и всякого мусора взмывает в воздух. Я пытаюсь сдвинуться, но тело отказывается мне подчиняться.

Сквозь туман в голове, я разбираю звук стука обуви по брусчатке. Звук становится все

громче и громче. И где-то на задворках моего восприятия кричит голос, чтобы я поднимался, но мои ноги не реагируют. Все по-прежнему размыто, и я не могу сконцентрироваться. Вставай, Эш. Вставай, Эш. Вставай...

— Эш!

Голос Натали заставляет меня вновь собраться и сосредоточиться. Я изо всех пытаюсь подняться в вертикальное положение, и успеваю как раз вовремя, чтобы увидеть, что она болтается у Гаррика на плече в пятнадцати футах от меня. На секунду, мне кажется, что он просто пытается унести её от приближающихся гвардейцев Стражей, но затем я замечаю страх в её глазах, и как её кулаки колотят по его спине. От страха у меня ёкает сердце. Он хочет украсть её!

— Отпусти меня! — вопит она.

Я кидаюсь на Гаррика. Он кричит от боли, когда мои клыки впиваются ему в ногу, впрыскивая огромную дозу Дурмана. Очень испугавшись, он бросает Натали. Элайджа помогает ей подняться на ноги, пока Гаррик отступает на шаг, другой, прежде чем упасть на землю, растягивая рот в безумной улыбке, когда яд струится по его венам.

— Все сюда! — зовет Себастьян своих людей. Он на улице рядом с нами.

— Нам нужно найти безопасное место, — говорю я.

Мы хватаем сумки и, шатаясь, убираемся с Шантильи Лейн, как раз перед тем, как рыночной площади приближаются первые гвардейцы. Мы спешим вниз по проходу, стараясь двигаться как можно быстрее.

Улицы заполняются людьми, которые бросают свои дома, унося с собой все, что могут забрать, одежду, еду, животных, некоторые даже в состоянии паники похватили тяжелые картины и другие фамильные ценности.

— Наденьте свои капюшоны, — говорю я остальным.

Мы присоединяемся к людям, используя их как прикрытие, когда мимо нас проносятся еще отряды гвардейцев Стражей. Все бегут кто куда, не зная куда лучше бежать. В основном со стороны заводов, Парка и Шантильи Лейн бегут к Высотке, чтобы укрыться там.

Мы идем минут двадцать, пока не добираемся до Городской Оконечности, где есть дом, в котором можно безопасно укрыться. Я так рад, что ни разу не обмолвился при Гаррике о наших планах. Чертов предатель! Вспоминая тот день, нашего знакомства, когда он принес Фрею в гетто, я так же припоминаю кривой разрез на её животе. Тогда я подумал, что это гвардейский меч, но теперь подозреваю, что это дело рук Люпина. Может именно это мне пыталась сказать перед смертью Фрея?

Мы проходим дюжину домов в поисках нужного, но все они выглядят похожими: с черными стенами из шлакоблочного кирпича и красными дверьми.

— Которая? — спрашивает Элайджа.

Я быстро просматриваю верхний правый угол у каждой двери, пока не обнаруживаю то, что ищу: маленькую сожженную розу, вырезанную в древесине.

— Эта, — говорю я.

Мы заходим в наше убежище, захлопывая за собой дверь. Это маленькое помещение, здесь повсюду пыль, на полу и простынях, закрывающих мебель. Владелец умер несколько дней назад, и «Люди за Единство» используют с тех пор этот дом как явочную квартиру. Мы отправляемся на чердак, как велела Роуч, и находим пару спальных мешков, керосиновую лампу и несколько консервов с едой. Но никакой крови «Синт-1» для меня, но я и не ожидал, что она там будет; все, что мы сейчас обнаружили на чердаке, было положено туда

несколько дней назад. У меня урчит в животе, и я пытаюсь вспомнить, когда ел последний раз. Наверное, с тех пор прошла уже вечность.

На чердаке есть маленькое круглое окошко, из которого открывается вид на весь город. Пламя охватило все три района, где были заложены бомбы. К счастью, огонь пока не распространился на другие районы, но это всего лишь вопрос времени, когда он до нас доберется. Мы останемся здесь настолько, насколько возможно, а потом отправимся на станцию на окраине города.

Элайджа усаживается на один из спальных мешков и начинает заниматься собой, вылизывая грязь и кровь со своих рук, пока я шагаю туда-сюда по комнате.

— Черт, поверить не могу, что Гаррик все это время притворялся, — сплевываю я.

— Как думаешь, на кого он работает? — спрашивает Натали.

— Ставлю, что на Пуриана Роуза, — отвечаю я.

Элайджа прекращает отряхиваться.

— Тогда почему он рассказал нам о Десятом гетто.

— Чтобы завоевать наше доверие, чтобы проникнуть в штаб повстанцев. — Я ударяю в стену, да так что суставам больно. — Черт! Он все знает! Он знает, куда отправятся Дарклинги, и что мы идем на поиски «Оры».

— По крайней мере, он не знает, что мы собираемся во Фракию, — говорит Натали. — Уже, хоть что-то.

Я пропускаю пальцы через волосы, пытаюсь сообразить, как же предупредить остальных, но ничего не приходит на ум.

— Слушай, а почему он пытался похитить Натали? — спрашивает меня Элайджа. — Разве не разумнее для него было бы прикончить нас обоих?

Мы все смотрим друг на друга, пытаюсь решить этот вопрос, но ничего путного не можем сообразить. Для Гаррика просто невозможно было бы придумать лучшей возможности убить меня, так почему же он этого не сделал?

— Итак, что теперь будем делать? — спрашивает Натали.

— Полагаю, мы должны придерживаться нашего плана, — говорю я. — Гаррик не знает, как именно мы собираемся сбежать из города, он будет думать, что мы уже пытаемся это сделать.

— Надеюсь, что он получил своё от Дурмана, — говорит Натали, морщась, когда садится.

— Ты не ранена? — спрашиваю я.

— Это всего лишь моя старая рана на ноге, — говорит она. — Не о чем беспокоиться.

Она открывает одну из банок с супом, подогревая её над керосиновой лампой, и мы усаживаемся коротать вечер. Я поглядываю в окно, на случай, чтобы не пропустить, если пожар начнет распространяться в нашем направлении. Элайджа кривит рот, когда Натали протягивает ему консервную банку с супом.

— Ну и ладно, голодай себе на здоровье. Мне все равно, — огрызается она.

Он тут же выхватывает суп из её рук и пьет до дна. Нет, а если серьезно, он что себе думает? Он, что считает, что это Золотая Цитадель? И как сыночку консула Бастетов ему полагается самая лучшая еда? Я завистливо наблюдаю, как они ужинают, в то время как мой желудок урчит от голода.

В городе грохочет еще один взрыв. Где-то еще вспыхивает пожар.

— Думаешь, у остальных все в порядке? — спрашивает Натали.

Я киваю, хотя, откуда мне знать. У меня ноет в груди, когда я думаю о папе и Сигуре, не говоря уже о Нике и Эми.

Натали с Элайджей заканчивают свой скудный ужин, в то время как я проверяю содержимое своего мешка, чтобы убедиться наверняка, что у нас есть все для осуществления завтрашнего плана побега: парики, контактные линзы, вставные зубы, грим, одежда, Эвакуационные билеты. Удивительно, сколько всего для маскировки удалось для нас собрать Эми в столь короткие сроки. Основная часть этих вещей была украдена из театрального реквизита школы Блэк Сити, а грим с работы Джуно. Я переживаю, что у нас всего два Эвакуационных билета — один окровавленный, который Джуно забрала у мертвого парня, а второй достал папа, во время попытки спасения Полли. Нам все еще нужен третий, что является одним пунктом из длинного списка, из того, что может пойти завтра не так.

Сейчас наш план основывается на предположении гвардейцев Стражей, что мы с Натали уже покинули город. С Гарриком, оказавшимся не на нашей стороне, наши шансы на побег изменились от плохих на наихудшие. Остается только молиться, чтобы Ник с Эми смогли благополучно уйти от погони, да и чтобы у нас все получилось.

— Думаете, у Стражей еще в ходу Эвакуационные билеты? — спрашивает Элайджа.

— Мне кажется да, — отвечает Натали. — Если Пуриан Роуз эвакуирует всех тех, кто ему предан, то это будет стимулом и для других по всей стране, чтобы оказать ему поддержку, а не объединяться с нами.

— Надеюсь, ты права, — бормочет он. — Я должен добраться до Фракии. Я нужен маме.

— Мы будем там. — Натали, чтобы хоть как-то утешить его, прикасается к его руке, и я чувствую укол ревности.

Когда Натали расправляется со своей едой, то забирается в свой спальный мешок и почти тут же проваливается в сон. Её кожа блестит от пота, и я размышляю, что же её тревожит.

— Ты ведь был с Натали, когда она нашла Полли, да? — тихо спрашиваю я Элайджу.

Он кивает.

— Она быстро умерла? — Я весь день цеплялся за эту мизерную надежду.

— Мне так не кажется, учитывая то количество ран, которые ей нанесли на руки, когда она защищалась. Они потратили на неё некоторое время, — отвечает Элайджа. — Стажам нравится заставлять заключенных страдать.

Элайджа укладывается, поворачиваясь ко мне спиной. Я вспоминаю, что говорила мне Натали об Элайдже — что он был в плену в штаб-квартире Стражей и понимаю смысл этой миссии поиска его мамы и «Оры». Это месть.

Глава 16

НАТАЛИ

ИЗ ТРУБЫ ПОЕЗДА вздымаются густые черные облака сажи и пара, которые покрывают платформу вязким туманом, и тот прячет ноги людей своей завесой. Это создает впечатление, что на железнодорожной станции толпиться сотня бестелесных призраков, пытающихся сесть в десять пятнадцать в поезд, который увезет нас из этого города.

Вокруг нас воеет сирена, потому что город продолжает гореть. Пепел затрудняет дыхание, метель черного снега ухудшает видимость. Хотя все это помогло сегодня утром беспрепятственно добраться нам до станции.

Родители со слезами на глазах прощаются со своими детьми, в то время как те садятся в поезд. Маленькая девочка в красном платьице отказывается отпускать мать, и её отец буквально отрывает ту от матери и заносит девочку в поезд. Когда он возвращается к жене, на его лице выражение горя.

— С ней все будет в порядке, — говорит он ей. — Ей будет безопаснее в Центруме.

Это если девочки удастся отсюда уехать. Паровоз бронирован тяжелыми листами посеребренной стали, а на окна были поставлены решетки, чтобы защитить пассажиров от нападений бандитов и Разъяренных, когда поезд проезжает по диким и опасным Бесплодным землям.

Единственные возможные слабые места поезда, это люки аварийной эвакуации на крыше, но они в свою очередь защищены древесиной акации, на которую у Дарклинггов аллергия, так что мне кажется, что с нами все будет в порядке. Я уже бывал в подобной поездке, когда переехала из Центрума в Блэк Сити, несколько месяцев назад, но тот поезд предназначался для перевозки чиновников, и уровень безопасности там был выше. Прямо сейчас, меня больше беспокоят гвардейцы на платформе, проверяющие пассажирские Эвакуационные билеты, чтобы убедиться, что никто из них не является особо опасным преступником из списка Пуриана Роуза.

Поезд выпускает струю пара, раздувая пепельный снег, открывая фигуру в черной униформе и фуражке, шагающей по платформе в сопровождение гвардейцев. Себастьян! Его голова гладко выбрита, чтобы всем было видно тату розы над левым ухом — знак отличия Пилигримов, преданных последователей «Праведной веры». На мундире небольшой разрыв ткани там, где когда-то висела медаль в виде серебряной розы, пока Полли не сорвала её. Когда он проходит мимо, я быстро поворачиваюсь спиной, хотя понимаю, что вряд ли он заметит меня, притаившуюся в тени железной лестницы. Нам очень нужно выбраться до того, как он нас увидит, но мы не можем никуда сдвинуться с места, пока не раздобудем последний Эвакуационный билет.

— Что он делает здесь? — шепчет Эш.

— Может они уже нашли Ника с Эми? — предполагает Элайджа.

Я кусаю губу, переживая и за нас, и за них. Я не вынесу, если Эми пострадает из-за меня. У меня в голове тут же всплывают образы мертвого тела Полли, но я гоню их прочь, вместе со своим горем. Я не могу прямо сейчас думать о своей сестре, потому что, если я это сделаю, то погружусь в бездну, из которой не выбраться. Поэтому вместо того что бы страдать, я заполнила пустоту более продуктивной эмоцией — гневом. Это именно то, что будет поддерживать меня до дня встречи с Пурианом Роузом. Когда я посмотрю ему в глаза

и всажу нож в грудь.

Я перевожу взгляд в сторону Себастьяна. Он стоит дальше на платформе, присматривая за сворой Люпинов, которые грузят на поезд ящики, антиквариат, картины и мебель. Это все из штаб-квартиры Стражей и принадлежащее моей матери! Но, полагаю, она в бегах и это ей все ни к чему, и Себастьян решил, что теперь это все принадлежит ему. Меня тошнит от этого, что Себастьян больше заботится о сохранении своего имущества, чем о человеческих жизнях, но я не удивлена. Он тихо разговаривает с Люпином, одетым в темно-красный сюртук и с вплетенными в волосы зубами. На его шее отчетливо видна тату в виде полумесяца. Должно быть он лидер «Лунных псов», о которых мне говорил Эш.

И в этот момент на другом конце платформы, в клубящемся дыму, появляется пять фигур. Я заглушаю крик. Это Гаррик и четыре Люпина из его своры: двое мужчин и две женщины. Они все выглядят похожими: в серой одежде, с серебристыми глазами и волосами, выстриженными ирокезами по центру головы (разве, что волосы у них короче, чем у Гаррика, а у одной из женщин они выкрашены в тон ярко-розовой помады).

Люди на платформе стараются поскорее убраться с их дороги, когда те шагают к Себастьяну и «Лунным псам».

— Нарисовались, я уже заждался, — рывкает Себастьян на Гаррика. — Нашел их?

— Нет, — говорит Гаррик. — Они покинули город.

«Лунный пес» в красном пальто усмехается.

— У тебя есть, что сказать мне, Джаред? — рычит Гаррик.

Мужчина зарычал на Гаррика, но сказать ничего не сказал. Я под впечатлением, значит, в своей иерархии Гаррик занимает высокое положение, если он способен в такой манере говорить с вожаком «Лунных псов». Между двумя сворами, одетой в серое «Первой ударной» Гаррика по одну сторону и в красных одеждах «Лунными псами» по другую сторону повисает напряжение.

— Мы найдем их, — говорит Себастьяну женщина с розовыми волосами.

— Лучше бы вы себя нашли в «Десятом», с остальными животными, — отвечает Себастьян.

Гаррик рычит.

— Псина, стань уже хоть в чем-то полезным, и загрузи все это на поезд, — невозмутимо говорит Себастьян. — Я не могу торчать здесь весь день.

Руки Гаррика сжались в кулаки, но он слабо кивнул. Его свора помогла «Лунным псам» погрузить мебель в поезд, в то время как Себастьян удалился. Мое сердце бешено колотилось. Как нам отсюда выбраться, когда Гаррик здесь?

Я смотрю на часы. Время: 10:05. Парни из «Люди за Единство» запаздывают на пять минут. Что их задерживает? Нам требуется еще один Эвакуационный билет. Ко всему прочему, они должны были сыграть наших родителей, которые сажают нас на поезд с другими детьми, которых эвакуируют из города. В противном случае трое детей, садящиеся в поезд сами по себе будут выглядеть слишком подозрительно. Эта уловка была идеей Эша. «Спрятаться у всех на виду», — предложил он. Им никогда и в голову не придет, что мы поведем себя настолько нагло и сядем на поезд с другими эвакуированными.

Я одергиваю подол куртки, которая мне коротковата. Мы все переодеты. Я одета как мальчик, в широкие серые штаны, рабочую рубашку и шерстяной пиджак в заплатах. Мои волосы спрятаны под кепкой, а грудь туго забинтована. Я удивительно похожа на мальчишку, что не очень-то радует мое эго. Мое брильянтовое кольцо для помолвки теперь

висит рядом с кулоном, которое Эш подарил мне на день рождения, и оба они спрятаны под воротником рубашки.

На Элайдже кожаные штаны и длинный черный фрак, ненастоящие очки и кепка. Его хвост свернут и убран под фрак, саблевидные зубы втянуты, а коричневые пятнышки замазаны тональным кремом, поэтому он почти неотличим от человека.

Но самая большая трансформация из нас трех произошла с Эшем. На его кожу был нанесен театральный грим, поэтому теперь она имеет бронзовый оттенок, он надел виниры, чтобы спрятать свои клыки и еще ему дали голубые линзы, чтобы скрыть его сверкающие черные глаза. И чтобы завершить маскировку Эми с Роуч раздобыли светлый парик, позаимствовав его в реквизите школьного театра. Он похож... на человека.

Я сверяюсь с часами.

— Гаррик все еще там? — спрашивает Эш.

Я смотрю на платформу. Гаррик загружает последний стул в поезд, а затем приказывает своей своре уходить.

— Он уходит, — с облегчением говорю я.

Гаррик делает несколько шагов по платформе и останавливается. Он дергает носом и принюхивается к воздуху, слыша запах, он оборачивается. Взгляд его серебристых глаз скользит в нашем направлении. Я вжимаюсь спиной в железную лестницу.

Эш замечает мой испуганный взгляд.

— Он тебя видел?

— Не думаю, — отвечаю. — Кроме того, я же замаскирована. — Но это не поможет, если он нас учует. Я так благодарна, что вокруг нас столько народу, что помогает спрятать наш запах.

Моя кровь стучит в ушах, пока мы ждем. Проходит целая минута, и ничего не происходит. Я рискую бросить еще один взгляд на платформу. Гаррика исчез. Я судорожно выдыхаю.

Раздается свист, который дает пассажирам понять, что поезд отправляется. Я гляжу на часы — 10:13. У нас всего две минуты, чтобы попасть на поезд, в противном случае мы потеряем нашу лучшую возможность покинуть Блэк Сити. На горизонте до сих пор нет ни одного человека из «Люди за Единство». Где же они?

— Черт, давайте сами просто попытаемся сесть на поезд, — говорит Эш. — От поезда валит довольно много дыма и можно попытаться использовать его в качестве прикрытия...

— Вон они! — говорит Элайджа, кивая на трех людей, только-только появившихся на платформе, выглядящих нервными и взволнованными.

Я с облегчением вздыхаю.

— Так, ладно, помнишь план? — спрашивает Эш меня. — Ты идешь первой. Тебя зовут...

— Мэтью Дюнгейт. Мне четырнадцать, и я живу в Высотке с отцом, Робертом Дюнгейтом. Я помню. Мы тысячу раз это повторяли, — говорю я.

— Прости, — быстро говорит он. — Просто... береги себя. Увидимся в поезде.

Я бросаю взгляд по сторонам, убеждаясь, что никто не смотрит, и быстро целую Эша, стараясь вложить в этот краткий поцелуй как можно больше любви и эмоций. Он обнимает меня.

— Ребята, вы не могли бы побыстрее? Поезд отходит, — говорит Элайджа.

Мы буквально секунду обнимаем друг друга, а потом размыкаем объятия. По моим

жилам течет адреналин, когда я перекидываю свой вещь мешок через плечо и выхожу из тени на платформу. Ну, все. Вчера мы бесчисленное количество раз прошлись по нашему плану, и он казался нам таким простым, но теперь я ни в чем не уверена. Что, если гвардейцы даже в этом маскараде узнают меня? С чего мы взяли, что это хороший план? Это безумие! Гвардейцы повсюду.

Страж-гвардеец с аккуратной подстриженной черной бородкой обращает на меня внимание и пристально разглядывает, когда я иду за своим «отцом», высоким, светловолосым мужчиной по имени Вивел, одним из высокопоставленных членов «Люди за Единство» в Блэк Сити. Мои ладони липкие от пота.

— Мэтью, вот ты где, я же просил не убегать, — говорит Вивел, в то время как бородатый гвардеец изучает нас.

— Прости, папа, — говорю я хриплым голосом.

Гвардеец смотрит на нас секунду другую, а потом отворачивается, теряя к нам интерес. «Уф».

— Где ты был? — спрашиваю я едва слышно.

— У нас возникли неприятности в получении Эвакуационного билета, но у меня есть этот, — отвечает он, ведя меня к поезду. Нельзя терять время.

— Как ты покинешь город? — спрашиваю я его.

— За меня не переживай, — говорит он, закрывая на этом тему.

Двое других «Людей за Единство» встречают Эша и Элайджу у лестницы и ведут их дальше по платформе к другому вагону. Эш бросает через плечо взгляд на меня. Он кажется спокойным, за исключением напряженности вокруг его прекрасных (сейчас голубых) глаз, ничто не выдает волнения в нем. Я знаю, он переживает за меня. Всех четверых вскорости скрывает дым и пар, валящийся из трубы поезда.

Вивел ведет меня к очереди детей, которые ждут своих родителей, чтобы сесть на поезд. Передо мной упитанная рыжеволосая женщина, одетая в длинный, почти до колен лоскутный жакет, спорила со своими почти одинаковыми круглолицыми дочерьми. Младшая из девочек цеплялась за фалды материнского жакета, на глазах у неё наворачивались слезы.

К моему разочарованию, вагон, очередь в который я заняла, охраняется гвардейцем, который минуту назад пялился на меня. Вот так удача! Он смотрит на меня, его рука покоится на ложе его винтовки, и мне трудно проглотить комок, застрявший в горле. Я хорошо поработала над своей маскировкой, он ни за что не узнает меня.

Очередь движется быстро, детей, словно скот, грузят по вагонам, но в то же время мой живот заполняют бабочки, нервы, как натянутые струны. Женщина передо мной протягивает гвардейцу два своих Эвакуационных билета, потом помогает детям взобраться в поезд. Времени для слезных прощаний нет, но она, похоже, этого не понимает, и перекрывает собой дверной проем.

— Я люблю вас, мои дорогие. Позвоните мне, как только доберетесь до Центрума, — всхлипывает она.

Я в нетерпении отбиваю ногой «чечетку», а Вивел с тревогой смотрит на свои карманные часы. Давай! Давай!

Последний свисток, и двигатели поезда издают рев.

Я бросаю панический взгляд на Вивела.

— Проходите, дамочка! — прикрикивает он на неё, засовывая мой Эвакуационный

билет в руки гвардейцу, одновременно пихая меня в поезд.

Я заваливаюсь в вагон, толкая двух пухлых рыжеволосых девочек. У меня за спиной Вивел с их матерью орут друг на друга.

Двери с шипением закрываются, и я встаю на ноги, хватая свой вещь-мешок и помогая свободной рукой подняться девочкам. Поезд делает рывок вперед, едва не сбивая меня с ног, потом опять тормозит, вдали от платформы. Я ловлю взгляд Вивела через решетки на окнах. Он еще ругается с гвардейцем и женщиной. Обстановка накаляется, дело уже почти доходит до драки. Он ловит мой взгляд, и на его лице появляется маленькая, победоносная улыбка, как раз перед тем, как Страж поднимает винтовку и стреляет ему в голову.

Кровь Вивела забрызгивает окна и все дети визжат. Я прислоняюсь спиной к стене и крепко зажмуриваюсь. Меня охватывает паника. Что если они схватили Эша и Элайджу? Я заставляю себя открыть глаза и успокоиться. Я должна их найти.

В темном вагоне жарко и душно и он битком набит детьми. Все сидят на чем придется, многие на металлическом полу. Здесь уже невыносимо жарко. Пот течет по моему лицу и спине, и мне так хочется снять удушливую повязку вокруг моей груди, но народ может забеспокоиться, если у Мэтью Дьюнгейта вдруг вырастет грудь третьего размера.

Я помогаю двум рыженьким девочкам найти места, усаживаю их и быстро обнимаю. Младшая, с щелкой между передними зубами, хватает меня за руку.

— Не оставляй нас, — шепчет она.

— С вами все будет в порядке. Центрум, где вы будете жить, замечательное место. Всем детям там очень нравится, и там полным-полно парков, где можно играть. - Похоже, это немного развеселило девочку. — Мне нужно идти и найти... эээ ...брата. Мы разделились, и он будет волноваться. С вами все будет хорошо?

Маленькая девочку всхлипывает и кивает.

Я встаю и осматриваю вагон в поисках Эша и Элайджи, мы должны были все встретиться здесь. Никого. Я снова внимательно осматриваю вагон, вспоминая, что они переодеты и в гриме. Когда я в третий раз просматриваю лица, останавливаясь на каждом, но не узнаю в этих людях никого из них, у меня горло сжимается от напряжения. Их нет в поезде.

Глава 17

НАТАЛИ

МОЖЕТ БЫТЬ, они ждут меня не в том вагоне? Я успокаиваю себя, пока торопливо ид по поезду, то и дело, невзначай, толкая пассажиров вещевым мешком, висящим у меня на плече.

— Простите, извините, — бормочу я по дороге. У меня сжимается сердце, я очень надеюсь, что Эшу с Элайджей все же удалось сесть на поезд. А что, если их схватили? Эш уже мог быть в тюремной камере, пока я застряла здесь в поезде, неспособная ничем помочь.

Поезд набирает скорость и за решетчатыми окнами мелькает Блэк Сити. Через два дня мы будем в Джорджиане, где все, за исключением нас сойдут с поезда, чтобы продолжить дорогу в Центрум. Мы же пересядем на другой поезд до Фракии. Я внимательно всматриваюсь в лица в следующем вагоне, а потом и в следующем, отчаяние во мне все нарастает, когда от вагона к вагону я никого не узнаю. Я прохожу через грузовой вагон, который доверху забит красно-белыми эмалированными тазами и уже на грани истерики дергаю стальную дверь в следующий вагон.

Я замираю как вкопанная.

Весь вагон забит гвардейцами. Их там, по крайней мере, человек пятьдесят. Они все смеются, играют в карты и пьют Шайн. На каждом столе по цифровому экрану, по которым транслируются последние новости Си-Би-Эн. У их ног стоят автоматы и мечи. Они поднимают на меня глаза, и я быстро надвигаю свою кепку ниже, пряча лицо.

— Простите, я ищу своего брата, — бормочу я, и спешу по проходу.

Я прохожу мимо тощего гвардейца с бритой головой и с вытатуированной розой над левым ухом. Он пристально наблюдает за мной, глаза прищурены, и у меня начинает сосать под ложечкой, когда я понимаю, что знаю его. Его зовут Нил или типа того. Он раньше работал в штабе Стражей, когда мама была еще Эмиссаром. Должно быть, я сотни раз проходила по коридорам мимо него.

Он поднимает ногу, упираясь ею в стену, преграждая мне путь.

— Я тебя знаю? — спрашивает он.

Я мотаю головой.

— Нет, сэр.

Он проводит большим пальцем по своей губе. Мне никак нельзя быть поблизости, пока он не догадается, кто я такая. Я перешагиваю через его ногу и со всех ног бросаюсь в следующий вагон. Навстречу мне по проходу идет, обеспокоенно вглядывающийся в лица пассажиров, высокий красивый голубоглазый загорелый блондин. У меня уходит одна секунда, чтобы понять, это этот загорелый Адонис — Эш. Элайджа идет позади него. На меня накатывает волна облегчения. Я пробираюсь через толпу, перешагиваю через вытянутые ноги и багаж и встречаюсь с ними на середине вагона. Эш тянет меня в крепкие объятия.

— Я так волновался за тебя, — шепчет он.

— Я тоже, — отвечаю я, поглаживая его лицо.

Детишки, сидящие поблизости, бросают на нас насмешливые взгляды, и я вспоминаю, что одета как четырнадцатилетний мальчишка.

Я вынуждена отстраниться.

— Нам нельзя... я только что нарвалась на знакомого гвардейца.

— Он тебя узнал?

— Я показалась ему знакомой, но он не смог задержать меня.

— Нам нужно вернуться обратно, — говорит Элайджа, указывая на вагон, из которого они только что пришли.

Мы направляемся в следующий вагон, и Эш находит пустое пространство на полу, чтобы можно было усесться, зажатое между рядом сидений и грязным туалетом, у которого вместо двери ширма. Я стараюсь не слишком впадать в уныние от того, что мы застряли здесь на несколько дней.

— Я не стану здесь сидеть, — говорит Элайджа сквозь стиснутые зубы. — Я сын Консула и не привык, чтобы со мной обращались, как с какой-нибудь собакой.

— Идти больше некуда. Если, конечно, ты не хочешь сидеть на чертовой крыше? — говорит Эш, тыча пальцев в эвакуационный люк над нами.

Элайджа чертыхается себе под нос.

Рядом с нами сидит кудрявая черноволосая девочка-подросток, которая с любопытством поглядывает на нас. Я начинаю чувствовать давление вокруг груди, моё беспокойство растёт, ещё и от того, что мы заперты в ловушку в этом поезде с пятью десятками гвардейцев Стражей, которые находятся всего в нескольких вагонах от нас. Это был сумасшедший план! Я дергаю свой бандаж под рубашкой.

— Ты в порядке? — спрашивает Эш.

— Мне необходимо ослабить повязку. — Я иду в туалет и закрываюсь ширмой от коридора.

Кабинка тесная, освещена одной-единственной масляной лампой, которая висит над головой, освещая все вокруг оранжевым светом, что несколько не улучшает вид на проеденный ржавчиной металлический унитаз и раковину. Запах невыносим, но я стараюсь не обращать на него внимания, лихорадочно расстегивая рубашку и ослабляя повязки. Я открываю воду и делаю несколько глотков чуть теплой воды, начиная чувствовать себя лучше.

— Взглянешь на неё еще раз, и я перережу твою чертову глотку, — огрызается Эш по другую сторону ширмы.

Я смотрю через щели ширмы и вижу, как рука Эша вцепилась в горло Элайджи. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что Бастет смотрел, как я раздевалась. Блин!

— Эш, отпусти его, пока кто-нибудь не позвал гвардейцев, — говорю я через ширму.

Он убирает руку, а Элайджа потирает горло в пострадавшем месте.

Я застегиваюсь на все пуговицы, а потом роюсь в карманах штанов, в поисках лекарства для сердца. Я достаю одну белую таблетку, запивая её водой, а затем смотрю на свое отражение в потрескавшемся зеркале над раковиной. При виде себя, я кривлю губы. Без грима, я выгляжу просто ужасно. Как я могу нравиться парням? Мои глаза выглядят тусклыми и желтыми... желтыми?

Я ближе наклоняюсь к зеркалу. Белок в левом глазу слегка желтоват, особенно в уголке, как в ночь моего дня рождения. С ним определенно что-то не так. Может я подхватила инфекцию или типа того? Этого только не хватало. Я вздыхаю и выхожу из туалета, сознательно пиная Элайджа по ноге, когда сажусь на пол. У Эша мой жест вызывает кривую ухмылку.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашивает он.

— Намного, — говорю я.

— Что ж, нам придется как-то устроиться. Мы здесь проведем несколько дней, — вздыхает Эш.

В течение последующих шести часов мы с Элайджей развлекаем друг друга всякими историями и играми, стараясь оттянуть наступление скуки и волнения, в то время как Эш читает дневник своей матери, надеясь узнать хоть что-нибудь о таверне на фотографии, поскольку это наша единственная зацепка в поисках «Ора» и мамы Элайджи. Кажется, время едва-едва ползет, и один час тянется как три, потому что я испытываю разочарование, когда смотрю на свои часы, а те показывают что всего четыре часа дня. Я вздыхаю и прислоняюсь к Эшу, который все еще читает дневник.

— Нашел что-нибудь интересное? — спрашиваю я.

Он мотает головой.

— Я просмотрел весь дневник в поисках любого упоминания об «Ора», Фракии, Зеркального города или Иоланды, и ничего не нашел. — Он убирает дневник. — Большинство записей о маминой жизни в подростковом возрасте и когда ей было лет двадцать. Это интересно, но боюсь, не очень полезно.

Я изучаю фотографию, которую он использует в качестве закладки. Это снимок пяти Дарклингов, сделанный в лесной узкой долине с горой на заднем плане.

— Это семья твоей матери? — спрашиваю я.

Он кивает, протягивая фотографию мне.

— Это мама, бабушка с бабушкой и Люсинда, — говорит он, показывая, кто есть кто.

— А кто это на заднем плане? — спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает он.

Я переворачиваю снимок и вижу надпись на обратной стороне.

— Лес теней, Эмбер Хиллс? Где это?

Он пожимает плечами.

— У меня не было еще возможности взглянуть на карте.

— Можно мне взглянуть на другое фото, в таверне? — спрашиваю я.

Эш протягивает её мне, я изучаю фотокарточку с четырьмя девушками в таверне Фракии. Элайджа склоняется ближе, чтобы у него тоже была возможность рассмотреть снимок, обволакивая меня своим теплым пряным запахом. Я провожу пальцем по фотографии, пытаюсь раскрыть её тайны, но безрезультатно. Обыкновенная таверна, с деревянной барной столешницей, с полками, заставленными бутылками с Шайном, и длинным зеркалом на дальней стене.

Нечто в зеркале привлекает мое внимание. Я подношу фото ближе к лицу, чтобы рассмотреть тщательнее. Это может быть... да! Я издаю писк восторга, привлекая внимание кудрявой девочки-соседки. Она с мгновение рассматривает меня, прежде чем отвернуться.

— В чем дело? — спрашивает Эш низким голосом.

Я указываю на зеркало.

Эш выгибает бровь.

— Ага... зеркало. И что?

— Взгляни на отражение, глупенький, — говорю я, указывая на прямоугольный объект, отразившийся на зеркальной поверхности. — Это коммунальный щиток, с расценками на комнату. И держу пари, что сверху подписано название этого места.

Элайджа лучезарно улыбается мне. Мы по очереди изучаем снимок, пытаюсь понять, что за надпись отражается с щитка.

— Я не понимаю, на каком языке это написано, — шепчу я, так чтобы не слышали остальные пассажиры.

— Это фракийский, местный язык, который используется в Провинциях, — объясняет Элайджа так же тихо. — Тут вроде то ли лума, то ли луна? — Он указывает на второе слово.

— Мне кажется, первое слово ла и последнее *estrella*...? — говорю я. — Трудно читать задом наперед.

— *La Luna Estrella*? Что это значит? — спрашивает Эш.

— Мой фракийский слегка хромает, но мне кажется, это означает «Лунная звезда», — отвечает Элайджа.

Эш хватается за дневник матери и листает страницы, пока не находит то, что ищет.

— Мне уже подалось оно, — говорит он мне, протягивая дневник.

Я читаю вслух, но негромко.

— *Дорогой дневник... Что за неделя! Митинг имел оглушительный успех, даже, несмотря на то, что гвардейцы Стражей арестовали нескольких выступающих. У муниципалитета собралась несколько тысячная толпа, многим из которой пришлось проделать долгий путь, чтобы присутствовать там, прямо как мы! Это так здорово быть окруженной единомышленниками. Мы завели несколько очень хороших друзей в пансионе, в котором остановились. Люси особенно сдружилась с этой очень нахальной девушкой по имени Лэнди...*

— Лэнди? — перебивает Элайджа, выхватывая дневник из моих рук.

— Эй! — говорю я.

— Извини, просто Лэнди, было прозвищем моей мамы, — говорит он, изучая дневник.

— Было бы полезным знать узнать это раньше, — проворчал Эш. — Знаешь ли, до того, как я просмотрел весь дневник в поисках Иоланды.

Он смотрит на Эша.

— Мне и в голову не пришло. Никто не звал её Лэнди, кроме отца.

— Что еще там говорится? — напоминаю я тему нашего разговора.

Элайджа продолжает читать с того места, где я закончила.

— *Мы часами говорили о политике и о том, как мечтаем о справедливом, демократическом правительстве, которое представляло бы все четыре расы. Я по-настоящему верю, что когда-нибудь мы научимся мирно сосуществовать, но Киран считает меня наивной. Он думает, что после всего того, что случилось у Холмов Эмбер война между Дарклингами и Стражами неизбежна.*

— Кто такой Киран? — спрашиваю я.

— Это Люпин, они вместе выросли с мамой, — объясняет Эш.

Элайджа читает дальше:

— *Люси и я направляемся в Блэк Сити, потому как она слышала, что движение за гражданские права там набирает обороты. Мы пытались убедить присоединиться к нам и Кирана, но он отдал свое сердце дочери владельца «Лунная звезда», Эсме, которая не может уехать, потому как её отец болен.*

Его глаза встречаются с моими при упоминании «Лунной звезды».

— Вот, должно быть, куда отправилась моя мама!

Я поднимаю фото.

— Думаешь, барменша и есть Эсме?

— Ага, скорее всего, — отвечает Эш, забирая дневник у Элайджи. — Вот, послушайте это... *«Мне кажется это так мило, как Киран с Эсме любят друг друга. Они повсюду ходят вместе, как будто склеенные. Люси этого не понимает, но она никогда не верила в любовь с первого взгляда»*. — Он закрывает тетрадь. — Мне кажется Киран с Эсме близнецы, с которых упоминала Люсинда в своем письме. Тогда все сходится.

Элайджа прислоняется спиной к стене, и с облегчением выдыхает.

— Так вот, значит, куда моя мама отправилась на встречу с Люсиндой. В «Лунную звезду».

— Надеюсь, Эсме даст нам хоть какие-нибудь зацепки, чтобы понять, куда они отправились, — говорю я.

Эш улыбается мне, его глаза сияют надеждой. Я разделяю его чувства, хотя понимаю, что нам все еще предстоит долгий путь до того момента, когда мы найдем «Ора». Для начала, нам необходимо добраться до Фракии, не будучи обнаруженными. Я разминаю ноги, чувствуя, как они затекли от долгого сидения на жестком полу. Темноволосая курчавая девочка встает и обращается к своей подруге.

— Я пойду, раздобуду какой-нибудь еды. Хочешь чего-нибудь? — спрашивает она.

Её подруга кивает. Девочку уходит по проходу.

— Проголодалась? — спрашивает Эш.

Я киваю, и он поднимается на ноги.

— Я не откажусь от рыбы и стакана молока, — говорит Элайджа. — О, может быть немного ягод Калума, если есть. Но только, если те спелые. Ненавижу зеленые.

— Будешь довольствоваться тем, что есть, — рычит Эш.

— Будь осторожен, — говорю я.

Он сжимает мою руку, а потом уходит вниз по коридору вагона в поисках чего-нибудь съестного.

Поезд стучит по рельсам, мерно качаясь, а мир мелькает за окном. Пока мы ехали, небо сменило цвет от светло-голубого до пронзительно-багряного, а это может означать только одно: мы приближаемся к Бесплодным землям. Красное небо результат поднятых песков в воздух, торнадо, которые настолько обширны, что могут сметать города. Через пустыню пролегает глубокий каньон, который убегает вдаль настолько далеко, насколько хватает глаз.

Элайджа вздыхает, дергая воротник рубахи.

— Они могли бы открыть несколько окон. Я потею как свинья в этой одежде.

— Очаровательно, — говорю я. — Окна закрыты, чтобы на поезд не смогли проникнуть Разъяренные.

Элайджа расстегивает несколько пуговиц на рубашке, обнажая гладкую загорелую кожу под ней. Блестящие бусинки пота медленно скатываются вниз по горлу, заставляя крошечные волоски на его теле мерцать. Не понятно почему, но моим щекам становится жарко. Я отвожу взгляд, но он успевает заметить, как я разглядывала его.

— На что уставилась, красотка? — спрашивает он.

Я фыркаю.

— О, прошу тебя, я пытаюсь сделать так, чтобы меня не стошнило.

— Ну, мне очень понравилось то, что я видел. — Его взгляд скользит по моей груди.

Я пинаю его по ноге.

— Больше не подглядывай за мной.

Он ухмыляется.

Дверь в конце коридора открывается, и мое сердце учащенно бьется, это может быть гвардеец Стражей. Я расслабляюсь, когда в проеме появляется кудрявая брюнетка с подносом, на котором лежит немного черствого хлеба, два подгнивших яблока и стоит бутылка молока. Остальные дети бросают на поднос голодные взгляды. Она перехватывает мой взгляд, когда садиться. Я с нетерпением жду, когда смогу сойти с этого поезда, и оказаться подальше от гвардейцев Стражей. Слышно шипение пара, и поезд стремительно замедляется. Внезапное падение скорости толкает меня в Элайджу. Я, растерявшись, отталкиваю его от себя.

— Твоя кепка, — бормочет Элайджа сквозь зубы.

Я прикасаюсь к голове и понимаю, что кепка слетела, обнажив мои волосы. Я быстро поправляю её, убирая свои кудри под неё, но кудрявая брюнетка успевает это заметить. Я коротко улыбаюсь ей. Она с минуту пристально смотрит на меня, а затем улыбается в ответ. Я расслабляюсь.

Я подхожу к окну, желая узнать, почему мы остановились. Мы на железнодорожной станции — это по большей части деревянная платформа с одной-единственной билетной кассой. На платформе куча ящиков; на каждом подписано ЦЕНТРУМ, и еще какая-то печать в виде красной бабочки с боку.

Несколько гвардейцев, включая Нила, выходят из поезда, и пока они грузят коробки, один из них неудачно берет ящик и роняет его. Крышка ломаясь, слетает, и дюжина бутылок с жидкостью цвета смолы выпадают и разбиваются. Теперь повсюду валяются осколки стекла. Я понимаю, что это за жидкость — это эссенция акации. Они облили такой крест Эша перед казнью. Должно быть здесь её производят, поскольку деревья акации произрастают именно в Бесплодных землях.

Как только они заканчивают с погрузкой ящиков, поезд начинает медленно набирать ход, отъезжая от платформы мимо надписи, сделанной от руки ПЕСЧАНАЯ ЛОЩИНА. Н ней висят несколько трупов Разъяренных, чтобы отпугнуть других таких же. Меня передергивает.

Во время войны, тысячи Дарклингов содержались в близлежащих концентрационных лагерях, где прежде работал мой отец. Они экспериментировали и заражали их смертельно опасным вирусом С18, чтобы проанализировать оказываемый им эффект. Когда война подошла к концу, став Разъяренными, они освободились, и теперь могли сами постоять за себя. Это чудо, что им удавалось выживать столь длительное время — заболевание очень агрессивное. Но не исключено, что им вкалывали другой штамм вируса, нежели тот, которым Дарклингов заражали в Блэк Сити. Считаю, что это единственная причина, по которой, они продержались живыми так долго.

Вагонная дверь вновь открывается и на этот раз появляется уже Эш с подносом. Видно, что у него что-то спрятано под пиджаком. Пока он идет по проходу, дети бросают на поднос голодные взгляды. Он протягивает одному тощему мальчишке немного хлеба, и я просто поражена, насколько тот похож на того полукровка, которого Себастьян убил у нас на глазах несколько месяцев назад. Думаю и Эш заметил эту похожесть.

Эш усаживается и протягивает мне черствый хлеб и яблоко, Элайдже бутылку молока.

— Где еда? — спрашивает он.

— Это все, что у них осталось. Я видел мышей в другом вагоне. Ты всегда можешь съесть их, — отвечает Эш.

Элайджа смотрит на мальчика, который жадно ест хлеб, что дал ему Эш. Его саблевидные зубы обнажаются, и я быстро разрываю хлеб на две части, и большую отдаю Элайдже. Он прячет зубы.

— А спасибо сказать не надо? — бормочу я.

— Спасибо, — говорит он, с набитым ртом.

— Ты голоден? — спрашиваю я Эша.

Он закрывает глаза.

— У них нет того, что мне нужно.

Прежде чем мы доберемся до Фракии, пройдет несколько дней. Эш будет голодать без крови.

— Ты можешь выпить моей крови, — шепчу я.

— Нет. Не хочу накачать тебя Дурманом, — отвечает он.

— Я могла бы её нацедить как-нибудь...

— Как? — спрашивает он.

Он прав. У нас нет никакого оборудования, чтобы безопасно сцедить мою кровь.

— Не переживай. Если я сильно проголодаюсь, то всегда могу перекусить Элайджей, — шутит Эш.

Элайджа шипит на него.

Я наклоняюсь к Эшу и моя голова ударяется во что-то твердое под его пиджаком.

— Ой, — говорю я, потирая голову. — Что это?

Он достает из-под пиджака портативный цифровой экран.

— Спер его в вагоне гвардейцев. Никто не хватится. Их там у них полным-полно, — говорит он. — Хочу знать, что происходит с восстанием.

Мы втроем сгрудились вокруг экрана, так как звук должен быть как можно тише. У картинки низкое разрешение, но я все равно узнаю глянцевою блондинку с ярко-розовыми губами с «Февральских полей».

— ...в ужаснейшем теракте, что переживала наша страна со времен войны, погибло двадцать гвардейцев и еще многие получили ранения. Погибших могло бы быть гораздо больше, если бы правительство Стражей действовали не так быстро и активно.

Изображение сменяется семьями, которых сажают в поезда улыбающиеся гвардейцы Стражей. Поезда новые и блестящие, украшенные знаками Стражей по бокам. Эш раздраженно ворчит. Это видео от начала и до конца подделка! Пуриан Роуз снял представление, а не настоящую эвакуацию, чтобы показать своих гвардейцев в выгодном свете. Думаю, он не хочет, чтобы народ знал, что же на самом деле происходит — что семьи разлучают, а некоторых расстреливают. Я вздрагиваю, когда вспоминаю Вивела.

— Пуриан Роуз отдал приказ об аресте ответственных за это злодеяние, членов организации под управлением предателя, известного, как Феникс, — продолжает «Февральские поля». — Любой, кто владеет хоть какой-нибудь информацией об их местонахождении, будет представлен к награде.

На экране всплывают изображения: Эш, я, Сигур, Роуч, Жук, Джуно...

Внезапно трансляция прерывается, и сменяется кадрами, сделанными Стюартом в Блэк Сити, когда в город вторглись Эсминцы. Люди кричат и плачут, когда их расстреливают гвардейцы и калечат своры Люпинов. Камера резко поднимается в небо, чтобы показать Эсминцев, которые проплывают над городом. Затем снимает один из информщитов, по которому транслируется изображение Полли, привязанной к стулу. У меня перехватывает

дыхание, от того, что я снова вижу свою сестру.

— Ваше правительство лжет вам, — раздаётся голос Джуно за кадром.

Ролик заканчивается фото с Эшем, одетым как Феникс, и словами «НЕТ СТРАХА, НЕ ВЛАСТИ».

Я отворачиваюсь от экрана, не желая больше видеть изображение своей сестры. Каждая клеточка моего тела разрывается от боли и горя.

— Прости, — говорит Эш, запихивая портативный экран в свой вещмешок.

Я ем свой хлеб, а потом кладу голову Эшу на плечо. Мои веки слипаются под мерный стук колес поезда, и я сразу же проваливаюсь в сон. Мне снятся красные комнаты, розы, и горящие города.

Когда я просыпаюсь, то чувствую, что вспотела от ночных лихорадочных кошмаров. Я моргаю сонными глазами, и смотрю на часы. На часах девять! Я проспала почти весь вечер. Я замечаю, что кудрявой брюнетки нет на месте. Должно быть, она пошла раздобыть еще еды, хотя Эш сказал, что никакой еды не осталось? Может быть, она просто пошла размять мышцы, мои ужасно затекли.

— Эй, соня, — говорит Эш, целуя меня в пылающую щеку. Он хмурится. — Ты нормально себя чувствуешь?

Я киваю.

На окно, привлекая мое внимание, падает пролетающая тень.

— Что это?

— Наверное, кондор, — отвечает Эш.

— Что? — взволнованно переспрашивает Элайджа.

— Ты в порядке? — спрашиваю я его.

— Гм... ммм, — говорит Элайджа, не отрывая глаз от окна. — Я просто не люблю птиц. Они же не могут залететь внутрь, да?

Мы оба с Эшем смеемся.

— Это не смешно! — говорит он. — Кто-то боится пауков, я ненавижу птиц. Все, проехали.

— Извини, — говорю я, все еще смеясь. — Просто... ты же кот...

Он рычит на нас. Я заставляю себя прекратить хихикать.

— Нет, птицы сюда не проникнут, если только не исхитрится и каким-нибудь образом откроет эвакуационный люк.

Элайджа смотрит вверх на люк в крыше.

Вагонная дверь открывается и входит кудрявая брюнетка. Её руки пусты, и она проходит и садится на свое место. Я прильнула к груди Эша, не заботясь о том, как это будет смотреться со стороны, учитывая, что я притворяюсь мальчиком, но девочка-соседка уже знает правду.

Я не свожу глаз с окна, не до конца уверенная, что тень, которую я видела, принадлежала кондору (слишком уж она была большая для птицы), но больше ничего, кроме размытых звезд не видно. Поначалу это просто белые пятна на фоне ночного неба, но потом они постепенно начинают принимать форму, их мерцающие контуры становятся более четкими. Это может означать лишь одно.

— Поезд снова замедляется, — озадаченно говорю я.

— Мы уже в Джорджиане? — спрашивает Элайджа.

Я мотаю головой.

— Еще день пути.

— Может быть, мы останавливаемся для подзаправки? — предполагает Эш.

Мелькает еще одна тень, но я едва успеваю это заметить так, как дверь в наш вагон распаивается, и на пороге появляются пять гвардейцев Стражей, под предводительством Нила — тот бритоголовый, которого я узнала днем. Кудрявая брюнетка встает со своего места.

— Они вон там, — говорит она, тыча в нас пальцем.

Так вот чем она занималась? Накрысятничала на нас гвардейцам!

Нил вытаскивает меч.

— Стоять! Вы арестованы!

С крыши доносится очень слабый стук.

Эш снимает виниры, обнажая клыки. Элайджа скалит саблевидные клыки.

Нил делает шаг к нам.

— Бежать некуда. Вы полностью...

Аварийный люк над нами срывается с петель.

Мы все начинаем кричать.

Глава 18

НАТАЛИ

РАЗЪЯРЕННЫЙ СМОТРИТ НА МЕНЯ злыми желтыми глазами, с его клыков капает я Эш тянет меня к себе за спину, как раз, когда существо складывает крылья и бросается в вагон, за ним две женщины. Мужские руки покрыты рубцами от акации, но, он кажется, ничего не замечает. Разъяренные издают ужасный вой.

Все дети вокруг нас бросаются в проход, давя друг друга, стремясь скорее сбежать отсюда, но единственная дверь перегорожена гвардейцами, которые пришли арестовать нас.

Первый Разъяренный (гигантское создание огромного роста со слипшимися белыми, висящими сосульками волосами) хватается черноволосую девочку и в одно движение отрывает ей голову, забрызгивая горячей кровью вагон. Воздух заполняют крики. Гвардейцы обнажают мечи и, распихивая по сторонам детей, проталкиваются к двум женщинам-Разъяренным. Эти животные визжат, обнажая свои острые клыки, и кидаются к Стражам. Четверо мужчин повергнуты в считанные секунды, их тела разорваны на части словно бумага, таким образом, в живых остается только Нил.

— Нам необходимо вывести отсюда этих детей! — говорю я Эшу, когда здоровый мужчина-Разъяренный бросает тело обезглавленной девочки и обращает все свое внимание на группку детей сгрудившихся у двери.

Эш делает выпад в его сторону, в то время как Элайджа нападает на одну из женщин-Разъяренную, погрузив свои зубы-сабли в ее яремную вену. Она воет от боли перед тем, как рухнуть замертво на пол. Другая женщина вращает головой по кругу и сосредотачивает свои желтые глаза на Элайдже. Она ударяет тощего гвардейца, Нила, и одним взмахом руки, вынуждает того бросить меч, и прыгает на Элайджу.

Некогда думать. Я хватаю меч Нила и вонзаю в сердце Разъяренной. По моим рукам стекает липкая горячая кровь, покрывая их красным цветом.

— Спасибо, я твой должник, — задыхаясь, говорит Элайджа, но я едва понимаю его, когда смотрю на свои окровавленные руки. И я тут же вспоминаю Грегори Томпсона, которого убила точно так же, проткнув мечом грудь...

— Натали!

Гортанный голос Эша выводит меня из ступора. Разъяренный держит Эша за горло. Я рефлексивно замахиваюсь мечом и рублю Разъяренного по руке. Он отпускает Эша, и тот падает на пол. Я бросаю меч и кидаюсь к Эшу, пока Элайджа справляется с чудовищем, перегрызая тому глотку.

В вагоне наступает тишина.

Нил, покачиваясь, вскакивает на ноги и осматривает бойню. Его мрачное лицо и бритая голова заляпаны кровью. Все его люди мертвы, но к счастью, убит всего один ребенок (черноволосая девочка). Он подбирает меч одного из своих людей, в то время как за дверью слышен топот бегущих ног.

Нил поворачивается ко мне и поднимает вверх меч.

— Себастьян здесь, чтобы забрать тебя.

Так вот зачем мы останавливались. Я не расслышала предательский шум Эсминца сквозь бронированные стены поезда.

— Пожалуйста, дай нам уйти, — говорю я.

Он бросает взгляд на тело Разъяренного на полу.

— Нил, ты же знаешь я не плохой человек, — продолжаю я. — Мы могли бы сбежать и дать им вас всех убить, но не сделали этого.

На лице Нила мелькает сомнение.

— Пожалуйста, — говорю я.

Он опускает свой меч.

— Спасибо.

Эш помогает Элайдже выбраться через аварийный люк, затем подтягивается сам, через него, протягивая потом и мне руку.

— Подожди, твой вещмешок! — говорю я, зная, что в нем шкатулка его мамы.

Когда я поворачиваюсь, чтобы схватить его мешок, мой взгляд цепляется за безжизненного Разъяренного у моих ног. У меня замирает сердце в груди, когда я пялюсь на его мертвые желтые глаза.

Желтые, прямо как мои.

И вдруг, я не могу дышать, не могу думать, ничего не могу делать, кроме как стоять и слушать, как пульсирует кровь в ушах. Я же не больна вирусом Разъяренных или больна?

— Натали!

Голос Эша проникает сквозь мой ужас, возвращая меня обратно в реальность. Я подбираю вещмешок, а затем беру его за руку. Мгновение невесомости, и он поднимает меня через люк, как нельзя очень вовремя, потому что вагонная дверь распаивается, и внутрь вваливаются гвардейцы.

Когда я ступаю на крышу поезда, мою кожу мгновенно обдувает холодный воздух, у меня проступает ледяной пот. Папа как-то рассказывал мне, насколько ужасно холодно становится ночью в Бесплотных землях, но до нынешнего момента, я до конца этого не понимала. Высоко над нами в небе залитым лунным светом висит Воздушный Эсминец, его двигатели тихо работают, издавая зловещее гудение. Я надеюсь, что слишком темно, чтобы они смогли разглядеть нас с выключенными прожекторами. Оставленный поперек железнодорожных путей Транспортер, блокирует дорогу поезду.

— Где они? — спрашивает Себастьян, находясь внутри вагона.

— Сбежали во время нападения Разъяренных, — отвечает Нил.

Раздается недовольный рык. Это Гаррик.

Я протягиваю Эшу его мешок, который он перекидывает себе через плечо, в то время как Элайджа с изяществом спрыгивает с поезда, бесшумно приземляясь на иссушенную землю. Эш аккуратно передает меня в руки Элайджи и те как бы невзначай проскальзывают под мой жакет, когда он принимает меня. Его мозолистые пальцы скользят по моему животу, заставляя каждую клеточку моего тела неожиданно заполняться жаром. Как только мои ноги соприкасаются с землей, он отпускает меня, и я, испытывая неловкость, немедленно запаиваю жакет. Он отводит взгляд. Раздается мягкий стук, когда ботинки Эша ударяются о песок. Его пальцы переплетаются с моими, и мы бежим, бежим, бежим, изо всех сил стараясь убежать как можно дальше от поезда, прежде чем они бросятся за нами.

На улице крошечная тьма. Непроглядная темнота, и я бегу вслепую, полагаясь на Эша, который уводит нас все дальше по валунам, мимо колючих кустарников, которые угрожают вцепиться в нас.

— Сюда! — говорит Эш, указывая вперед на что-то, чего мне не видно (для меня это просто черное на черном), но я понимаю, что он имеет в виду - каньон, который я видела из

окна поезда.

— Мы не можем прыгать со скалы! — восклицаю я.

— А я этого и не предлагаю, — отвечает Эш. — Там есть тропка, по которой можно проехать верхом. Мы можем следовать вниз по ней по оврагу к руслу реки.

— Ты чокнутый? Это слишком опасно, — говорит Элайджа.

У нас за спинами кричат Люпины. Они учуяли наш запах.

— У нас нет выбора, — говорю я.

Адреналин — единственное, что заставляет мои ноги бежать и не подогнуться коленям, толкая мое тело к своему пределу, когда мы приближаемся к краю обрыва.

— Они пошли сюда, — кричит Гаррик.

Каньон становится все ближе и ближе. Мы бежим слишком быстро, чтобы остановиться.

— Эш, ты уверен, что нам сюда? — в панике спрашиваю я.

— Доверься мне. — Эш резко свернул налево, увлекая нас за собой.

Я вижу её! Тропка едва-едва виднеется между колючим кустарником и камнями, её ни за что не увидеть, если не знать о ней и не иметь такого ночного зрения, как у Эша. Тропка кругая и узкая — скорее всего в ярд шириной, по левую сторону от нас скалы, а по правую обрыв. Мы идем быстро, даже слишком, и наши ноги скользят по гравию, который скрипит у нас под ногами. Я падаю. Мои каблуки лихорадочно пытаются увязнуть в грязи, пока я соскальзываю по тропе вниз, прямиком в крутой обрыв. Я вскрикиваю от страха, знаю, что меня не ждет ничего, кроме полета, за которым последует ужасная смерть.

И прежде чем я успеваю упасть, меня за воротник хватается рука и втаскивает вверх. Мне ухмыляется Элайджа, темные волосы ниспадают вокруг его слегка детского лица.

— У нас сегодня уже вошло в привычку, спасать друг другу жизнь, — говорит он, помогая мне подняться.

— Спасибо, — отвечаю я.

Эш притягивает меня в свои объятия.

— Черт, черт, черт, я думал, что потерял тебя.

Воздух внезапно наполняет душераздирающей крик, и мы все вскидываем головы, чтобы увидеть как в бездну, упав с обрыва, летит Люпин. Спустя мгновение слышен удар тела о камни. Другому Люпину удается удержаться, и не последовать за несчастным в пропасть. Он ногами и руками цепляется за гравий и камни. Я замечаю на фоне луны на вершине обрыва Гаррика. Он принохивается к воздуху, а потом идет в нашу сторону. Он видит дорожку, но нас, к счастью, пока нет. Мы бросаемся в тень.

К нему присоединяется женщина-Люпин с розовыми волосами.

— Они ушли этой дорогой, — говорит Гаррик.

— Ну, так пошли за ними, — отвечает она.

Гаррик бросает взгляд себе через плечо на Люпина в красном кожаном фраке — я припоминаю, что Гаррик обращался к нему, как к Джареду, на железнодорожной станции. Наступает пауза, и я затаила дыхание. А потом:

— Нет, слишком опасно. Мы отследим их с первыми лучами солнца, — говорит Гаррик.

— Но...

— Это приказ, Саша, — отрезает он.

— Босс будет недоволен, — говорит Саша, когда они отходят от края утеса.

Я выдыхаю. Благодарная, что на улице крошечная тьма, и они не станут нас преследовать.

Эш ведет нас дальше. Мы осторожно продвигаемся вперед, и дорожка, к счастью, после первой мили становится шире. Нам то и дело встречаются валуны и камни, оставшиеся после произошедшего когда-то оползня. Это замедляет наше продвижение, с другой стороны, скалы скрывают нас, а это так необходимо нам. Чем дальше мы пробираемся вглубь оврага, воздух становится холоднее, и вскоре я начинаю стучать зубами. Я так рада, что надела шерстяную одежду, хотя уверена, что завтра я не скажу за это спасибо, когда наступит изнуряющий зной. Я потираю руки, стараясь согреться. А спустя мгновение, что-то соскальзывает на мои плечи. Это пальто Элайджи. Я смотрю на него через плечо.

— Ты замерзнешь, — говорю я.

Он пожимает плечами.

— Не волнуйся за меня, красотка.

— Спасибо, — говорю я.

— Без проблем. Если станет слишком холодно, я просто попрошу его обратно, — добавляет он.

Я закатываю глаза.

У нас над головами, кружит Эсминец, сканируя прожекторами ущелье. Каждый раз, когда луч прожектора оказывается поблизости, мы ныряем за ближайшие валуны и камни, прячемся за кустарниками. Я надеюсь, что им так и не удастся обнаружить нас со своей высоты, тем более что мы одеты в темное. Разве что светлый парик Эша может привлечь их внимание.

— Эш, твой парик, — говорю я. Он срывает его и вышвыривает его с обрыва, пробегая по черным волосам пальцами, а затем быстро снимает голубые контактные линзы. Мгновенно происходит трансформация Человека-Эша в Дарклинга-Эша, и мне гораздо больше нравится эта версия: темная, устрашающая и захватывающая красота. Элайджа воспользовавшись возможностью, так же избавляется от маскировки (кепка и очки), которую запикивает себе в рюкзак.

Мы идем всю ночь. Медленно продвигаясь вперед в течение нескольких первых часов, вынужденные прятаться от прожекторов, но с исходом ночи, Эсминец улетает, чтобы искать нас дальше вверх по каньону. На полпути по дорожке, мы натыкаемся на тело Люпина. При виде его разбитого тела у меня сводит желудок. Я замечаю, как Эш затаил дыхание. Как он борется с голодом.

— Может, тебе следует взять немного его крови, — тихонько говорю я.

Элайджа кривит губу, и я бросаю на него обеспокоенный взгляд.

Эш колеблется, но голод побеждает. Он падает на колени и запускает пальцы в лужу крови. Черпая ладонью жидкость, он подносит её к бледным губам. Он пробует её на вкус, а затем сплевывает, вытирая руку о штанину.

— Кислая, — говорит он.

Мы оставляем мертвеца и идем вниз по дорожке. К тому времени, когда мы добираемся до реки у основания каньона, долину окрашивают розовые всполохи рассвета. Я зеваю. Никогда не чувствовала себя настолько вымотанной, ни физически, ни эмоционально. А мои мысли вновь возвращаются все к той же волнующей меня теме: Разъяренные.

Неужели я заразилась вирусом? Я думаю о том укусе Дарклинга в ногу. Вирус же не может мутировать. Хотя, на самом деле, мне это доподлинно неизвестно, и я в последнее время плохо себя чувствую. Но, если я заразилась, почему первые симптомы появились спустя столько времени? У Дарклингов в Блэк Сити после контакта с Разъяренными

симптомы проявлялись в течение недели, так почему у меня не так? Это из-за того, что я человек? А я сама заразна?

Я умру?

Эта мысль настолько поражает меня, что я замираю как вкопанная, и Элайджа врежется мне в спину.

— Ой, — говорит он, потирая нос.

— Извини, — бормочу я.

Эш поворачивается, чтобы взглянуть на нас. Должно быть, на моем лице отразились страх и волнение, потому что у него меж бровями появляется складка.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Да, я в порядке, — говорю я, не желая беспокоить его. Я даже сама еще не знаю, инфицирована или нет. Это просто догадка. Теперь больше, чем когда либо, мне хочется, чтобы моя мама была рядом. Она была клинически тупой, когда дело касалось чувств, но в том, что я нуждалась прямо сейчас — кто-нибудь с ясной головой, кто-нибудь, кто мог сказать, что все будет в порядке — она была то, что надо. Где же ты, мама?

— Итак, каков план? — спрашивает Элайджа.

— Идти, пока не станет слишком жарко, а потом найти какую-нибудь тень, чтобы спрятаться от палящего солнца, — говорит Эш. — С наступлением ночи выбраться из каньона и двинуться в ближайший город.

— Может быть, нам стоит вернуться в Песчаную лощину, — говорю я. — По крайней мере, нам известно, где она находится.

— Нет! — возражает Элайджа. — Мы продолжим идти вперед. Если вернемся назад, это только добавит дней нашему путешествию.

Эш устремляет взгляд вдаль, за нас, и я прослеживаю за его взглядом. Эсминец движется вверх по течению, в сторону Песчаной лощины.

— Думаю, они ждут, что мы там появимся, — говорит Эш.

Элайджа начинает шагать.

— Тогда все решили. Идем дальше.

Эш перехватывает мой взгляд, встревожено глядя на меня. Я знаю, о чем он думает. Как только мы выйдем вечером из оврага, нам больше нигде будет укрыться. И если мы не найдем город до рассвета, у нас могут возникнуть серьезные проблемы.

Мы тащимся понурые по каньону. Такое чувство, что Фракия от нас за миллион миль, а «Ора» вообще недосягаема. Мы идем вдоль бушующей реки, которая разрезает каньон, иногда пересекая отмели, чтобы сбить Люпинов с нашего запаха, когда они, в конце концов, отправятся на наши поиски.

Солнце продолжает подниматься над каньоном, смывая последние следы ночи и окрашивая ущелье выжженными оттенками оранжевого, а реку делая брильянтового бирюзового оттенка. В воде мелькает сотни маленьких теней. Удивительно встретить здесь такое количество жизни. Ящерицы греют спины на солнышке, между камнями ползают гремучие змеи, а в небе летают кондоры. Каждый раз, когда тот или другой мелькает над нашими головами, Элайджа поглядывает в небо. Рядом, на водопое пасется табун диких лошадей. Они отмахиваются хвостами от надоедливых комаров и слепней. Звук шагов заставляет их взглянуть наверх, и они тут же срываются с места и скачут прочь, оставляя облако пыли за собой.

С наступлением жары, я снимаю пальто Элайджи и вручаю его ему обратно, в то время

как Эш достает из своего мешка черный шарф (такие носила стража Легиона в Блэк Сити) и повязывает его себе на голову и шею так, что только видны блестящие глаза. Ему должно быть ужасно жарко и непривычно, но он не хочет рисковать, сжечь кожу на солнце.

В ущелье атмосфера удивительно умиротворенная, нашими единственными компаньонами становятся только звук падающей воды и зов ветра, и вскоре я забываю, почему мы здесь, когда бреду и думаю о Полли и как бы ей все здесь понравилось. Я повсюду чувствую её присутствие, как будто она со мной. Возможно, я просто принимаю желаемое за действительное. Надеюсь, что все-таки это не так. Мне нравится думать, что она оказалась в лучшем месте, а не осталась свернувшаяся калачиком в залитой кровью камере.

От моих раздумий не остается и следа, когда вдалеке раздаются человеческий вой, эхом разносящийся по всему ущелью и заставляет кровь стынуть в жилах. Это может означать только одно.

Люпины на подходе.

Глава 19

НАТАЛИ

МЫ ПЕРЕСЕКАЕМ реку вброд, пробираясь через холодную воду до другого берега надеясь, что они не смогут уже учуять наш запах, и это собьет их со следа. Моя одежда отяжелела от воды, её вес тянет меня вниз, и я прикладываю все усилия, чтобы не отставать от Эша. Только понимание того, что за нами идут Люпины и заставляет меня идти вперед и не останавливаться, но с каждым шагом продвигаться становиться все тяжелее и тяжелее, будто это не вода, а вязкая жидкость.

— Эш, мне надо передохнуть, — говорю я через час, неспособная сделать больше ни шагу.

Люпины снова воют. На этот раз, кажется, что звук идет с обеих сторон ущелья.

— Они разделились, — встревожено говорит Эш.

— Но это ведь хорошо, да? — спрашиваю я. — Я имею в виду, что они не могут напасть на наш след?

Эш ничего не говорит. Вместо этого он осматривается по сторонам, и ведет нас туда, где неглубоко, как я предполагаю, чтобы скрыть наш запах. Мы следуем в щель в утесах с правой стороны от нас, у нас в ботинках хлюпает вода. Когда мы входим в проход, свет сразу тускнеет.

По мере нашего продвижения вперед, песчаные стены становятся все теснее, заставляя меня чувствовать клаустрофобию. В какой-то момент, проход становится настолько узким, что мы вынуждены протискиваться дальше, повернувшись боком. Эш ворчит, когда камень давит ему на грудь и кнопки от куртки впиваются ему в кожу.

— Черт, — бормочет Эш, протискиваясь все дальше.

Я пропихиваю его дальше своим плечом, морщась, когда моя рука сталкивается с его железобетонным телом, и мы вываливаемся с другой стороны прохода. Мои глаза расширяются от удивления, когда нас встречает естественный бассейн внутри гигантской пещеры. Через большую расщелину в потолке на гладкую водную поверхность льется солнечный свет. По береговой линии растут зеленые кустарники, а серебристая рыба плещется в нефритовой воде.

Мы находим себе место для отдыха на каменистом берегу. Я расстилаю наши пальто на земле, Эш снимает с головы свой черный платок, и пихает его в вещмешок.

— Я первый буду в дозоре, — сообщает Элайджа, подходя к кромке воды. Он находит удобный камень, и усаживается на него к нам спиной.

Мы с Эшем ложимся на импровизированную кровать из пальто, лицом друг к другу. У меня мурашки бегут по телу, а кончики пальцев покалывает электричеством. Так всегда бывает, когда я рядом с ним, из-за того, что мы Кровные половинки друг друга. Он нежно мне улыбается, проводя пальцами по моей щеке, заставляя мою кровь начать закипать. Он придвигается ближе, и нежно целует меня. Это все, что мне нужно: он, я, вот так. Его рука проскальзывает мне под топ, и легонько проводит по позвоночнику. Я таю, мой стон заглушает очередной его поцелуй.

— Гмм.

Кашель Элайджи заставляет нас обоих вздрогнуть. Мы прекращаем целоваться, и сонно улыбаемся Элайдже. Он качает головой, а потом вновь отворачивается. Эш обнимает меня, и

мы засыпаем.

Мне снится, как я иду по каньону, но выглядит все по-другому: небо серо в преддверии бури, земля черна, как зола, река красная от крови. Это зрелище должно показаться мне отталкивающим, но вместо этого я ощущаю жажду. Там впереди, возле кромки воды на коленях сидит Эш, он пьет кровавую воду, как дикие лошади, которых мы видели ранее.

— Эш? — зову я.

Он вскидывает голову, и я вскрикиваю. У него желтые больные глаза, его тело в гниющих язвах. Он поднимает руку и тычет в меня указательным пальцем.

— Это... ты виновата, — говорит он.

Я качаю головой.

— Нет, это не я, — выкрикиваю я.

— Это ты... — снова говорит он, а потом указывает на реку.

В замешательстве, я смотрю на своё отражение в гладкой красной воде, гадая, что же он имеет в виду. Мой крик эхом разносится по каньону, когда я вижу, как в ответ на меня смотрит монстр Разъяренный...

Я просыпаюсь, тяжело дыша. Я моргаю, стараясь прогнать сон. Воздух жарче, чем был, похоже, по времени где-то около полудня. Неужели я на самом деле проспала несколько часов? А такое ощущение, что только-только закрыла глаза. Рука Эша обнимает меня за талию. Его дыхание прерывисто, а глаза под бледными веками быстро двигаются. Очевидно, что и он пойман в ловушку ужасного сна.

— Прекратите, о, Боже... огонь... о, Боже, о Боже... Натали, — кричит он во сне, паника нарастает в его голосе. — Натали!

— Тише, — все хорошо, — тихонько шепчу я. — Ты в безопасности. Я здесь. Это сон.

Дыхание Эша сразу же начинает замедляться. У меня сердце разбивается, от того, что он каждый раз должен переживать этот кошмар. Я жду пару минут, пока его дыхание не возвращается в нормальное состояние, а потом аккуратно передвигаю его руку и поднимаюсь. Я подхожу к воде, прикрывая ладонью, как козырьком, глаза от яркого солнечного света, проникающего через дыру наверху пещеры. Элайджа стоит посреди озера очень сконцентрированный. Он снял рубашку, которая скрывала его худой загорелый торс, сейчас блестящий от воды. Я чувствую неловкость от того, что вижу его полуголым, хотя это смешно, учитывая, что я видела его как-то совершенно обнаженным, когда он был в плену в штаб-квартире Стражей в Блэк Сити.

Теперь он не такой изможден, каким был тогда, что не удивляет, ведь его больше не пытаются и не мучают голодом. Грудные мышцы и мышцы рук окрепли и стали более рельефными. Красивые коричневые полосы на боках спускаются к узким бедрам, а потом скрываются под его штанами. Если память мне не изменяет, у него все ноги в таких полосах. Я краснею. Почему у меня всплыло это воспоминание в голове?

Он очень внимательно всматривается в воду, его темная, рыже-красная грива свисает вокруг его лица. Его хвост водит круги по воде, вынуждая рыбу сбиваться в плотный шар перед ним. Внезапно он резко погружает в воду руку и выдергивает её уже с рыбой. Рыбина дико бьется у него в руке и открывает рот. Он откусывает ей голову, а потом швыряет ту на берег к моим ногам, где уже валяются еще две рыбы. Элайджа выходит из воды, мокрые штаны плотно облепляют его бедра.

— Что это? — спрашиваю я, указывая носком своего ботинка на дохлую рыбу.

Он ухмыляется.

— Обед.

Мы усаживаемся на плоские камни, и он начинает потрошить рыбу. Солнце печет ему спину. При ближайшем рассмотрении, обнаруживаешь, что у его кожи красноватый оттенок, как у скал, что вокруг нас. Она очень сильно контрастирует с алебастровой кожей Эша. Они как зима и жаркое лето. Эш высокий, а Элайджа коренастый. У Эша вытянутое и угловатое лицо, у Элайджи квадратное и волевое. Даже губы их отличаются — у Эша бледные и прямые, у Элайджи алые и чувственные. Я понимаю, что палюсь на него и отвожу взгляд.

— Похоже, Люпины потеряли наш запах, — говорит он. — Я не слышу их уже больше часа.

Мои плечи расслабляются. А я ведь даже не замечала, насколько они были напряженными.

— Никогда прежде не видела, что бы кто-нибудь ловил рыбу голыми руками, — говорю я, кивая в сторону нашего обеда.

— Мой брат, Ацелот, научил меня. Обычно этим отец занимался, но... — Он вздыхает, в его глазах мелькает боль. — У него находится не очень много времени для меня.

Я сползаю с камня и усаживаюсь рядом с ним, чтобы помочь с приготовлением обеда. Я не люблю есть сырую рыбу, но слишком голодна, чтобы выпендриваться. Мое колено случайно касается его, когда я наклоняюсь, чтобы забрать одну из рыбин, но он не делает никаких попыток отстраниться. Я брезгливо засовываю пальцы в разрез, оставленный Элайджей на рыбьем брюхе, и вытаскиваю её внутренности.

— Ты упоминал, что твоя мама была генетиком, — говорю я, стараясь как-то отвлечься от рыбьих кишок.

Он кивает.

— Её работа преимущественно была сосредоточена на ксенотрансплантации...

— Ксено чём?

— Она занимается пересадкой клеток и органов одного вида другому, — объясняет он. — Потому что, на данный момент, Бастетов осталось очень мало, донорство среди моего народа практически неслыханная вещь в наши дни, поэтому она пытается найти альтернативу, на случай если мы заболеем.

Я думаю о шраме на своей груди, и моей пересадке сердца, когда была еще совсем маленькой. Я могла бы умереть, если бы не доктор Крайвен, который забрал сердце у Эвангелины и отдал его мне.

— Я люблю помогать маме в лаборатории. Ну, любил, пока она... — Он пристально рассматривает свои руки, которые покрыты рыбьей чешуей. — Как думаешь, её пытаются, как Полли?

У меня сжимается сердце, когда я думаю о своей сестре. Положа руку на сердце, если Стражи схватили маму Элайджи, то они определенно пытаются её и допрашивают. Именно так они всегда и делают. Однако ему не нужно об этом думать.

— Мы вернем её, — говорю я, легонько касаясь его загорелой руки.

Он смотрит на свои руки, на то место, где к ним прикасаются мои пальцы, и его шея сильно краснеет. Он поднимает свои медовые глаза и долго и пристально смотрит в мои глаза, и неожиданно, я сама чувствую, как меня бросает в жар.

— У тебя на ноге рыба кровь.

Я вздрагиваю, услышав голос Эша. Разволновавшись, я быстро отдергиваю руку от Элайджиной руки. Эш прислоняется к стене пещеры, большие пальцы заправлены за шлевки

пояса. Прежде я никогда не видела такого жесткого выражения на его лице. Я кладу на камень выпотрошенную рыбу.

— Я думала, ты уснул, — говорю я.

— Извини, что разочаровал, — отвечает Эш, пока Элайджа натягивает свою рубашку.

Мои щеки краснеют. Я не очень понимаю, почему злюсь на Эша за его намек на то, что между Элайджей и мной что-то есть, хотя, возможно, он был в какой-то степени прав, по крайней мере, совсем чуть-чуть. Эш подходит к воде. Я подхожу к нему.

— Ничего такого не происходит, — успокаиваю я его.

Я пытаюсь взять его за руку, но он убирает её в карман, не давая мне это сделать.

— Почему ты себя так ведешь? — спрашиваю я.

— Извини, — бормочет он, наконец, беря меня за руку. — Похоже, меня выводит из себя, когда полуголые парни флиртуют с моей невестой.

— Он не флиртовал...

Эш приподнимает бровь.

— Даже если и так, это ничего не значит, — говорю я. — Ты ведь знаешь какой он.

— Ну да, — отвечает он. — Но это ты меня удивляешь.

Я одергиваю руку, теперь совершенно точно разозлившись.

— Ты просто смешон, — огрызаюсь я. — Ничего не было. Он расстроен, и я просто утешила его. Только и всего. Я...

Я не договариваю, так как мы неожиданно погружаемся в сумерки. Не понимая, что происходит, я поднимаю голову вверх к расщелине, воздух вокруг нас начинает гудеть. У меня душа уходит в пятки, когда вижу, как Эсминец медленно проплывает по небу.

Они нашли нас.

Мы бросаемся прочь от большого отверстия пещерной «крыши» и прижимаемся спинами к каменным стенам, стараясь слиться с ней. Эсминец закрывает собой большую часть солнечного света, работающие двигатели заставляют водную гладь вибрировать.

— Они нас видели? — шепчет Элайджа.

— Скоро узнаем, — бормочу я, глядя неотрывно на люк дирижабля. Если они поймут, что мы здесь, то люк откроется в любой момент и к нам спустится Транспортёр. Мы ждем, проходит одна мучительная секунда за другой, пока Эсминец кружит над головой. И только спустя, кажется, вечность в пещеру вновь проникает свет, и над нами опять голубое небо. Они улетели.

Я выдыхаю. Мои нервы на взводе.

— Сколько часов осталось до заката? — спрашивает Эш.

Я сверяюсь с часами:

— Шесть.

— Мы выходим, как только стемнеет, — говорит он.

Мы сидим на наших пальто, пока Элайджа заканчивает потрошить рыбу. Между нами с Эшем все еще висит напряженность. Мы еще расстроены из-за нашей ссоры. Возвращается Элайджа и предлагает мне немного рыбы, но я потеряла аппетит. Вместо того чтобы есть, я достаю из вещмешка Эша портативный экран и с тихим звуком прослушиваю последние новости, не желая привлекать внимание к нашему месту-стоянке, если вдруг Люпины все еще где-то рядом.

— Прости меня, — шепчет мне Эш.

— И ты меня, — отвечаю я.

Он обнимает меня, все обиды забыты.

Мы все втроем собираемся возле экрана. В штатах Огненные пороги и Черная река произошло несколько стычек, плюс повстанцы нанесли три удара по оружейным заводам в Галлиуме. Роуч, Жук и Дей продолжают придерживаться своего задания и отвлекают Стражей на себя, пока мы ищем «Ора», но как долго у них это будет получаться?

Наконец-то наступает ночь и пора трогаться в путь. Мы собираем наши пожитки и выходим из пещеры тем же путем, которым пришли, а потом несколько часов идем вдоль реки и натываемся на стадо отдыхающих лошадей. Я то и дело высматриваю дирижабли Стражей, но нигде их не вижу.

Эш останавливается и указывает в сторону обрыва.

— Там есть впереди тропа. Мы должны по ней идти к вершине ущелья.

В лунном свете я еле-еле умудряюсь разглядеть тропку, петляющую по скале.

— Тропинка, похоже, очень крутая, — озабочено говорю я. — Скорее всего, мы будем взбираться по ней целую ночь.

— А почему бы нам не поехать верхом? — Элайджа указывает в сторону стада животных.

— Ты же это не серьезно? — спрашивает Эш.

Элайджа ухмыляется.

— Страшно?

— Нет, — отвечает Эш, а потом добавляет себе под нос. — Удачи с тем, чтобы поймать хотя бы одну.

Я с интересом смотрю, как Элайджа крадучись приближается к одной из кобыл, орехового цвета. Лошадь встает на дыбы и громко ржет. Бастет поднимает руки.

— Тише, девочка, — говорит он, необычно гипнотическим голосом. — Я тебя не обижу.

Лошадь взволнованно бьет копытами по земле.

— Может, тебе пора уже оставить это дело, — говорю я.

Элайджа не обращает на меня ровным счетом никакого внимания и продолжает смотреть в глаза лошади. Он нежно кладет руку той на нос, и лошадь немедленно успокаивается.

— Как у тебя это получилось? — шепчу я, когда мы подходим к нему.

— У моего народа просто есть дар, — отвечает он.

Я кричу от страха, когда Элайджа, без предупреждения, поднимает меня и усаживает на лошадь, а он только смеется в ответ.

— Было не смешно, — говорю я.

— Твоя очередь, — говорит Эшу Элайджа, а его глаза при этом радостно блестят.

Эш неуклюже перебрасывает ногу через спину лошади и как-то исхитряется на неё залезть. Лошадь недовольно фыркает, но к счастью, не сбрасывает нас. Эш одной рукой обнимает меня за талию, а другой, берется за гриву. Элайджа, не тратя попусту время, усаживается верхом на другую кобылу и едет вперед. Эш понукает пятками нашу, и мы трогаемся следом.

Оказывается, ехать верхом не так страшно, как я себе представляла. На самом деле это волнительно, чувствуешь себя свободной. Ветер обдувает лицо. Я крепче прижимаю ноги к бокам животного, чтобы крепче держаться на лошадиной спине. Мы осторожно поднимаемся по конной тропе. Она шире и утопанней, чем та, которой собирались идти мы, а это хороший знак, значит, должно быть, мы неподалеку от какого-нибудь поселения.

Все время, пока мы поднимаемся, я поглядываю через плечо, ожидая увидеть, как нас преследует Эсминец, но его нигде не видно. Где же они?

Путешествовать верхом, гораздо быстрее, чем пешим ходом и потому уже через несколько часов мы оказываемся на вершине. Небо теперь сменило свой цвет с сумеречного темно-синего на ночное черное. Только луна и звезды освещают дикие пустынные равнины. Кажется, что каменистый ландшафт простирается в бесконечность, и я начинаю беспокоиться, не ошиблись ли мы, выбрав эту дорогу. Может, нам лучше было бы оставаться внизу в ущелье.

— В какую сторону нам ехать? — спрашивает Элайджа.

— Сюда, — говорит Эш, указывая в точку на горизонте прямо перед нами. — Там что-то есть. Может город.

Я же только молюсь, что бы он оказался прав, потому что, если мы окажемся посреди пустыни с восходом солнца, то долго не протянем.

Глава 20

НАТАЛИ

Я ДЕРЖУСЬ за гриву, когда мы галопом мчимся к зданию, которое увидел Эш на горизонте. Элайджа скачет рядом с нами, умело огибая валуны и кусты, торчащие из высушенной почвы, несмотря на полумрак. Он не преувеличивал, когда сказал, что обладает даром обращения с лошадьми. После нескольких миль, Эш тянет за гриву и лошадь так неожиданно останавливается, что мне приходится обхватить её руками за шею, чтобы не свалиться на землю.

— Это то, что я думаю? — спрашивает Элайджа.

— Да, — ровным голосом отвечает Эш.

Я поднимаю взгляд, чтобы понять, о чем они говорят. Впереди знакомая гряда Кармазинных гор, очертания которых хорошо выделяются на фоне ярко полной луны. Это знаменитая достопримечательность Бесплодных земель, широко известная как Вилка Дьявола, из-за их трех вершин, я уверена, что Эш не переставал любоваться ей. А потом я увидела то, что привлекло его внимание. Маленький городок у подножья горы, а рядом странного вида лесок. Я моргаю, ничего не понимая. Лес посреди пустыни? Поначалу очертания деревьев кажутся очень правильной формы, но я продолжаю разглядывать их и понимаю, что вижу высокие узкие стволы с неестественно прямыми ветвями. У меня сводит горло... это кресты. Сотни и сотни крестов.

Мы случайно наткнулись на концентрационный лагерь Бесплодных земель, место, где во время первой войны были казнены тысячи Дарклингов. Мой папа описал мне это место всего лишь раз, но это было именно тем местом. Он отвечал за отправку Дарклингов в лагерь. Это было частью государственной программы «Проект добровольной миграции», которая началась вместе с войной, и сопутствующий ужас этого проекта, свидетелем которого он стал, заставил отца в конечном итоге перебраться на сторону Дарклингов и работать на них.

Одно дело слышать про это место и совсем другое увидеть его собственными глазами. Увиденное заставило меня представить весь ужас лагеря «Десятый». Этот лагерь настолько большой, что в него можно будет посадить десятки миллионов Дарклингов, людей и Бастетов.

Эш понукает лошадь, чтобы та шагала вперед. Мы в гробовой тишине проезжаем лес из крестов. Мою кожу покрывают мурашки, но вызваны они не только холодной ночью пустыни. В этом месте не покидает ощущение, будто находишься на кладбище, наверное, так оно и есть, здесь захоронены тысячи Дарклингов. Деревянные кресты обуглены и в саже. Наверное, Дарклинги воспламенялись от неистовой жары пустыни, как Эш во время распятия. Должно быть, они безумно страдали.

Я уставилась в шею лошади, не желаю больше видеть весь этот ужас. Не могу поверить, что это все на совести моего отца. Через несколько минут копыта лошадей ударяют по камням, и я понимаю, что мы уже добрались до основного лагеря. Железные ворота открыты, что кажется мне странным, но, наверное, охране не было необходимости запираť ворота, перед тем как они покинули это место. Мы въезжаем. Лагерь располагается в тени Кармазинных гор, окруженный высоким забором с колючей проволокой, и на каждом углу забора высокие, металлические опоры с этими серебристыми шарами на них.

— Что это за звук? — спрашивает Элайджа, его уши подергиваются.

— Какой звук? — не понимаю я.

— Такой пронзительный звук, похожий на жужжание комара возле уха, — отвечает он, морщась от боли.

— Я ничего не слышу, — отвечаю я.

— Я тоже. — Эш указывает на одну из опор. — Может быть, это исходит от локаторной башни?

Ультразвуковой сигнал тревоги? Тогда понятно, почему Элайджа его слышит, а мы нет.

— Зачем бы его оставлять? Здесь же нет никого, — ворчит Элайджа.

— Они, наверное, слышали, как ты приехал, — говорит Эш, а Элайджа пристально смотрит на него.

Мы все больше углублялись в лагерь, проезжая по широкой дороге, которая напоминала главную улицу, с этими своими тротуарами и зданиями по обе стороны. Большинство зданий — дома, с парикмахерскими, ателье и чем-то похожими на маленькие магазинчики, где гвардейцы, вероятно, покупали себе товары не для всех, такие как Шайн и сигареты.

— Не этого я ожидал, — бормочет Эш, когда мы проезжаем мимо изящных трехэтажных домов выстроенных в колониальном стиле, подобных которым можно встретить в штате Плантаций. У некоторых имелись даже дворики, хотя газоны и цветы, разумеется, давно уже погибли. Выглядит это как пригородные улочки, за исключением того, что на окнах и дверях всех зданий железные решетки, а на крышах пулеметы.

— Наверное, здесь жили гвардейцы. Они бы точно не стали жить с Дарклингами, — говорю я.

На краткий миг мне становится интересно, в котором доме жил мой отец. Наслаждался ли он дорогими напитками, попивая их на своей лужайке со своими друзьями, в то время как всего в ста шагах от них Дарклингов морили голодом и пытали? Не могу представить, чтобы он был на такое способен, а вдруг я не права. Мой отец не всегда был хорошим человеком.

Сидя верхом, у меня была отличная возможность получить представление о лагере. У входа в лагерь, где мы сейчас находились, стояли жилые казармы караула, где охранники спасли и отдыхали. Где-то в пятидесяти футах от нас, проложены железнодорожные пути, поперек дороги, создавая естественный разрыв между охранниками и сердцем концентрационного лагеря, в котором были заключены в тюрьмы Дарклинги. В самом дальнем конце стоит большое серое здание. Думаю, это здание администрации или больница, где работали наемники Стражей и делали свои эксперименты над Дарклингами.

— Давайте, спрячемся в одном из домов, — предлагает Эш, указывая на дома в колониальном стиле, выкрашенные в бледно-розовый цвет. Он спешивается и подходит к дому. Эш собирается открыть входную дверь, заблокированную железной решеткой, когда...

— Стой! — кричит Элайджа. — Решетка под напряжением.

Эш отдергивает руку.

Я прислушиваюсь, и слышу слабый гул электричества. Слабый, но он есть.

— Нам придется вырубить напряжение, иначе внутрь не попасть, — говорю я.

— Может, сможем отключить этот ультразвуковой сигнал тревоги, пока мы здесь, — предполагает Элайджа.

Эш возвращается к лошади, бормоча под нос Элайдже спасибо. Мы продвигаемся вниз по улице и пересекаем проржавевшие железнодорожные пути, которые ведут в

прорубленный в горе туннель длиной футов тридцать. Вход в туннель, будто в спешке, заколочен. Я смутно припоминаю, как папа рассказывал, что они использовали этот туннель, чтобы перевозить продовольствие в лагерь из депо на другую сторону Кармазинных гор.

Когда мы пересекаем пути, то в глаза сразу же бросается, что здесь условия гораздо хуже. Здесь жили Дарклинги. Вместо трехэтажных домов сотни тюремных бараков, без окон, с бронированными дверьми. Вместо садов открытые канализационные люки и деревянные колодки, окрашенные темной кровью.

Элайджа прикрывает нос рукой, стараясь не вдыхать вонь. Несмотря на то, что лагерь пустует уже больше года, в воздухе по-прежнему стоит запах смерти и разложений. Я стараюсь не думать обо всех страданиях, что были пережиты здесь, пока мы движемся в сторону здания администрации, но невозможно не представлять, как Дарклинги, будто рыбы в консервах, были под завязку забиты в металлические бараки, и жарились там, в духоте, без пищи и надежды на спасение. Клянусь, я все еще слышу их стенания, а не ветер, шелестящий возле ушей.

— Как моей тете удалось пережить это? — недоумевает Эш.

Мы спешим, и Элайджа мягко треплет животных по носам, как-то странно разговаривая с ними, тихим голосом, пока те не укладываются на землю и не засыпают.

Мы входим в здание администрации. Внутри прохладно и умиротворенно и все выкрашено по-больничному в белый цвет, кое-где на стенах развешаны портреты Пуриана Роуза. Кабинеты по-прежнему заполнены мебелью, книгами, компьютерами... корзины для бумаг переполнены... будто чиновники встали и куда-то ушли в самый разгар рабочего дня. Может быть, так оно все и было. Я понимаю, что как только было объявлено о перемирии, они должны были немедленно распустить лагерь, но меня удивляет, что никто не очистил кабинеты. Единственные свидетельства, что здесь что-то перебирали, это сожженные бумаги в камине, которые, как я предполагаю, были самыми компрометирующими документами. Наверное, Роуз собирался поддерживать лагерь в рабочем состоянии, на случай, если тот ему снова понадобится. Он не собирался прекращать заниматься гонением Дарклингов.

— Давайте найдем трансформаторную, — говорит Эш.

Мы направляемся вниз по лестнице и оказываемся в больничном крыле. Здесь стоит очень сильный запах антисептика вперемешку с металлическим привкусом крови. Эш сглатывает, бросая на меня голодный взгляд, и я понимаю, что он изо всех сил старается справиться со своей жаждой. Мне больно от того, что я не могу помочь ему. Я не могу рисковать, не сейчас, когда подозреваю, что у меня вирус Разъяренных. Элайджа включает свет, и мы спешим вперед, увидев в конце коридора трансформаторную.

В комнате ужасно жарко, и вентилятор оглушительно жужжит. Серебристая машина в комплексе с клапанами и проводками, напоминает мне сердце. Я обхожу генератор кругом, пытаюсь разобраться, как же его отключить.

— Который? — кричу я Эшу, обнаруживая три рычага: красный, зеленый и синий.

— Вырубим все, на всякий случай, — говорит он, хватаясь за красный. Элайджа берется за зеленый, а мне достается синий. Свет во всем здании гаснет, погружая нас во тьму. Вентилятор замедляет свое вращение, и я, наконец, вновь обретаю слух.

— Странно, что они оставили электричество, учитывая, что здесь не осталось ни одного заключенного, — раздается голос Элайджи во мраке.

— Может, просто забыли вырубить. Похоже, они уходили в спешке, — отвечаю я.

Мы выходим обратно на улицу и ищем наших лошадей, но они как сквозь землю провалились.

— Черт! Где они? — спрашивает Эш.

— Должно быть их что-то спугнуло, — отвечает Элайджа.

— Давайте не будем выяснять, что это было, — говорит Эш.

Мы бежим обратно к колониальным домам и скорее-скорее забираемся внутрь первого же. В доме холодно и воняет гнилью, но все же это лучше, чем находиться снаружи в беспощадной пустыне. Элайджа без спроса занимает хозяйскую спальню, оставляя нам с Эшем меньшую комнату. Эш умывается, пока я расстилаю нам с ним постель. Мы, не раздеваясь, забираемся в кровать, и прижимаемся друг к другу под одеялом. Где-то вдали на луну воеет дикая собака, и я еще сильнее жмусь к Эшу.

Он рисует кончиками пальцев круги на тыльной стороне моей руки. Но это едва ощутимое прикосновение, заставляет меня испытывать боль за него. Эш приподнимается на локтях, так что его лицо оказывается всего в дюймах от моего.

— Знаешь, а тебе на удивление идет мальчишеская одежда, — говорит он, расстегивая мою куртку. — Но я предпочитаю тебя без неё.

— Полегче, красавчик, — говорю я, останавливая его.

— Ну, ты не можешь винить парня за попытку, — отвечает он.

Он улыбается, и остатки моего сопротивления таят. Я привлекаю его ближе к себе. Его поцелуй такой легкий, медленный и нежный. Идеальный. На этот раз я не препятствую ему, когда он расстегивает мою куртку, а под ней и мою рубашку, или когда его пальцы стягивают бандаж с моей груди. Ткань ослабевает и я снова девушка. Эш опускает голову, и его волосы щекочут мне обнаженную кожу, когда он легкими поцелуями покрывает мое тело. Я вздыхаю, мои пальцы вцепляются в матрац, и на мгновение, я забываю, где нахожусь, забываю, что возможно больна. А потом меня пронзает:

Ты можешь его заразить... Ты можешь его убить... Не рискуй... Остановись... Прекрати....

— Стой, — говорю я, грубо его отталкивая.

Я знаю, что мы недавно занимались любовью, но это было до того, как я стала подозревать, что могу быть больна вирусом Разъяренных. Не знаю, передается ли он половым путем, но рисковать мне не хочется. Я внимательно вглядываюсь в его покрасневшее лицо в поисках признаков вируса, но никаких язв на коже, ни желтизны в глазах. Если бы он заразился, то симптомы уже бы проявили себя, как это было с другими Дарклингами в Блэк Сити. Думаю, на меня вирус действует по-другому, потому что я человек — если отталкиваться от того, что я заражена. Эш садится на край кровати, потирая шею, как он обычно делает, когда сильно взволнован.

— Извини, я не так тебя понял похоже, — бормочет он.

Я тянусь к нему, чтобы успокоить его, сказать, как сильно люблю его, но отдергиваю её. Какое оправдание я могу придумать? Чем объяснить, что оттолкнула его? Я не хочу высказывать ему свои опасения, не будучи уверенной больна я или нет. Нет смысла волноваться ему без надобности. Однако есть способ узнать. Я могу провести анализ своей крови в лаборатории, что здесь видела. Тогда я буду знать наверняка.

— Я просто устала, день был длинный, — говорю я, одергивая рубашку.

Он кивает и сбрасывает свои ботинки, и ни слова не говоря, забирается в кровать.

— Я первая посторожу, — говорю я.

— Спасибо.

— Я люблю тебя, Эш, — говорю я тихонько.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает он и поворачивается ко мне спиной.

Я дожидаюсь, пока он уснет, и соскальзываю с постели. Я прокрадываюсь в коридор и прохожу мимо комнаты Элайджи. Его дверь чуть приоткрыта. Он сидит на подоконнике и перечитывает письмо Люсинды. Должно быть, он очень переживает за свою мать. Почувствовав меня, он отрывает взгляд от письма.

— Натали? — удивляется он.

Я спешу прочь, пока он не пошел за мной. Я выхожу на улицу, смотрю на кованые железом ворота, которые выходят напрямиком на поле с распятыми. По лесу из крестов ползут тени, будто хотят подкрасться ко мне, но я знаю, что это всего лишь обман зрения. И все равно, мне не по себе. Мне кажется, что это души миллионов замученных до смерти Дарклингов, которые так и не нашли успокоения.

Я иду напрямиком в больничное крыло здания администрации, используя только лунный свет в поисках лаборатории с микроскопом. Потом ищу скальпель и несколько предметных стекол. У меня возникает ощущение, будто я в лаборатории у себя дома. В школе я преуспевала именно по естественным наукам. Я даже участвовала в программе ускоренного курса, которую внедряли Стражи, и провела какое-то время, занимаясь с доктором Крейвенем в Блэк Сити. Он демонстрировал мне штаммы вируса Разъяренных, так что я знаю какие они.

Я надрезаю палец и капаю кровью на предметное стеклышко. Я размазываю её другим стеклышком, как учил меня доктор Крейвен, и помещаю свой образец под линзы микроскопа, затем включаю подсветку образца. Капсида вируса С18 достаточно большая, чтобы её можно было разглядеть под оптическим микроскопом, так что, если я больна, то обнаружу это. Я делаю глубокий вдох, а потом подношу глаз к окуляру.

Пожалуйста, пусть я ничего не найду, пожалуйста, пожалуйста...

Я кручу ручки, настраивая фокус, и теперь могу разглядеть клетки.

Я вижу все, что ожидаю увидеть: эритроциты, лейкоциты, тромбоциты. Но помимо них я вижу еще кое-что. На фоне красных телец безошибочно выявляется колючая вириона вируса С-18.

Я резко отстраняюсь и, закрыв рот рукой, заглушаю крик. У меня подгибаются колени, и я падаю на холодный пол. Я прижимаю колени к груди и сижу так минут десять, пока правда медленно доходит до моего сознания.

У меня вирус Разъяренных.

Я закрываю лицо руками и испускаю вопль отчаяния. Я больна, и большая вероятность того, что я умру. О Боже. У меня сводит живот, и меня выворачивает в ближайший мусорный контейнер. Не сильно. Последние дни я практически не ела. Потом я прислоняюсь к столу, меня трясет. Как мне рассказать об это Эшу? Это убьет его.

Думай, Натали. Ты же в лаборатории. Именно в таких Стражи создавали вирус Разъяренных, возможно есть и противовирус. Я заставляю себя подняться и начинаю рыскать по лаборатории. Я открываю шкафчики для хранения документов, роюсь в бумагах, пытаюсь найти хоть что-нибудь, имеющее отношение к вирусу С18. Ученые стражей должны были оставить файлы со своими исследованиями, и может мне повезет. Я найду какие-нибудь зацепки возможного лечения. Я не верю, что те, кто разработали смертельно опасный вирус, не создали так же излечивающую вакцину, на случай, если болезнь

перекинется на людей. Разумеется, они должны были предусмотреть и такую возможность.

Я не имею ни малейшего представления, каким образом вирус будет прогрессировать. Очевидно, что он будет действовать на меня совершенно не так, как на Дарклингов, ведь первые симптомы проявились спустя почти два месяца. Я думаю обо всех тех детях, которые пробовали «Золотой Дурман» (о тех, которые не сразу умерли от него) и мне интересно заражены ли они. Отчетов о заболевании людей вирусом Разъяренных никаких не поступало, но возможно, пока не было никаких проявлений симптомов вируса.

Я сижу на полу, скрестив ноги, и пробегаю глазами все документы, что удалось найти. Я бросаю на пол папку за папкой. Тупик за тупиком. Моя надежда слабеет. Неожиданно мое внимание привлекает одна папка с ярко красной бабочкой на обложке, похожую я видела на ящиках в Песчаной Лощине. Я просматриваю документы. Оказывается, это лабораторный отчет о чем-то под названием хризалида.^[2] В этой папке не встречается никаких упоминаний о вирусе С18, но мне любопытно, что же это может быть — зная Стражей, это не может быть ничем хорошим. Я вырываю первую страницу и запихиваю его в карман штанов, чтобы прочесть попозже.

В остальных документах упоминается про другие садистские эксперименты, которые были проделаны над Дарклингами. Вообще-то, я бы не назвала это экспериментами — это мерзкие пытки, проводимые мужчинами и женщинами, которые присягали помогать. Совершенно расстроившись, я бросаю документы и случайно попадаю Элайдже по ноге, когда он входит в помещение.

— А я-то гадал, куда ты пропала, — говорит он. — Заглянул в комнату к вам с Эшем, а тебя там не оказалось. Я начал беспокоиться.

Я широко распахиваю глаза, надеясь, что он не поймет, что я плакала.

— Извини.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он.

Я поднимаюсь.

— Просто ищу, что бы почитать перед сном.

Он берет документы в руки.

— Мда, ничего себе у тебя чтение на ночь.

Я пожимаю плечами, заправляя локон за ухо.

— А что ты здесь на самом деле делала? — настаивает он.

Я смотрю в обеспокоенные золотые глаза. Этим же взглядом он наградил меня, после того, как мы нашли Полли. Мы разделили с ним весь тот ужас. Он тогда очень меня поддержал, и сейчас я очень нуждаюсь в утешении. Я могла бы пойти к Эшу, но у меня не хватит сил справиться с последствиями того, что мне пришлось бы ему рассказать. Все, что мне сейчас нужно, это тот, кто выслушает меня, кто позволит мне быть эгоистичной, позволит мне выплакаться, и побыть той, кто я есть, не задумываясь над тем, что могу кого-то ранить новостью о своей болезни.

— Я заражена вирусом Разъяренных, — выдаю я. Я показываю ему след от укуса на своей ноге и объясняю, как получила его. - С тех пор мне нездоровится, но я не складывала два и два, пока не увидела свои глаза.

Я снова начинаю плакать, и Элайджа обнимает меня, прижимая к себе. Он пахнет сандаловым деревом и землей. Его волосы щекочут мне щеку, его полные губы шепчут на ухо утешения. Я позволяю себе все глубже и глубже погрузиться в его объятия, нуждаясь в его утешении. Элайджа слегка напрягается, но не отпускает меня.

— Что ты скажешь Эшу? — спрашивает он.

— Ничего. По крайней мере, пока. Это его убьет, — шепчу я.

— Ты не можешь держать это в тайне от него. Ему нужно знать, — говорит Элайджа.
Я мотаю головой.

— Это разобьет ему сердце.

— Натали...

— Мне просто нужно время, — говорю я. — Ты ему ничего не расскажешь. Пообещай.

Элайджа поднимает указательным пальцем мой подбородок, так, чтобы я могла заглянуть ему в лицо. Бледный лунный свет освещает его бронзовую кожу, подчеркивая коричневые отметины на скулах. У его взъерошенных волос почти фиолетовый оттенок при таком освещении, и они неопрятными волнами ниспадают ему на плечи.

— Обещаю, — говорит он.

Какое-то движение привлекает мое внимание. Я отталкиваю Элайджу и смотрю на дверь, но ничего.

— Что такое? — спрашивает он.

— Мне показалось, я что-то видела, — говорю я. — Может быть это ерунда, но, думаю, мы должны все проверить.

— Хорошо. — Он берет меня за руку. — С тобой все будет в порядке?

— Нет, — признаюсь я.

— Не переживай, красавица. Мы найдем лекарство.

— Надеюсь, — говорю я. А если нет, то скоро я умру.

КОГДА Я СТРЕМГЛАВ вылетаю из здания администрации, холодный воздух ударяет мне в лицо. Я пытаюсь вздохнуть, перевести дыхание, но грудь сжимает боль, а в горле стоит ком. Я ничего не могу поделать, и обессилено падаю на колени. Мир вокруг меня только что рассыпался на мелкие осколки. Два вещмешка: мой и Натали, что я нес на плечах свалились на землю. Я прихватил их с собой, на случай, если нам придется немедленно убираться отсюда.

Натали и Элайджа...

Я не могу выкинуть этих двоих из головы — его рука на её лице, её руки обнимают его.

Что ты скажешь Эшу?

Ничего. По крайней мере, пока. Это его убьет.

Ты не можешь держать это в тайне от него. Он должен знать.

Это разобьет ему сердце... Ты ничего ему не расскажешь. Пообещай.

Обещаю.

Я не хочу, чтобы это было правдой, но доказательства говорят об обратном.

Натали мне изменяет.

А какое еще может быть этому объяснение? Вот, почему она оттолкнула меня? Она не могла позволить мне прикоснуться к ней, когда Элайджа был в соседней комнате. Все же не понимаю. Когда они успели сойтись? Они же всего несколько дней как знакомы. Но это ведь не так, да? Впервые они встретились несколько месяцев назад, когда его держали в заточении в лаборатории у неё дома. Тогда много, что могло произойти, может не только у меня возникло такое сильное влечение к Натали? Ты моя Кровная половинка — это другое... Ведь так. Люди постоянно влюбляются друг в друга, и Кровные половинки не исключение. Я думаю о том, как девушки поглядывали на него, и как он флиртовал с Натали, и понимаю, что нет ничего удивительного в том, что она заинтересовалась им.

Я так погрузился в свои мысли, что сразу же не заметил сладковатого привкуса крови. Когда же я услышал его, то мои волосы зашевелились. Я подбираю вещмешки и следую за запахом вниз, в сторону здания администрации. Одна из кобыл лежит на земле, у неё вспорото брюхо. И внезапно до меня доходит, зачем был нужен ультразвуковой сигнал. Он был нужен не для того, чтобы удерживать людей в лагере, а для того, чтобы кого-то держать подальше отсюда.

За углом распаивается дверь, и раздаются шаги Натали и Элайджи. Они идут обратно в колониальный дом. Они не осознают, что теперь они добыча. Все мы. Я бегу обратно, чтобы предупредить их. Неважно, насколько паршиво я себя чувствую, будучи преданным, я не могу позволить, чтобы с Натали случилось что-нибудь страшное.

— Эш, я думала, ты спишь, — говорит Натали, бросая обеспокоенный взгляд на Элайджу.

У меня закипает кровь, когда я перевожу взгляд на Элайджу. Ничего мне так не хотелось в данный момент, как разорвать ему горло.

— Мы должны вернуться внутрь, неме...

У меня за спиной раздается низкий рык, и я медленно поворачиваюсь. Из сумрака выходит тень, очертания которой ясно вырисовываются в лунном свете. Шакал. Хотя он не

похож на дикого пса, которого мне доводилось уже прежде видеть. Он в два раза здоровее, с оскаленных клыков капает слюна, гниющая плоть и страшные желтые глаза. Шакал скалится и делает шаг к нам.

— Натали, беги, — спокойно произношу я. — Сейчас же.

— Не могу, — шепчет она.

Я бросаю взгляд себе через плечо. Нас окружило еще пять псов.

— Отступаем в здание, — говорю я, не отрывая взгляда от псов.

Мы осторожно ступаем, отходя к зданию администрации. Псы делают еще шаг. Мы уже у двери. Элайджа пытается нащупать в темноте дверную ручку.

— Быстрее, — говорю я себе под нос.

— Пытаюсь, — говорит он.

Вожак стаи изучает меня голодными глазами. Они подбираются ближе.

— Элайджа, сейчас в самый раз, — говорю я.

Вожак стаи взывает, и шакалы бросаются к нам.

— Элайджа! — восклицает Натали.

Ручка цокает, и мы вваливаемся в открывшуюся дверь. Я пинком её захлопываю, как раз перед мордами псов. Они ломятся внутрь, пытаюсь вышибить дверь. Я поднимаюсь на ноги и запираю дверь на засов. Животные с другой стороны воют и рычат, их когти клацают по древесине, пытаюсь попасть внутрь.

— Видела их глаза? — спрашивает Элайджа.

— Они заражены... они превратились в некий вид Разъяренных псов что ли, — подтверждаю я опасения Элайджи. — Должно быть, они съели зараженное мясо Дарклингов.

Это единственное объяснение, которое мне приходит на ум, хотя и не могу понять, как вирус может передаваться другим видам. Но сейчас меня в последнюю очередь волнует как, да почему. Один из Разъяренных псов в очередной раз набросился на дверь.

— Они покусали тебя? Ты пострадал? — Натали протягивает ко мне руку, но я резко отстраняюсь, будто от зажженного факела. Как она может вести себя так, будто я ей не безразличен, после всего того, что я видел?

Она хмурится.

— Эш?

— Я в порядке, — говорю я. — Нам нужно выбраться на крышу, пока до них не дошло, как попасть внутрь.

— Я врублю напряжение. Встретимся наверху, — говорит Элайджа, убегая, прежде чем мы успеваем его остановить.

Мы с Натали бросаемся в противоположную сторону в поисках лестницы. Мы находим её одновременно со звуком бьющегося стекла. Разъяренные псы нашли другой путь внутрь. Натали хватает меня за руку и останавливает.

— Мы не можем бросить Элайджу, — говорит она.

— Забудь о нем, — огрызаюсь я, и продолжаю тянуть её вверх по лестнице.

— Эш, что на тебя нашло?

Она смотрит на меня своими красивыми синими глазами, которые полны переживания за Элайджу. Мое сердце разрывается от боли.

— Это тебя осчастливит? — тихо спрашиваю я.

На её лице мелькает замешательство.

— Да. Я не хочу, чтобы он пострадал.

Её слова рвут на части мою душу, но как бы расстроен я не был, сделаю для неё все, что угодно — даже спасу парня, с которым она мне изменяет.

Я высвобождаюсь от её руки и сгружаю на неё наши вещмешки.

— Ладно, я схожу за ним, — говорю я. — А ты иди на крышу.

Не дожидаясь её ответа, я бросаюсь на поиски Элайджи вниз по лестнице. Я пробегаю мимо кабинета с разбитым окном. Должно быть, один из псов бросился на стекло, чтобы его разбить, потому что на полу остались капли смердящей крови. Эта вонь ведет меня в трансформаторную.

В трансформаторной жарко и чертовски темно, и я рад, что у меня ночное зрение. Я замечаю движение пяти темных фигур в проходах, подкрадывающихся к Элайдже, который стоит в самом конце помещения и ищет рубильники, чтобы включить напряжение.

С мгновение я обдумываю оставить Элайджу один на один с шакалами, но немедленно отбрасываю эту мысль и оглядываюсь в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием. В обычной ситуации я бы использовал свои клыки, но сейчас не хочу рисковать — ведь я могу заразиться. Я сдергиваю какие-то стальные трубки со стены и быстро двигаюсь за шакалами, пока они заняты охотой на Элайджу.

Он находит один из рубильников и тянет его на место, возвращая к работе вентилятор трансформатора. Этот звук заставляет Разъяренных псов задрожать, и они взывают. Их вой эхом разносится по трансформаторной, от чего становится трудно обнаружить их источник. Элайджа ищет его, но не находит. На его лице отражается страх. У Бастетов отличный слух, но они не отличаются таким же хорошим зрением, как Дарклинги.

Разъяренный пес заходит сзади, готовый вот-вот наброситься на Элайджу.

— За тобой! — выкрикиваю я во тьму.

Он поворачивается как раз в то мгновение, когда пес прыгает на него. Элайджа отбивается от него одним быстрым движением, ударяя пса в шею.

— На три часа! — кричу я, когда другой пес бросается к нему.

Зверь прыгает на него, и они вдвоем валятся на пол. Элайджа хватает псину за горло, удерживая его скрежещущие зубы на расстоянии от своего лица. Я бросаюсь к ним. Я замахваюсь стальной трубкой и ударяю зверя по черепу. Пес скатывается с Элайджи, и я помогаю Бастету подняться.

— Остались еще трое, — говорю я ему, внимательно просматривая помещение. — Я отвлеку их, а ты вруби электричество.

Элайджа бежит к генератору, в то время как два Разъяренных пса бросаются к нам. С их клыков стекает слюна. Я бью одного из них, и стальная балка легко разрывает прогнившую плоть. Из раны Разъяренного брызжет кровь. Второй шакал разворачивается к павшему товарищу и начинает рвать его тело, охваченный лихорадкой кровожадности.

Элайджа наконец-то находит второй рубильник и повсюду загорается свет.

— Эш! — зовет он меня, когда на меня прыгает последний Разъяренный пес.

У меня нет времени заблокировать удар и пес сбивает меня с ног. Железяка закатывается под генератор. Морда Разъяренного пса всего в дюймах от моего лица. Я изо всех сил стараюсь оттащить зверя с этими его смертоносными клыками подальше от себя, но сквозь мои пальцы просачивается гниющая плоть.

— Помоги мне! — кричу я.

Мои руки начинают дрожать от усилий. Долго мне так не продержаться.

— Элайджа! — кричу я в панике.

Раздается щелчок, когда поднят еще один рубильник, и Разъяренный пес тут же сползает с меня, и начинает, скуля, биться на полу в агонии. Я ничего не слышу, но должно быть это действие вновь включенного ультразвука. Надо мной нависает тень. Элайджа.

— Живой? — спрашивает он.

Я поднимаюсь на ноги.

— Еще бы чуть-чуть и... — говорит он ухмыляясь. — Я думал, мы были...

Я ударяю Элайджу кулаком в лицо.

У него из носа брызжет кровь и он кричит от боли. Костяшки моих пальцев отдают болью, и я уверен, что на несколько дней мне обеспечены синяк на руке, но оно того стоило.

— За что? — спрашивает он, приложив руки к лицу, сквозь пальцы которых сочится кровь.

— Ты знаешь за что, — рычу я, прижимая его к трансформатору. — Оставь её в покое. Она моя.

— Что? — не понимает он.

Я не утруждаю себя ответом. Мне не интересно слушать его извинения. Я подбираю железную трубку и добиваю двух оставшихся Разъяренных псов, представляя, что разбиваю череп Элайдже.

— Думаю, они мертвы, — говорит он, прикладывая к носу рукав.

Я делаю глубокий вдох, стараясь успокоиться. Мы изучаем последствие схватки с псами.

— А разве снаружи было не шесть псов? — спрашивает Элайджа.

Он прав, здесь только пятеро, что может означать только одно.

— Натали! — говорим мы в унисон.

Мы выбегаем из трансформаторной, бежим по коридорам и вверх по лестницам. Мое сердце бешено колотится. *Пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке, пожалуйста, пожалуйста.* Мы врываемся на крышу. Снаружи неестественная чернота, что-то закрывает лунный свет. Сначала я не вижу Натали, но потом замечаю лежащий на плоской крыше силуэт. Мне в нос ударяет запах крови.

Ночь снова тиха. Я замираю. Элайджа бросается к силуэту.

— Это собака, всего лишь собака! — говорит он.

Я с облегчением вздыхаю.

— Натали? — зову я.

— Тише, — шепчет она, выходя из-за трубы. Она указывает наверх.

Мы все обращаем лица к небу. Сначала я не понимаю, что она имеет в виду, а потом до меня доходит, что же закрывает лунный свет. У меня стынет в жилах кровь.

Эсминец.

Глава 22

НАТАЛИ

— ОН ПОЯВИЛСЯ всего несколько минут назад, — шепчу я. — Не думаю, что нас уже успели засесть.

Внизу, в центре барачного поселка, на земле корчатся два Люпина.

— Гаррик и Саша? — шепчет мне Эш.

Я киваю.

— Они рухнули на землю где-то с минуту назад и забились в агонии. Я не понимаю, что с ними случилось.

— Мы как раз врубили ультразвуковой щиток, — отвечает Эш. — Похоже, он действует на всех псин.

— Как же нам отсюда выбраться? — спрашивает Элайджа. Я замечаю, что его нос немного опух. Должно быть, ему хорошенько досталось в стычке с шакалами.

Я указываю на Кармазинные горы, которые находятся слева от нас в нескольких сотнях футах. Когда мы входили в лагерь, то я заметила у основания горы заколоченный железнодорожный туннель.

— Думаю, что Стражи использовали туннель для снабжения лагерь продовольствием, — говорю я. — Он должен вывести нас к депо.

— Пошли скорей, пока до них не дошло, что с Гарриком и Сашей что-то не так, — говорит Эш.

Он забирает у меня свой вещмешок, а мне оставляет мой. Когда он поднимается на ноги, то старается не смотреть в мою сторону. Мы ныряем обратно в здание администрации. Я протягиваю руку к Эшу, но он, будто не замечает её. Я опускаю её. Он из-за чего-то злится на меня? Ну, конечно же, он расстроился из-за того, что я его оттолкнула. Эшу это не понравилось. У меня щемит сердце от угрызений совести. А может он подслушал наш разговор с Элайджей? Но если это так, то это не объясняет того, почему он злится на меня. Если только... если только он не злится. Возможно, таким образом, он отталкивает меня? Прежде я никогда не думала о такой возможности, мне казалось, что эта новость раздавит его, но он не будет испытывать ко мне отвращение. Я чувствую себя униженной. Мои щеки пылают от бушующих во мне эмоций.

Эш подбирается к входной открытой двери и выглядывает на улицу, как раз тогда, когда по земле шарит луч дирижабля. Он быстро захлопывает дверь. Синий луч светит в пыльные окна, заполняя коридоры жутковатым свечением. Мы приседаем на корточки, пока прожектор сканирует здание: раз, второй, прежде чем двигаемся дальше.

— Вперед, — говорит Эш, открывая дверь.

Мы выбегаем на улицу и тут же прячемся между бараками. Они служат не очень-то хорошим прикрытием, и если прожектор будет направлен сюда, то нас немедленно обнаружат. Эш принимает лидерство на себя, когда мы бросаемся от здания к зданию. Свет резко переправляется в нашу сторону, и мы прилипаем спинами к стене. Я закрываю глаза и молюсь. Свет проходит мимо, не заметив нас. Моя кровь кипит от адреналина, пульс ускорен. Видимо, почувствовав, что я в панике Эш берет меня за руку, и мое сердцебиение чуть успокаивается. Его прикосновение значит больше, чем он себе может представить. Может до этого он просто не заметил моей руки, потому и не взял её?

Мы бежим к туннелю рука об руку, Элайджа не отстает. Луч прожектора замирает, фокусируясь на чем-то в центре барачного городка: это обнаружили Гаррика и Сашу. У нас есть самое большое несколько минут, прежде чем за ними спустится Транспортёр, и гвардейцы Стражей наводнят лагерь. Хотя, я не понимаю, почему гвардейцы сразу же не спустились вместе с Люпинами. В их действиях не наблюдается особого смысла, но кто станет возражать против небольшого везения.

И вот мы, наконец, оказываемся у туннеля, и Эш с Элайджей принимаются отдиирать приколоченные доски, закрывающие вход. Над нами в Эсминце открывается люк, и ночное небо разрезают какие-то металлические полосы. Транспортёр.

Я помогаю Эшу и Элайдже с досками, дергая их изо всех сил, не обращая внимания на занозы, впивающиеся мне в ладони.

Транспортёр спускается все ниже, поднимая вверх пыль от земли.

— Скорей! — восклицает Элайджа, отдергивая очередную перекладину.

Он срывает еще одну деревяшку, что делает отверстие достаточно большим, чтобы мы смогли в него пролезть. Мы с Эшем запикиваем внутрь свои вещмешки, а затем все трое залезаем в туннель, бросаясь в рассыпную, как только свет прожекторов заполняет пещеру. Мы не пытаемся выяснять, засекли нас или нет, а бежим скорее вглубь черноты туннеля. Мне никогда не доводилось сталкиваться прежде с такой крошечной тьмой — я будто ослепла. Мои ноги то и дело спотыкаются о шпалы. Я провожу рукой по каменной стене, пока мои пальцы не обнаруживают холодные железные перила, в четырех футах от земли, и повисаю на них, стараясь перевести дух и обуздать свой страх.

Раздается громкое урчание, и мне поначалу страшно, что в пещере что-то есть. А потом Элайджа издает короткий смешок.

— Что у тебя с животом, Дарклинг? — шепчет он мне в ответ.

— Я не ел несколько дней, — отвечает Эш, сквозь стиснутые зубы. Он на мгновение прислоняется к стене, и у него опять урчит желудок. И снова, как бы мне хотелось хоть чем-нибудь ему помочь.

— Ты в порядке? — спрашиваю я его.

- Буду в порядке. — Он, пошатываясь, идет в непроглядную тьму.

Я слышу, как где-то в глубине пищат летучие мыши и молюсь только лишь о том, чтобы те тоже не были заражены вирусом Разъяренных. Мне не справиться за одну ночь и с псами, поедающими людей, и плотоядными летучими мышами. Мои глаза потихоньку привыкают к темноте, конечно, я не могу четко все разглядеть, но и этого достаточно, чтобы различить, где находятся стены, а где пустота. Но даже при этом, я крепко держусь за холодный поручень, следуя за Эшем.

У меня возникает ощущение, что он все-таки не знает о том, что я больна. По тому, как он ведет себя. Разумеется, он переживает за меня, учитывая ситуацию, в которой мы находимся, но не больше. Он вовсе не выглядит так: *моя невеста в скором времени умрет от ужасного вируса*. Думаю, что все-таки он не слышал наш разговор с Элайджей. А если бы слышал, то наверняка уже как-нибудь дал знать об этом.

С одной стороны мне становится легче — на какое-то время это избавит нас от страданий, пока я не найду в себе силы рассказать ему обо всем. Но в конечном итоге, я должна буду это сделать, чего мне совсем не хочется. Ведь я понимаю, как только эти слова сорвутся с моих губ — это будет означать конец нашим отношениям. Мне придется оставить его и не только ради его собственной безопасности, а потому что так будет нужно. Я не могу

позволить ему наблюдать за тем, как я мое тело будет гнить и умирать, как это было с его мамой. Я вздрагиваю при мысли, что потеряю его, и Эш втягивает воздух, чувствуя мою боль. Единственная проблема Кровных половинок заключается в том, что каждый раз, когда у меня болит сердце, Эш тоже это чувствует. Он поглядывает через плечо, его глаза полны переживания за меня.

Мы идем по темному туннелю на протяжении нескольких часов, и я понимаю, что если в ближайшее время мы отсюда не выберемся, то сойду с ума. Хорошо, что нас никто не преследует. Иначе мы бы уже это поняли.

— Интересно, как дела у остальных сейчас, — говорит Элайджа.

Эш останавливается и копается в своем вещмешке, а потом что-то вынимает из него.

— Совсем забыл про это, извините, — говорит он. Он щелкает выключателем, и свет от загоревшегося портативного экрана заполняет туннель. У меня режет глаза от перемены освещения, но я рада, что снова могу видеть. Мы слушаем последние новостные отчеты, в то время как Эш использует экран в качестве фонарика.

Больше часа я слушаю новость за новостью о членах организации «Люди за Единство», которых схватили и казнили. Как Стражи ударили по группировкам повстанцев в Огненных порогах, Красной зиме, Литии и список продолжается. Я быстро прикидываю в уме, выходит более двух сотен человек, убитых. Цифра более чем шокирующая, учитывая, что Пуриан Роуз объявил нам войну всего несколько дней назад. Если так и будет продолжаться, то восстание продержится недолго. Я смотрю на Эша. Его лицо освещено портативным экраном. Губы сжаты в угрюмую полоску. Он думает о том же, о чем и я: мы должны найти «Ора» и быстро.

— Мы можем сделать привал? — спрашивает Элайджа. — У меня ноги отваливаются.

Мне не хочется навечно застрять в туннеле, но я вспотела от усталости, и понимаю, что и Эш долго не продержится, видя, как он держится за живот. Мы находим нишу в стене туннеля и усаживаемся в неё, подстелив наши пальто. Эш кладет экран между нами на землю, деля, таким образом, свет на всех.

— Я собираюсь воспользоваться дамской комнатой, — говорю я, спеша вниз по туннелю, пока не нахожу еще одно углубление в стене. Там намного темнее, без света цифрового экрана, и я стараюсь как можно быстрее убраться оттуда, напуганная мыслью о крысах, тараканах и, бог знает, что еще там может водиться во мраке.

Потом я мчусь обратно к Эшу и Элайдже, и в спешке спотыкаюсь о железнодорожную опору. Я падаю и разбиваю о сломанную шпалу ладони и руки в кровь. Морщась, я переползаю в сидячее положение и осматриваю свои раны. У меня из руки торчит большая щепка. Я закусываю губу и выдергиваю её из руки. Кровь сочится из раны, я осторожно поднимаюсь на ноги, держа руку вверх.

— Эш? Элайджа? — окликаю я. Я не вижу их. — Я поранилась. Я...

В темноте раздается ужасный рык, который эхом разносится по туннель. От страха у меня душа уходит в пятки. Что-то бросается на меня да с такой силой, что вышибает из меня весь воздух из легких. Я не могу даже закричать, когда существо запрокидывает мне голову, чтобы добраться до моей шеи. Все о чем я думаю — это Разъяренные псы. Но потом я замечаю рубашку, слышу запах костров и мускуса, ощущаю кожей горячее дыхание Эша. Мое сердце сжимается от страха, за себя, за него.

— Нет! — вскрикиваю я, когда его клыки дотрагиваются до моей кожи.

Неожиданно его тело больше не прижимает меня к земле. Раздается удар костей о камень, когда Элайджа отбрасывает Эша к стене. У меня из раны бежит кровь и Эш рычит и

вновь бросается на меня, но Элайджа обхватывает Эша рукой за горло и оттаскивает его от меня. Эш упирается, цепляясь ногами за землю, борясь с Элайджей, но Бастет слишком силен. Эш начинает выбиваться из сил, пока, наконец, не прекращает сопротивляться и его кровожадность сходит на нет. Но даже тогда Элайджа не отпускает его.

Я притрагиваюсь к шее и вздыхаю с облегчением, понимая, что Эш не прокусил мою кожу.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Элайджа.

— Да, — говорю я, хотя дрожание моего голоса выдает меня с головой. Эш напал на меня. Как я могу быть в порядке? Я знаю, что Дарклинги пьют человеческую кровь, но это впервые, когда он решился выпить моей крови, словно я добыча.

— Он голоден, а запах твоей крови сводит его с ума, — тихо говорит Элайджа, когда я подбираюсь поближе к нему. — Он сам не ведает, что творит. Возможно, тебе лучше бы перевязать руку.

Я возвращаюсь к нише и нахожу в мешке Эша его черный головной платок. Я обматываю им руку, повязка так себе, но она приостанавливает кровь и, похоже, Эш слегка приходит в чувства. Я усаживаюсь на наш настил. Меня все еще трясет.

— Мне жаль, — удаётся выговорить Эшу.

— Я все понимаю. Ничего страшного, — успокаиваю я его, а потом поворачиваюсь к Элайдже. — Нам нужно накормить его. Я вроде слышала тут летучих мышей. Может быть, нам удастся поймать одну из них...?

Элайджа мотает головой.

— Даже, если мы её поймаем, он ей одной не насытится.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Мои глаза жгут слезы, и я смахиваю их, ненавидя себя за то, что не могу помочь парню, которого люблю. Вирус убьет не только меня, он убьет и его. Элайджа, не говоря ни слова, прокусывает запястье и подносит руку, из ран которой сочится кровь, к Эшу.

— Лучше умереть, — сплевывает Эш.

— Ты умрешь, если не поешь, — отвечает Элайджа.

— А твоя кровь не убьет его? — спрашиваю я.

— Нет. Для Дарклингов токсичен только яд Бастетов, а наша кровь наоборот, может предать им сил, — говорит он.

Я поворачиваюсь к Эшу и умоляюще прошу его:

— Пожалуйста, попей Эш. Ради меня?

Эш на мгновение закрывает глаза, а потом берет за руку Элайджи. Он прижимает губы к ранкам и начинает пить, сначала потихоньку, а потом все с большей жадностью. Из его горла раздаётся стон и он ближе подносит руку Элайджи. Элайджа слегка покачивается, но не вырывается. Кровь стекает по губам Эша и капает на землю. Он пропускает пальцы сквозь волосы Элайджи и оттягивает его голову в сторону, а потом впивается ему в шею. С губ Элайджи срывается вздох, когда в его кровь проникает Дурман. Он повисает на Эше, а его дыхание становится прерывистым.

— Хватит, — говорю я, спустя минуту, когда понимаю, что Элайдже больше не выдержать.

— Нет, — рычит Эш, его губы малиново-красные. — Еще.

— Отпусти его, — твердо говорю я.

Он отпускает Элайджу и тот падает спиной к стене, одурманенный и истощенный. Но

жажда Эша никуда не делась, его глаза по-прежнему дикие и голодные. Прямо как глаза у Разъяренного, который убил моего отца. Он замечает страх на моем лице и будто в нем срабатывает выключатель, внутренний зверь снова приручен. Эш вытирает рот и ему каким-то образом подняться на ноги. Он что-то бормочет о том, что ему нужно отлучиться в уборную и идет вглубь туннеля, хотя я понимаю, что он просто стремится убраться подальше от меня.

Когда Эш уходит, я склоняюсь к Элайдже, чтобы прощупать его пульс. Он замедленный, но ровный.

— У тебя все в порядке? — спрашиваю я, отрывая еще одну полоску ткани от черного платка Эша и обматывая её вокруг кровоточащей руки Элайджи.

— Все искрится, — говорит он мечтательно.

— Это Дурман. Тебе от него весело, — отвечаю я. И это еще мягко сказано. Помниться, как-то Эш тоже накачал меня им — эйфория и видения были очень насыщенными. Я даже сейчас немного завидую Элайдже. Мне бы тоже хотелось получить немного счастья, даже, если оно вызвано химической реакцией. На меня давят боль от утраты сестры и моя болезнь.

Я расстегиваю рубашку Элайджи с тем, чтобы стереть сворачивающуюся кровь с его шеи и груди. Элайджа тихонько урчит, наслаждаясь моими прикосновениями, когда я провожу клочком ткани по его загорелым мышцам. Я стараюсь не обращать на это внимания, зная, что сейчас он под Дурманом и ничего не может с собой поделать. Однако у меня возникает чувство, что это нехорошо, что я обтираю его, когда мой жених находится совсем рядом.

— Спасибо, что помог Эшу, — тихо говорю я, когда заканчиваю перевязывать его.

— Для тебя все, что угодно, красотка. — Элайджа поднимает руку и проводит ею по моей щеке. — Я люблю тебя.

Я отстраняюсь от него, пораженная произнесенными им словами. Это все Дурман, уверяю я себя. Под его действием они любят всех, даже, если на самом деле это не так. Элайджа заснул с улыбкой на своих чувственных губах, и я знаю, что ему снятся хорошие сны. Что до меня, то я сомневаюсь, что мне удастся сомкнуть глаза.

У меня за спиной происходит какое-то движение, и я поворачиваюсь. Из тени бесшумно выходит Эш, его глаза блестят. Он выглядит очень несчастным. Он даже не смотрит на меня, просто садится на землю и прислоняется спиной к стене, а потом закрывает глаза.

— С ним все будет в порядке? — спрашивает Эш спустя мгновение.

— Когда он проснется, то у него будет жуткое похмелье, но с ним все будет в порядке.

Эш слабо кивает и отворачивается от меня, но я успеваю заметить, как у него по щеке скатывается слеза.

ЦИФРОВОЙ ЭКРАН слегка тускнеет, когда аккумулятор начинает подсаживаться. Я всю ночь смотрю новости, стремясь, чтобы мои мысли были все время чем-то заняты, но ничего не выходит. Все о чем я думаю, это о том, как Элайджа признался в любви Натали, подтверждая тем самым мои опасения, что она изменяет мне с ним. Я выключаю цифровой экран, чтобы он окончательно не разрядился.

Голова Натали лежит у меня на коленях. Я аккуратно убираю белокурые волосы с её лица. Меня переполняет горе. Но, несмотря на всю ту боль, злость и унижение, которые испытываю, я все равно люблю её. Я не могу винить Элайджу, что он так сильно увлекся ею — она потрясающая. А она те же чувства к нему испытывает? Натали, кажется, была ошеломлена его признанием, так что может, её чувства к нему не так сильны, как его к ней. Это дает мне надежду, что, может быть, я еще не потерял её.

Элайджа шевелится и просыпается. Он садится и стонет, хватаясь за голову. Дурманное похмелье — частое побочное явление, если в вас попадает яд Дарклинга. Колотые раны на руке и шее еще не зажили, заставляя мою жажду вернуться, да еще и с удвоенной силой. Я пытаюсь не думать, какая у него вкусная кровь. Прежде я не пробовал ничего похожего на кровь Бастетов. Она такая вкусная. Мне хочется еще.

— Даже не думай, Дарклинг, — говорит он, читая мои мысли.

— Могу сказать то же самое и про тебя. — Для голодного Бастета прямо сейчас я выгляжу очень аппетитно.

Он закатывает глаза.

— Не обольщайся. Ты не в моем вкусе.

— Разумеется, ты предпочитаешь блондинок, не так ли? — огрызаюсь я.

Он смотрит на Натали, а потом снова переводит взгляд на меня. У него между бровей пролегал морщинка.

— Мне она не интересна, — говорит он.

— Не лги. Я видел вас в лаборатории. Она взяла с тебя обещание не рассказывать кое-что, что могло бы меня ранить. И если ты не пытаешься переспать с ней то, что это? — требовательно спрашиваю я.

Элайджа опять смотрит на Натали, явно чем-то терзаемый.

— Ну? — Мой гнев растет. Почему бы ему просто не признаться? — Прошлой ночью ты признался ей в любви.

Он кажется искренне удивленным.

— Серьезно? За меня говорил Дурман.

— Вот дерьмо. — Меня пронзает ужасная мысль. — И как давно это длится между вами?

Натали освободила Элайджу из лаборатории месяц назад. Неужели они все это время поддерживали связь друг с другом, пока я был занят, работая на Роуч и Сигура? Эта мысль, об этом предательстве просто не укладывается у меня в голове.

Натали будит тон моего повышенного голоса, и она сонно моргает.

— Все хорошо? — спрашивает она.

Я поднимаюсь на ноги, меня трясет от злости.

— Все отлично. Нам пора идти.

К тому времени, когда они меня догоняют, я уже на полпути к выходу из туннеля. Натали пытается взять меня за руку, но я просто не могу принять её ладонь. Еще нет. Боль еще слишком сильна. Мы идем вдоль рельсов в абсолютной тишине. Меня захлестывают гнев и унижение. Они отравляют мои мысли. Одно дело считать, что Натали с Элайджей сошлись в последние несколько дней, потому что почувствовали сильное влечение друг к другу — с этим я еще могу как-то справиться, но совсем другое — если они уже ни один месяц спали друг с другом. А это может означать, что они по-настоящему не безразличны друг другу. Вот этого я никогда не смогу простить.

Чего я не понимаю, так это, почему она согласилась выйти за меня замуж, если её сердце больше не принадлежит мне. Чувство долга? Черт, она что, жалеет меня? Я представляю свои ожоги на руках и плечах, вспоминаю о кошмарах, которые мучают меня во сне, и понимаю, что она должна жалеть меня. Элайджа, по сравнению со мной, более привлекателен.

Мы довольно долго идем к выходу, и я вздыхаю с облегчением, когда через час, наконец, добираемся до него. Мы оттягиваем в сторону одну из деревянных досок и вылезаем наружу. Несмотря на зной и неприятное покалывание кожи от солнца, я рад дневному свету. Нет ничего хуже, чем быть запертым под землей с Натали, Элайджей и своими мыслями.

Я сглазил.

Мы направляемся к краю оживленного железнодорожного и грузового депо. Там, должно быть, пятнадцать железнодорожных путей, расходящихся в разные направления, плюс десятки вагонов загруженные длинными металлическими контейнерами. На крыше здания депо установлены цифровые экраны, которые транслируют последние новости Си-Би-Эн. Гвардейцы Стажи деловито выгружают контейнеры из товарняка на грузовики, готовые к транспортировке к месту назначения. Похоже, что основная часть груза — это оружие, медикаменты и продовольствие.

Над депо висит знакомый Эсминец. Мы пришли прямо львам на съедение.

Мы скользим обратно в туннель, с глаз долой. Когда Натали говорит, что Стражи используют туннель, чтобы добираться до лагеря, я и не подозревал, что депо по ту сторону, находится все еще в рабочем состоянии. Но, с другой стороны, почему бы ему не функционировать — я сгнул, не выяснив это раньше. Все-таки у нас не так много вариантов.

— Может нам вернуться в лагерь? — шепчет Натали. — Если Эсминец здесь, они, скорее всего, ждут, что мы покажемся.

Я мотаю головой.

— Если бы они нас поджидали, тогда тот конец патрулировала бы сотня гвардейцев. Они не знают, что мы здесь — должно быть, они считают, что мы убежали обратно в пустыню.

— Так зачем они здесь? — спрашивает Элайджа.

— Чтобы подзаправиться? — предполагаю я.

— Нам следует вернуться в лагерь, — говорит Элайджа.

— И куда нам потом идти? — в ответ спрашиваю я. — Там все еще нет никаких средств передвижений, мы черти где, и мне долго по такой жаре не продержаться. Нет, мы останемся здесь. Нам просто надо пробраться незамеченными на один из этих грузовиков.

— И как ты предполагаешь это сделать? — спрашивает Элайджа.

— Выкинем тебя им в качестве приманки? — предлагаю я.

Элайджа корчит из себя обиженного, а Натали одаривает меня суровым взглядом.

Я внимательно просматриваю депо с железнодорожным туннелем, хотя, как по мне, то, похоже, что он забаррикадирован ящиками и перевернутыми тачками, сваленными возле выхода. Я наблюдаю, как группа гвардейцев Стражей грузят ящики в грузовики, припаркованные один к другому, так что между ними всего несколько футов. На всех ящиках было напечатано разное место назначения: Центр, Афина, Галлий, Леополис, Фракия — в яблочко! Наконец-то немного удачи.

— Вон, — говорю я, указывая на зеленый грузовик, чьи ящики промаркированы словом «Фракия». — Мы сбежим в нем.

— Нам никак не замаскироваться, — говорит Натали. — Они нас узнают.

— Тогда остается это делать по старинке — просто не попадаться им на глаза, — говорю я.

Мы обсыпаемся песчаником с пола пещеры, затемняя нашу кожу и одежду, в надежде, что это послужит нам хоть каким-то камуфляжем. Я слегка вздрагиваю при виде черноты на предплечье Натали, вспомнив, что я и сделал. Она скатывает нее рукав рубашки, закрывая руку.

— Мы готовы? — спрашиваю я.

— Нет, — бормочет Элайджа.

Натали кивает.

Я осторожно подхожу к выходу из туннеля. В двадцати футах от нас гвардейцы загружают ящики на красный грузовик, конечная цель которого Галлий. Это наш шанс. Грузовики стоят близко друг к другу, так что мы можем легко перебежать от одного к другому, прячась под ним, пока все чисто. Однако мне придется отвлечь гвардейцев. Осмотревшись, я заметил грудку небольших ящиков справа от грузовика, все с зеленым крестом и словом «ХРУПКОЕ» напечатанным на нем. Медикаменты. Отлично. Я поднимаю с земли камень, определяю рукой его увесистость. У меня будет всего одна попытка. Я делаю глубокий вдох и кидаю камень в ящики. Он попадает в середину, и медикаменты падают на землю.

Гвардейцы, крича друг на друга, срываются с мест и бегут скорее к разбившимся ящикам, чтобы оценить ущерб. У нас есть считанные секунды, чтобы пересечь пыльную дорогу.

— Вперед, — говорю я.

Мы выбегаем из туннеля, оказываясь на слепящем солнце. Адреналин бьет по моим венам, а в голове единственная мысль: БЕЖАТЬ! Мы вжимаем головы в плечи, ныряем между ящиками и используем перевернутые тачки в качестве прикрытия. Гвардейцы Стражей все еще пытаются выяснить, кто разбил медикаменты, обвиняя друг друга.

И как только один из них находит камень, мы уже добираемся до грузовика.

Гвардеец держит камень в руке и хмурится.

Я заталкиваю Натали под грузовик. Следующим Элайджу.

Гвардеец начинает поворачиваться.

Черт!

Я как раз успеваю нырнуть под грузовик, когда гвардеец смотрит в нашу сторону. Мое сердце чуть ли не выпрыгивает из груди, когда гвардеец идет в нашу сторону. Неужели он

меня видел? Пара коричневых кожаных сапог останавливается прямо перед нами. Я задерживаю дыхание. Надолго. Кажется, это длится бесконечность.

— Ну же, вы оба, у нас нет целого дня, — окликает он своих двух коллег.

Я выдыхаю.

Над нашими головами раздается грохот, пока они продолжают грузить ящики в машину.

— Поверить не могу, что мы разобрались с доставкой всего этого дерьма в Галий, учитывая все проблемы, — простонал «Коричневые Ботинки» своим напарникам.

— А что там с этим Галием? — поинтересовались те.

Элайджа нетерпеливо стучит пальцем мне по плечу и показывает, что собирается двигаться дальше, но я качаю головой. Я хочу послушать, что скажут гвардейцы.

— Черт, Спиннер, за новостями что ли не следишь? Дарклинги вырвались из гетто. Там было кровавое месиво, — говорит он. — Зачем им, думаешь, понадобилось все это оружие и медикаменты?

Когда это произошло?

— Да, я вообще, как-то не думал об этом, — отвечает Спиннер.

— Ты не думаешь об этом до поры до времени, — говорит «Коричневые Ботинки».

— До меня доходили слухи, что там был и Феникс, — вмешивается в разговор третий гвардеец. — И вроде как в одиночку убил пятьдесят гвардейцев.

— Я слышал, что сотню, — говорит «Коричневые Ботинки». — Он разрывал им глотки, и кровь лилась рекой.

— Шутишь? — нервно спрашивает Спиннер.

У меня в голове без остановки крутится эта новость. Дарклинги устроили восстание в Галие, столице Медного штата? Офигеть. Медный штат — где сосредоточены все оружейные фабрики. Повстанцы вызвали в штате хаос и Эмиссар Винсент казнен, там будут твориться беспорядки. Это же... здорово!

Мне интересно, кто же распространяет слухи, что я во всем этом замешан. Может Роуч? Умно. Это не только поможет не сесть Стажам мне на хвост, пока я ищущу «Ора», но и заставит гвардейцев бояться меня. Порой миф о человеке мощнее, чем реальность. Они даже и не подозревают, что настоящий Феникс прячется у них под грузовиком, испачкан в грязи и напуган до чертиков.

— Не слышал, чего там, у Пирсона в его грузовом отсеке? — спрашивает Спиннер.

— Поверю, когда сам увижу, — отвечает «Коричневые ботинки». — Он постоянно трепет какую-то хрень. Один раз сказанул, что подстрелил Люпина, а потом выяснилось, что это был просто пес какого-то парня.

Третий гвардеец смеется.

— Ага, а когда он утверждал, что взял целое гнездо Разъяренных?

— Да нет, на этот раз он не врет. Он сказал, что напал на него два дня назад в Огненных порогах, — говорит Спиннер, слегка защищаясь.

Огненные пороги? Какое знакомое название...

— Если это правда, то почему никому ничего не показал? — возражает «Коричневые ботинки».

— Волновался, что кто-то узнает и попытается спереть.

— Он лжет, — говорит третий гвардеец.

— Если он лжет, то с чего бы ему вызывать сюда Себастьяна Идена? — спрашивает Спиннер.

— С того, что Пирсон так же туп, как и ты, — отвечает «Коричневые ботинки».

«Коричневые ботинки» и третий гвардеец смеются от души, в то время как Спиннер бормочет себе под нос проклятия. Натали вопросительно смотрит на меня. Это объясняет присутствие в небе Эсминца. Понимание этого снимает камень с души, ведь они поджидали не нас, но что бы не находилось в грузовом отсеке, должно быть — это очень ценно, раз Себастьян решил прервать поиски и лично взглянуть на это.

Когда они продолжают заниматься погрузкой, поднимают своими ботинками красную пыль в воздух, которая щекочет нам носы. Натали прикрывает свой нос и одновременно с этим чихает. Она бросает на меня панический взгляд.

— Ты ничего не слышал? — спрашивает «Коричневые ботинки». Я делаю взмах рукой, показывая тем самым, Натали с Элайджей нужно уходить. Мы ползем по земле к грузовику, припаркованному в паре футов от нас, как раз вовремя, потому что Коричневые ботинки заглядывает под красную машину, под которой мы прятались.

— Неа, — бормочет он и качает головой.

Мы несемся к следующему перевозчику, держась вне пределов видимости, и спустя несколько минут замирания сердца, мы оказываемся у зеленого грузовика, следующего во Фракию. Он стоит рядом с бронированным товарняком, но загружен он отнюдь не медикаментами: заключенными. Люди кричат и стонут внутри вагонов, их руки тянутся из зарешеченных окон, умоляя проходящих мимо гвардейцев освободить их или хотя бы дать воды.

— Мы должны им помочь, — говорит Натали.

— Нас заметят, — отвечает Элайджа.

Гвардеец Стражей открывает дверь грузовика и забирается внутрь. У нас мало времени.

— Эш, смотри! — шепчет Натали, указывая на три фигуры, идущие вдоль товарняка, направляющиеся к нам. Это Себастьян и Гаррик с кем-то третьим — гвардейцем Стажей, Пирсоном.

Гвардейцы врассыпную разбегаются с дороги Себастьяна, когда тот направляется к одному из вагонов. Когда он идет, серебристые пуговицы его мундира Ищейки блестят в солнечном свете. Его голова и лицо чисто выбриты, над левым ухом татуировка розы. Чернила потемнели от яркого-алого до темно-красного дерева, где его оливковая кожа загорела.

По сравнению с Себастьяном, Гаррик выглядел растрепанным и усталым. Вокруг его ушей была запекшаяся кровь, должно быть оставшаяся после того, как лопнули барабанные перепонки, при включении локатора. Его дорогая одежда порвана с одного боку, и я предполагаю, что ему повезло столкнуться лицом к лицу со стаей голодных Разъяренных псов. Должно быть они, как и мы, не понимая необходимости в локаторах, вырубали их. Только гвардейцы, работающие в лагере Бесплодных земель, могли знать об этих шакалах. Это могло объяснить, почему они не нашли нас в туннеле; скорее всего они проторчали тут недостаточно долго, чтобы хорошенько прочесать окрестности.

Он принохивается к воздуху и смотрит в нашу сторону, его глаза сощуриваются из-за яркого солнца. Мы убираемся подальше в тень.

— Думаете, он нас видел? — шепчет Элайджа.

Мои мышцы напрягаются. Под грузовиком темно, да и мы все в грязи, так что вряд ли он нас видит. Меня больше волнует, что он может нас учуять, хотя вонь от заключенных в вагоне должна помочь скрыть наш запах. Гаррик продолжает смотреть в нашу сторону и нам

кажется, что проходит вечность, прежде чем он переключает свое внимание на Себастьяна и гвардейца. Я слегка расслабляюсь.

— Лучше бы оно того стоило, — резко говорит Себастьян Пирсону.

— О, еще как! — отвечает гвардеец.

Он отодвигает дверь одного из вагонов и демонстрирует то, что находится внутри.

Натали прикрывает рот, чтобы подавить крик.

Внутри вагона, закованный в цепи, с потолка свисает Сигур.

Вот, почему Огненные пороги показались мне знакомыми. Именно туда Сигур должен был отправиться, когда мы обсуждали наши планы побега. Его крылья искромсаны, а сам он жестоко избит, его белые волосы все в крови, а лицо почти неузнаваемо. Мгновение я надеюсь, что Себастьян не сможет его узнать.

Себастьян шагает внутрь и хватается Сигура за лицо, поворачивая его то в одну, то в другую сторону, рассматривая поближе. На губах Себастьяна появляется холодная устрашающая улыбка.

— Да у меня сегодня просто праздник какой-то! — говорит он.

Сигур плюет Себастьяну в лицо, Ищейка ударяет его в ответ в живот. Сигур складывается пополам.

— Перевести кровососа на Эсминец, — говорит Себастьян, стирая с лица слюну.

Пирсон останавливает Люпина.

— Эй, постойте-ка. А что насчет моего вознаграждения?

Гаррик рычит на гвардейца и тот отступает назад.

Себастьян вынимает свой меч и двумя взмахами отсекает остатки крыльев Сигура. Его возглас от боли эхом разлетается по всему депо, а темная кровь сочиться по спине.

Себастьян бросает крылья Пирсону.

— Вот, твоя награда. А теперь развяжи тварь и приведи ко мне на корабль.

Он сходит с поезда.

Пирсон и Гаррик сняли цепи, держащие Сигура. Он упал на землю, обессиленный и измученный. Его голова дергается в нашем направлении, и на его лице застывает выражение ужаса, когда он видит нас, прячущихся под грузовиком.

Двигатель грузовика начинает грохотать. Они собираются уезжать.

— Нам нужно уходить, — шепчет Элайджа.

— Мы должны спасти Сигура, — отвечает Натали.

Если я собираюсь прийти Сигуру на выручку, то нужно действовать немедленно.

Двигатель набирает обороты.

Это наша лучшая возможность попасть во Фракию.

Мои глаза встречаются с глазами Сигура.

Он твой Кровный отец.

Сигур, все понимая, слегка качает головой.

— Вперед, — говорю я остальным, и мы бежим в конец вагона, и забираемся внутрь.

Они бегут сразу за мной. Мы ныряем, прячась за башнями из ящиков, когда третий охранник приближается к грузовику. Он захлопывает дверь, закрывая нас от мира, но прежде чем это происходит, до меня доносится крик Сигура.

ЧАСТЬ III
ЛУННАЯ ЗВЕЗДА

Глава 24

НАТАЛИ

ГРУЗОВИК КАЧАЕТСЯ, когда мы едем по ухабистой пустынной дороге, ящики продовольствием и военными припасами, угрожают обрушиться на нас в любой момент. Мы нашли в ящиках укромный уголок и удобно там устроились, раз уж пробудем здесь как минимум день, а то и два. В одном из ящиков с припасами я нашла несколько ламп, и Эш разжег свет в них от прикуривателя к сигаретам. Свет от огня, разливающийся вокруг нас мягким оранжевым свечением, напоминает мне немного о горящих домах из шлакоблоков в Блэк Сити. Дом. Больше мне его не увидеть. Больше нет дома, некуда возвращаться.

Атмосфера внутри кузова удрученная. Мы все еще переживали из-за того, что сделали с Сигуром в депо. Могу себе только представить тот ужас, который он переживает сейчас. Запрут ли они его, так же как и Полли в тюремной клетке? Меня охватывает нестерпимая печаль. Сколько еще друзей и членов семьи мы потеряем, прежде чем этот конфликт закончится?

Эш сидит, глубоко задумавшись, напротив меня, его ноги вытянуты, а глаза закрыты. Я знаю, он переживает за Сигура, но он не сказал мне ни единого слова с тех пор, как мы забрались в грузовик. Это больно, что он не хочет мне довериться, но может быть ему просто нужно время. Я это понимаю.

Вздохнув, я ищу в ящиках с едой бутылку воды, но меня сбивает приступ тошноты. Я хватаюсь за живот, жду, когда меня отпустит. Меня то и дело мутит целый день, я подозреваю, что это вирус Разъяренности.

Элайджа удивленно поднимает брови, глядя на меня:

— Ты в порядке?

Глаза Эша резко открываются.

Мне хочется убить Элайджу.

— Я в порядке, спасибо. Просто немного укачало.

Элайджа смотрит на меня извиняющимися глазами, понимая, что влез туда, куда его не просили.

— Выглядишь очень бледной, — говорит Эш, подходя ко мне. Он прикладывает руку к моему лбу. — Ты вся горишь. Тебе нужно прилечь.

— Я в порядке, правда, — говорю я. Мои слова прозвучали бы убедительнее, не будь я вся мокрая от пота.

Эш ищет в ящиках какую-нибудь одежду и вытаскивает несколько мундиров Стражей и зимних черных пальто, а потом раскладывает их на полу. Я ложусь на импровизированный лежак, и он кладет мою голову себе на колени, и поглаживает мои волосы.

— Сожалею по поводу Сигура, — говорю я.

Его рука на секунду замирает, а потом он продолжает ласкать мои волосы.

— Эш..

— Я не хочу сейчас говорить об этом, — отвечает он.

Я смотрю на него, но не могу пробиться сквозь эту безмолвную стену.

Элайджа приносит бутылку воды и Эш выхватывает её у него из рук.

— Я сам, — говорит он.

Что происходит между этими двумя? Эш открывает крышку и придерживает мою

голову, пока вливает воду мне в рот. Мне удастся сделать всего несколько глотков, прежде чем выплюнуть её обратно.

— Прости, — шепчу я.

Эш убирает мои волосы назад, когда меня снова тошнит. Элайджа кривит губы, но ничего не говорит, хотя он имеет полное право высказаться. Вместо этого он роется в ящиках, пока не находит какие-то крекеры.

— Это должно успокоить желудок Натали, — говорит он, суя крекеры Эшу.

В течение следующего часа, Эш поит меня водой и кормит крекерами, пока Элайджа пытается убрать весь тот беспорядок, что я сотворила. Эш делает импровизированную подушку из мундиров и промакивает мой лоб влажной тряпкой, проверяя удобно ли мне. Он выглядит таким обеспокоенным, ему кажется, что меня разрывает на части. Как же он отреагирует, когда узнает, что у меня вирус? Это его убьет, я уверена.

Тошнота, наконец, проходит, и я сворачиваюсь калачиком рядом с ним.

— Я люблю тебя, — говорю я ему.

Он судорожно вздыхает, будто эти слова причиняют ему боль.

— Я тоже люблю тебя, — тихо говорит он. — Всем сердцем.

Мы едем в молчании. Иногда Эш проводит большим пальцем по моей ладони, не осознанно рисуя два сердца на ней. Одно для него и другое для меня. Сколько времени у нас осталось? Сколько таких мгновений в руках друг друга? Мне кажется это таким несправедливым — нам так мало было отмерено быть вместе. Но все эти украденные мгновения, с украденным сердцем. Может так природа пытается восстановить равновесие?

В течение следующих нескольких часов, качка фургона уже не так заметна. Температура внутри падает на несколько градусов, давая нам понять, что мы покинули Бесплодные земли и добрались до Провинций. Элайджа зевает от усталости и скуки. Я поднимаюсь, чувствуя себя чуть лучше, и нахожу свежую одежду — форма гвардейцев Стражей для меня слишком большая — и переодеваюсь. Неожиданно я вспоминаю, что забрала свои документы и таблетки для сердца в лагере, лаборатории Бесплодных земель. Я выгребая все из штанов и перекладываю в сумку.

— Итак, как мы собираемся выручать Сигура? — говорю я. Пришло время обсудить это.

— Никак, — просто говорит Эш.

— Но он твой Кровный отец.

— Он бы не хотел, чтобы мы прерывали задание, — отвечает Эш.

— Но...

— Я больше не собираюсь говорить об этом, Натали, — Он тверд в своем решении. — Мы не будем его спасать. Именно этого ждет от нас Пуриан Роуз.

Эш натягивает на себе одежду, будто собирается спать. Разговор окончен.

Я беру один из фонарей и иду до другого конца длинного трейлера, давая нам обоим передышку прежде, чем скажу то, о чем буду жалеть. Это выбор Эша не спасать Сигура, но это не значит, что я согласна с ним. Я прячусь в укромный уголок между двумя башнями из ящиков. Спустя мгновение, рядом со мной появляется Элайджа. Здесь очень тесно и его хвост щекочет мои пальцы, но я не против. Его золотые глаза светятся оранжевым.

— Поверить не могу, что Эш не хочет спасти Сигура, — говорю я. — Может, пока мы тут болтаем, его там пытаются.

— Может быть, — соглашается Элайджа. — Но Эш прав; Роуз будет ждать, что мы заявимся со спасательной операцией, а это — самоубийство. Мы не сможем вломиться в

Центрум безоружными и неподготовленными.

— Мы должны хотя бы попытаться, — бормочу я. — Если бы ты попал в плен, неужели ты не хотел бы, чтобы тебя спасли?

— Разумеется, но я-то слегка эгоцентричен, — сказал Элайджа.

Мне удается рассмеяться.

— Ты? Эгоцентричен? Да неужели?!

Элайджа улыбается. Ему идет улыбка. Держу пари, дома он не обделен женским вниманием. И дело не только в его внешности. Под этой его напускной напыщенностью скрывается милый парень.

— Тебя дома кто-нибудь ждет? Кто-то особенный? Например, девушка? — спрашиваю я, желая узнать больше о его жизни.

Он ухмыляется.

— А что? Ревнуешь, красотка?

— Брр, забудь, — говорю я. — Прости, что сболтнула лишнего.

— Нет, — произносит он наконец. — Нет никого.

Должна признаться, я удивлена.

— А я-то думала, что девушки так и падают к ногам сына Консула, — говорю я.

— Ага, есть такое. Но мне не интересны такие девушки. — Он рассеянно играет с золотыми тесемками на своем запястье, и я понимаю, что он не хочет разговаривать о тех, кто остался дома. — Тебе лучше? — спрашивает он, стараясь говорить тише, чтобы Эш не услышал.

Я киваю. Хотя чувствую слабость, но это не из-за болезни.

— Эш не в настроение, и я не знаю, почему он так ведет себя со мной, — шепчу я. — О тебе что-нибудь говорил?

— Он думает, что мы спим с тобой, — отвечает Элайджа.

— Что? Почему? — спрашиваю я. Мои мысли нервно заметались.

Элайджа пересказывает свой разговор с Эшем.

— Очевидно, он слышал не весь разговор в лаборатории.

— Ты ему не рассказал? — спрашиваю я.

— Я же пообещал, что не расскажу, — говорит он. — Но тебе придется в какой-то момент рассказать ему правду.

— Я расскажу.

— Когда?

— Когда настанет подходящее время, — говорю я. — Я не могу рассказать ему сейчас, после того, что случилось с Сигуром. Плюс мы на середине задания...

— Ты оправдываешь себя.

— Нет, — говорю я.

— Да.

Я вздыхаю.

— Может быть. Но мне просто нужно немного времени. Я не готова к тому, чтобы наши отношения закончились.

— Он не порвет с тобой только из-за того, что ты больна.

— Нет, он слишком сильно меня любит, чтобы так поступить со мной, — отвечаю я. — И вот почему я должна порвать с ним. Я не хочу, чтобы он видел, как я умираю. Он достаточно настрадался.

Я смотрю на спящего Эша сквозь щели между ящиками. Его черные волосы мягко колышутся вокруг его бледного лица, а губы слегка приоткрыты и обнажают кончики клыков. Сейчас он кажется таким умиротворенным, хотя я знаю, что это ненадолго. Я слегка касаюсь его обручального кольца, которое до сих пор висит на моем золотом ожерелье. Мы собирались провести всю оставшуюся жизнь вместе, а теперь...

— Просто пока я не хочу говорить ему прощай, — шепчу я. — Учитывая скорость проявления симптомов, мне кажется, у нас в запасе есть несколько месяцев, пока я серьезно разболеюсь. Сначала нам надо завершить задание, а потом я скажу ему, когда мы отправимся в Центр.

— Чем дольше ты будешь откладывать этот разговор, тем сложнее это будет для него.

— Нет, если я аккуратно уберегу себя из его жизни, — говорю я, и в моей голове рождается план. — Если я медленно буду отдаляться от него в течение нескольких следующих недель, тогда, возможно, ему будет не так тяжело, когда меня не станет. К тому же, если я подожду, когда мы доберемся до Центра, чтобы порвать с ним, у него будет Жук, чтобы собрать его по частям.

— Я не знаю...

— Элайджа, прошу тебя, — говорю я. — Позволь мне самой это сделать, когда я решу.

— Что если симптомы проявятся быстрее, чем ты думаешь?

— Тогда, очевидно, мне придется все рассказать ему, — говорю я.

Элайджа прислоняется спиной к деревянным ящикам.

— Ладно, — наконец говорит он. — Но как мне объяснить то, что он подслушал в лаборатории?

— Я... — Я в тупике. — Не знаю.

Мне не нравится, что Эш думает, будто я ему изменяю с Элайджей, но ему будет легче меня отпустить, если он будет считать, что мои чувства к нему изменились.

Элайджа еще раз вздыхает, догадываясь, о чем я думаю.

— Если он вновь об этом спросит, я не стану отрицать его подозрения, но и подтверждать ничего не буду, поняла?

— Спасибо тебе, — говорю я тихо. — Мне очень жаль, Элайджа, что я втянула тебя.

Он натянуто улыбается.

— Ага, на здоровье, только, если он меня еще раз ударит — сделке конец.

— А когда он успел тебя ударить? — спрашивая я, удивленно.

— Еще там, в концлагере, — говорит он.

— О, мне жаль, — говорю я.

Он пожимает плечами.

— Возможно, я это заслужил. Я же флиртовал с тобой.

Мои щеки краснеют.

— Наверное, мне не стоило тебе этого говорить, — говорит он, и сам краснеет.

— Да нет, все в порядке, — говорю я, но вдруг чувствую боль, от того, что его нога прижата к моей. — Мне казалось, что Эми тебе больше подходит, — добавляю я, когда вспоминаю, как он флиртовал с ней в Церкви Плюща.

— Она милая, — отвечает он. — Но меня тянет к девушкам, которые спасают мне жизнь.

Я еще сильнее краснею. На самом деле, я дважды спасла ему жизнь. Первый раз, когда помогла сбежать из лаборатории Стражей, а второй раз в поезде, когда прикончили

Разъяренного.

— Полагаю, парни все время на тебя западают, — говорит он.

Я смеюсь.

— Едва ли. Я не из тех длинноногих моделей с обложки «Ежемесячный Страж для Молодежи».

Между его красно-коричневыми бровями пролегают складки.

— Ты понятия не имеешь, какой видят тебя люди, не так ли?

Я мотаю головой.

— А какой они меня видят?

— Ты девушка, выкрикивающая «Нет страха, Нет Власти» перед всем народом, — отвечает он. — Ты красивая, и смелая. Разве ты не видишь, как парни теряют голову из-за тебя?

Я неловко смеюсь.

— Извини, — бормочет он. — Порой мне не хватает фильтра между моим мозгом и ртом.

— Да все нормально. — Я беру его за руку. — Правда. Я польщена.

Он смотрит на наши руки.

— Ага, наверное. Я сам почти попался. — Я знаю, что он шутит, но голос его звучит ровно.

Я смеюсь, стараясь сохранить веселое настроение, но на самом деле я не знаю, что сказать. Под высокомерностью Элайджи скрывается славный парень, и он очень привлекательный, но мое сердце принадлежит другому.

— Прости, Элайджа, — говорю я. — Но ты ведь знаешь, что между нами никогда ничего не будет, верно?

— Знаю, — говорит он, отпуская мою руку. — Эш — счастливец. Видно, что ты очень его любишь.

— И так до самой смерти, — отвечаю я.

Только вот интересно, когда это произойдет.

Глава 25

НАТАЛИ

В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ нашего путешествия я проваливаюсь в тревожный сон, котором вижу Полли. Сначала я вижу её в качестве своей сестры, а потом её серые глаза становятся желтыми и она превращается в Разъяренную борзую, с её клыков капает яд. Я зову маму на помощь, но её здесь нет. Потом я вспоминаю, что она сбежала. Я одна. На животе Полли-Борзой появляются прорези и на землю вываливаются её внутренности, и неожиданно — это вновь моя сестра, свернувшись, лежит на полу в луже крови в форме розы...

Грузовик подпрыгивает на ухабе и вырывает меня из сна. Мои ноги ноют от неудобной позы, в которой я провела всю ночь рядом с Элайджей. Его сильная рука обнимает меня за талию, его лицо уткнуто мне в тыльную сторону шеи. У меня мокрые щеки. Должно быть я плакала.

— Хорошо спала? — раздаётся холодный голос Эша рядом со мной.

Я сажусь, будто по сигналу тревоги. Эш сидит на краю ближайшего ящика, одетый в один из черных, зимних бушлатов с капюшоном, которые мы нашли с остальными припасами. Я гадаю, как долго он наблюдает за нами.

Элайджа шевелится и просыпается, громко зевая.

— Который час...

Он перестает говорить, когда видит красноречивое выражение лица Эша.

Эш протягивает нам два бушлата.

— Надевайте. Мы приехали.

Мы надеваем длинные черные бушлаты, как раз тогда, когда грузовик замедляется. Я слышу вокруг нас звуки города: лавочники, кричащие друг другу, стук колес повозок о мостовую, музыку, доносящуюся из таверн. Должно быть ранний вечер — мое тело потеряло чувство времени, после того, как мы просидели в ловушке грузовика столько времени без естественного света.

Эш поднимает дверь грузовика, впуская поздороваться прохладный свежий воздух, который пахнет специями и травами. Мы на Фракийском оживленном центральном рынке, который во сто крат круче рынка Шантильи Лейн в Блэк Сити. Здесь сотни, если не тысячи, закругленных зданий, сделанных из красного песчаного кирпича. На многих зданиях есть фрески, поэтому город кажется цветным. Но не это самое поразительное. У всех зданий многоярусные крыши, покрытые черепицей из странного блестящего металла, который я прежде не видела. Он был отполирован и прекрасно отражал свет, так что казалось, что весь город сияет, как море под солнечным светом. Это прекрасно.

— Теперь понятно, почему Фракия получила прозвище — Зеркальный город, — шепчу я Элайдже.

— Это солнечная черепица, — объясняет он. — Вот откуда они получают энергию. Мы в Виридесе их тоже используем, но не в таком количестве.

Не говоря ни слова, Эш накидывает на голову капюшон и спрыгивает с движущегося грузовика, его плащ развивается за спиной, словно крылья феникса. Элайджа берет меня за руку, и мы спрыгиваем вместе, жестко приземляясь на следы в пыли.

Мы спешим убраться подальше от грузовика, и протискиваемся между людьми, которые

разодеты в платья с корсетами, в пальто украшенное драгоценностями или просто в разноцветную одежду. Я надеваю свой капюшон для маскировки, когда мы идем за Эшем на базар.

Флаги развеваются от прохладного весеннего ветерка, как крылья бабочки, яркие на фоне кобальтово-синего неба. Смуглые торговцы затягивают свои древние зазывные песенки, когда мы проходим мимо, машут нам, и их пение, наслаивающиеся одно на другое, превращается в прекрасную мелодию, которая напоминает мне птичьи трели. Все это место наполнено радостью и жизнью. Оно так резко контрастирует с тем, что мы увидели в Бесплотных землях.

И все же я чувствую разочарование, когда мы идем быстрее, петляя лабиринтом переулков. Куда ни глянь — таверна или трактир. К сожалению, ни над одним не висит вывески с названием.

— Нет названий, — говорю я. — Как же мы найдем «Лунную звезду»?

Элайджа хмурится.

— Наверное, нам придется поспрашивать у людей.

Иногда мы проходим мимо больших цифровых экранов, установленных на верхушках деревянных платформ, разбросанных по всему рынку. На каждом, одни и те же восемь фотографий, и под каждым же **РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ:**

Эш

Я

Сигур

Роуч

Мама

Жук

Джуно

Дей

К счастью не упомянуты ни Элайджа, ни Гарольд, ни Ник, ни Эми, но ни один из них не входит в высшие эшелоны восстания, и не является беглым каторжником, может в этом причина. Фотография Сигура на всех экранах перечеркнута. Должно быть новость о том, что его арестовали, уже разошлась по всей стране. Роуз не тратит времени даром, донося о своей победе общественности. Что они с ним делают? Жив ли он? Я натягиваю капюшон ниже на лицо.

— Эш, помедленней, — говорю я, задыхаясь спустя несколько минут.

Эш останавливается и ждет меня, его глаза блестят, как зеркальные крыши вокруг нас. Его выражение лица смягчается, когда он видит, какой у меня утомленный вид. Я снова чувствую приступ тошноты, наверное, это от запаха парфюма и специй витающего в воздухе на рынке. Он нежно берет меня за руку. Я замечаю, как Элайджа смотрит на нас. У него на лице написана боль. Как бы мне хотелось, чтобы он не признавался, что влюблен в меня. Теперь все стало странно и неловко.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спрашивает меня Эш.

— Похоже, у меня расстройство желудка, — лгу я. Не знаю, сколько мне еще оправданий удастся придумать, прежде чем он начнет что-то подозревать.

Он целует меня в лоб. Это такой маленький жест, но мое сердце разрывается на части. Не могу поверить, что я собираюсь порвать с ним. Я так сильно его люблю. Но я напоминаю себе, почему я собираюсь это сделать.

— Давайте, найдем место, где можно остановиться, — говорит Эш. — Где-то здесь должен быть опорный пункт «Людей за Единство». Ищите эмблему Угольной Розы на двери.

Мы обходим круглые здания в поисках любого признака обгоревшей розы. Каждый раз, когда мы проходим мимо таверн, Элайджа заходил внутрь, чтобы узнать, не она ли «Лунная звезда». И каждый раз он выходит, отрицательно качая головой. Мы проходим мимо лавочек, продающих специи, мастерских, в которых делались баннеры для Стажей и ковались посеребренные мечи, которые можно использовать против Люпинов и Дарклингов, ведь и у тех и у других аллергия на этот металл.

Снаружи, возле одного из рыночных киосков, на ящике стоит Пилигрим Праведной веры, он проповедует из Книги Сотворения. Его верная паства восторженно внимает, то и дело, восклицая «как говорит Его Могущество». У Пилигрима бритая голова и татуировка розы, точно такая же, как у Себастьяна, которая так и притягивает взгляд, но есть в этом Пилигриме что-то такое, помимо розы, что заставляет меня остановиться. Уходит доля секунды, чтобы понять, что это серебряное голо, вокруг его радужки глаз. Прежде я такого никогда не видела. Должно быть, это какое-то генетическое изменение.

Мы спешно проходим Пилигримов, держа голову опущенными, и продолжаем искать безопасный дом.

— Давайте поищем в гетто Дарклингов, — предлагает Эш. — Там где Дарклинги и «Люди за Единство» близко.

Я замечаю вывеску «Площадь специй». Полагая, что гетто Дарклингов будет находиться рядом с этой площадью, как в Блэк Сити, мы двигаемся в этом направлении. Иногда пальцы Эша соприкасаются с моими, будто он хочет взять меня за руку, но никто из нас не делает первый шаг. Мы словно только-только познакомились и еще неуверенны на счет чувств друг друга. Когда мы уже были на подходе к Площади специй, я почувствовала, что что-то не так. А спустя секунду я уже слышу: треск от рассечения воздуха хлыстом и девичий крик, за которым следует мужской смех.

Когда мы входим на площадь, он берет меня за руку.

— Держись рядом.

Городская площадь оказывается в три раза больше площади в Блэк Сити, и на её окраине с северной стороны стоит длинная каменная стена, где начинается гетто Дарклингов. На другом конце возвышается потрясающее старое здание из красного кирпича. У здания богато украшен фасад, а массивная узорчатая дверь в высоту почти в половину этого здания, в которую встроена оранжевая дверь, куда меньшего размера. Я узнала это здание. Оно встречалось мне в книжке по истории — Мэрия Фракии.

В центре городской площади три гвардейца Стражей, бьют пару детей Даков. Прохожие делали вид, что не обращают внимания, не желая ввязываться. Даки — это кочевой народ, который живут на периферии нашего сообщества, к ним относились даже с меньшим уважением, чем к Бутсам. Первый Дак — мальчик, которому было не больше десяти лет, с темной кожей, черными курчавыми волосами и синими, как небо, глазами. Его лицо перепачкано в крови. Второй — девушка-подросток, лет семнадцати, в разорванном платье на плече. Её распущенные золотисто-каштановые волосы ниспадают волнами вниз по ее загорелой спине, концы которых касались пыльной земли. В её пряди вплетены красочные перья, от чего она напоминает экзотическую птицу.

Один из нападающих, бритоголовый, с перебитым носом, заламывал руки ей за спину, в то время как другой хлестал её коротким хлыстом.

— Вороватая даковская мразь! — говорит гвардеец с хлыстом. — Я научу тебя, как лазить по чужим карманам!

Она плюет в мужчину, ругаясь чрезвычайно цветасто. Несмотря на свои травмы, она борется со своими похитителями, как дикое животное.

Третий гвардеец хватается девочку за лицо и рассматривает его.

— А ты хорошенькая для деревенщины, — говорит он, целуя её.

Зрелище, в котором этот гвардеец грубо целует девушку, заставляет меня вспомнить о Себастьяне и Полли.

— Мы должны помочь им, — говорю я.

— Они узнают нас, — говорит Эш, поглядывая на наши фото на ближайшем цифровом экране.

Девушка-Дак кусает мужчину за губу, и он отскакивает назад, постанывая от боли. В награду она получает пощечину такой силы, что девушка падает на землю.

Я вздрагиваю.

— Эш, мы должны сделать хоть что-нибудь.

Эш зачерпывает немного грязи с земли и проводит ею вокруг глаз и под носом. Без лишних слов он делает шаг к гвардейцам Стражей, его плащ развивается на ветру. Элайджа и я спешим за ним.

Люди вокруг продолжают заниматься своими делами, сознательно не поднимая глаз, когда быстро пробегают мимо гвардейцев. Мужчина с хлыстом замахивается вновь, чтобы ударить девушку. Эш хватается за запястье, останавливая движение на полпути. Мужчина вздрагивает.

— Ты знаешь, кто я? — рычит Эш, тихим угрожающим голосом.

Он сильно бледнеет и бросает взгляды, полные ужаса, на своих коллег.

— Феникс, — шепчет мужчина.

— Вот именно, — огрызается Эш. — И ты знаешь, что я делаю с такими, как ты?

Мужчина снова кивает. До него определенно дошли слухи из Галлия, Эш предположительно убил сотню гвардейцев голыми клыками.

— Тогда я предлагаю тебе оставить мальчика с девушкой в покое, или мне придется...

— Эш обнажает клыки, — и тебе преподать урок.

Эш отпустил запястье мужчины и тот дал деру.

— Ты же понимаешь, что они растреляют повсюду, что мы здесь? — спрашивает Элайджа.

— Уверен так и будет, — отвечает Эш. — Поэтому нам нужно где-то спрятаться.

Эш помогает мальчику подняться на ноги, осматривая его раны, пока я помогаю подняться девушке. Она высокая, с фигурой песочных часов и скуластым лицом: выпирающие скулы, кошачьи глаза, подведенные угольными тенями и пухлыми губами цвета бронзовой монеты. Элайджа осматривает её сверху вниз, ему определенно нравится то, что он видит. Я закатываю глаза, чувствуя укол ревности.

— Не было необходимости ввязываться, я могла бы и сама справиться с этими парнями, — говорит девушка, стряхивая грязь со своего фиолетового платья.

Вот тебе и благодарность.

— Тебе больно? — спрашивает Эш.

— Жить буду. — Она запускает руку в свое декольте и вытаскивает кожаный мешочек с монетами. — Но это определенно поможет.

Значит, она все-таки украла деньги у того гвардейца? Однако это не повод её бить.

— А ты настоящий Феникс? — спрашивает мальчик.

Эш кивает:

— А ты?

— Лукас.

— А я — Жизель, — говорит девушка, откровенно пялясь на Эша. — Должна сказать, эти фото «Особо опасны» вообще не соответствуют действительности.

Эш, испытывая чувство неловкости, потирает затылок.

Лукас смеется.

— Жизель всегда делает такие глаза, когда тебя показывали по новостям.

Жизель бьет его по руке.

— А ну цыц.

Я властно беру Эша за руку, уже не доверяя этой девушке.

Элайджа кивает в сторону стены гетто.

— Я не слышу ни одного Дарклинга за ней.

— Потому что они все мертвы, — объясняет Жизель. — Они подцепили какой-то вирус в прошлом году.

Вирус Разъяренных уже распространился и по Провинциям?

Эш хмурится.

— Как мы можем отплатить вам? — спрашивает Жизель.

— Нам нужно где-то переждать ночь, — говорит Эш.

— Я знаю тут одно местечко, — сияет она. — Я отведу вас к Мадам Кларе.

Глава 26

НАТАЛИ

ЖИЗЕЛЬ ПОКАЗЫВАЕТ кивком головы следовать за ней. Я колеблюсь. Я ей не доверяю, но парни, похоже, не разделяют моих опасений, учитывая, как охотно они идут за ней. Это напоминает мне, как парни-Стражи повсюду таскались за Полли. Они бы сделали что угодно, чего бы она ни попросила. Не то что бы она пользовалась этим. У моей сестры было чистейшее сердце.

Жизель ведет нас по лабиринту переулков, которые становятся уже и темнее, чем дальше мы углубляемся в город. Круглые рыночные здания вскоре остаются позади нас. Их сменяют узкие кирпичные дома, их полуразрушенные стены выкрашены в ярких красных, фиолетовых, синих и золотых цветах. Я рассматриваю одну из витрин магазинчика, и по моей коже пробегают мурашки при виде зловещих объектов: головы обезьян, банок с лягушками, куриных лапок, змеиной кожи. Элайджа кривит губы, когда разделяет со мной чувство отвращения. И меня охватывает тревожное чувство. Куда она нас ведет? Я дергаю Эша за рукав.

— Мне это не нравится, — шепчу я ему. — Давайте вернемся на рынок.

Он одаривает меня добрым, но слегка снисходительным взглядом.

— Только потому, что Жизель из Даков не означает, что она не заслуживает доверия.

Нет, не кража денег делают её для меня не заслуживающей доверия. Я ничего не могу с собой поделать, но чувствую, что он ослеплен её красотой. Или возможно... возможно все дело во мне. Мне не нравится, как она посматривает через плечо на Эша, бросая на него улыбку за улыбкой.

Лукас идет рядом с нами. Он заинтригован хвостом Элайджи, который едва выглядывает из-под его одежды. Мальчик пытается его схватить и смеется, когда Элайджа отмахивается от него, как от назойливой мухи. Эти двое затевают нечто вроде игры, и хотя Элайдже мальчик вроде как начинает докучать, я знаю по блеску в его глазах, что он всего лишь делает вид. Мне кажется, с ним довольно часто такое происходит, когда рядом находятся дети. Я припоминаю, что маленькая девочка по имени Бьянка, которую мы спасли с Эсминца, тоже играла с его хвостом.

Мы сворачиваем в боковой переулок, и Жизель останавливается перед фиолетовым домом с многоярусной крышей, покрытой сверкающими солнечными панелями и увенчанном флюгером в форме солнца.

— Добро пожаловать к Мадам Кларе, — говорит Жизель, распахивая черную дверь.

Когда мы входим в мрачный магазинчик — звякает колокольчик. Стены выкрашены в цвета ночи, с поверхности которых подмигивают серебряные звезды. В закругленной комнате царит пьянящий аромат благовоний, заставляющий мой желудок сжаться. Деревянные полки забиты книгами в кожаном переплете, зельями, свечами и разноцветными кристаллами.

В центре комнаты за круглым столом сидит пожилая женщина в традиционном народном костюме, как и у Жизель, и с тяжелыми серебряными браслетами на запястье. Её руки и лицо украшают витиеватые зодиакальные тату.

Её длинные волосы не ухожены и седы, темная кожа в морщинках и странных тату. На ней солнцезащитные очки в латунной оправе и она их приспускает. Я едва сдерживаюсь,

чтобы не вскрикнуть, видя её зашитые веки.

Она поворачивает голову ко мне, и её губы растягиваются в золотозубой улыбке.

— Хочешь, чтобы я почитала тебе по ладони? Всего две монеты.

— Они не клиенты, — говорит Жизель, бросая мешочек с монетами на стол. — Клара, это Эш Фишер, Натали Бьюкенан и...

— Элайджа Теру, — представляется Элайджа.

— Им нужно где-то переждать. Они прячутся от Стражей, — объясняет Жизель.

При упоминании Стражей мадам Клара сплевывает, бормоча себе под нос проклятья. Она поднимается, немного поборовшись с артритом бедра, и машет нам, чтобы мы следовали за ней в заднюю комнату. Вскоре я понимаю, что магазин — лишь крошечная часть ветхого здания, которое занимает пять этажей. Каждая комната выкрашена в различные цвета радуги, стены пролетов лестницы разрисованы фресками, на которых изображены смеющиеся и бегающие десять детей.

Лукас дергает Элайджу за хвост и убегает вперед, желая продолжить игру в кошки-мышки. Элайджа смеется и бежит за мальчиком. Их поведение заставляет меня улыбнуться. Я замечаю, что Эш смотрит на меня. Он отворачивается, на его лице — боль.

— Почему здесь столько детей? — спрашиваю я, когда мы поднимаемся по скрипучей лестнице на третий этаж. У меня не укладывается в голове, что все они дети Клары, она слишком стара для того, чтобы быть матерью.

— У мадам Клары здесь убежище, — объясняет Жизель. — Все дети, кто находятся здесь, сбежали из дому по той или иной причине. Она забирает нас с улиц.

Это объясняет карманные кражи. Ей нужны деньги, чтобы содержать всех этих детей, по той же причине Эш торговал Дурманом, чтобы помочь отцу. Мадам Клара показывает нам две совмещенные комнаты с голым деревянным полом и яркими шелковыми занавесками, которые драпируют синие стены. Прямо, напротив нас, широкое окно, которое ведет на балкон с цветами в горшках. Справа от нас кровать, застеленная одеялом ручной работы, а слева — простые латунные ванна и раковина. Это немного, но после такого количества ночей, проведенных в поезде, да грузовике, комната похожа на рай.

— Для тебя с Эшем, — говорит мне мадам Клара. — Одежда в шкафу, если захочешь переодеться. Элайджа может спать рядом с Лукасом и мальчиками.

Жизель улыбается Эшу.

— Моя комната в конце коридора, на случай, если я тебе понадобится.

Она дефилирует по коридору вслед за мадам Кларой, слегка покачивая бедрами. Эш ухмыляется одним уголком рта, наслаждаясь видом. Меня охватывает ярость и, по дороге в комнату, я чертыхаюсь себе под нос.

Я открываю балкон, чтобы впустить немного свежего воздуха, потом сажусь на кровать и разуваюсь, пока Эш бежит в ванную. Это впервые со времени Бесплодных земель, когда мы остаемся наедине, и это кажется странным. Между нами уже существует напряженность, и день ото дня эта стена становится все выше. Эш смотрит так на меня порой, что кажется, будто он хочет о чем-то спросить, но потом передумывает. Мои нервы натянуты как струны. Я боюсь, что он спросит о том разговоре между мной и Элайджей в лаборатории, и я не знаю, что ему сказать, если он все-таки решится.

— Натали? — наконец произносит он.

У меня сводит живот.

— Да?

Он смотрит на меня с такой напряженностью, что я чувствую, как меня прожигает его взгляд. Наверное, Эш заметил, как напряглось мое тело, потому что он отводит взгляд.

— Ничего, — бормочет он. — Хочешь пойти помыться первой?

— Нет, иди ты, — говорю я.

Он тащит ширму через всю ванную и раздевается за ней. Я вижу его через зазоры в панелях — изгиб мышц, плоский живот, обнаженное бедро. Мое сердце щемит от тоски. Потом раздается всплеск воды, когда он залезает в ванную.

Меня пронзает боль. Я опускаю взгляд и понимаю, что впиалась ногтями в свои ноги. Я быстро убираю руки, чувствуя растерянность. Я закручиваю свои волосы в пучок и снимаю черные одежды, топ и штаны, и на мне тем самым остаются только лифчик и трусы. Я подхожу к шкафу и обнаруживаю в нем три платья. Я выбираю бирюзовое платье в народном стиле, со спущенными длинными рукавами, открывающими мои плечи, с плиссированной юбкой расшитой маленькими золотыми монетками. Я расстилаю его на кровати и начинаю расстегивать перламутровые пуговицы.

Еще один всплеск воды, за которым следует шлепанье босых ног по деревянному полу. Я оборачиваюсь, и сердце мое бешено колотится. Эш стоит всего в каких-то дюймах от меня. Водяные бисерки змейкой стекают по его обнаженному торсу, скользя мимо пупка вниз... Я, сглатывая, краснею. Он протягивает руку и кладет её мне на бедро. Я не могу ни на чем сосредоточиться, кроме его пальцев на своей коже.

Долгое мгновение он ничего не делает, просто смотрит на меня, молча и неуверенно. Через распахнутую балконную дверь врывается теплый бриз, развивая его влажные волосы. Наконец, он притягивает меня к себе, и опускает голову. Поцелуй медленный, прекрасный, настойчивый и я мгновенно теряю контроль. Я погружаю свои пальцы в его чернильный волосы и притягиваю его к себе ближе, делая наш поцелуй глубже. Капли воды на его теле проникают сквозь мой льняной лифчик, заставляя мурашки появиться на моей коже, но мне все равно, все, на чем я могу сосредоточиться — это его рука, скользкая по моей спине. Она спускается все ниже по спине.

— Я скучал по тебе, — бормочет он, его пальцы, скользят под эластичный пояс моего нижнего белья.

Я заражена вирусом Разъяренных.

Эта мысль будто бьет пощечиной наотмашь, да так сильно, что я резко отклоняюсь назад, хватая ртом воздух. О Боже, о Боже, о Боже. Как же я могла быть настолько безрассудной? Я смотрю на него, у меня из глаз брызжут слезы.

— Что я сделал не так? — На его лице отражается такая мука.

Я закрываю рукой рот, пытаюсь подавить рыдание, что собирается разразиться в любую секунду. Как я могла быть такой глупой? Я могла заразить его!

Он стоит там мгновение, оглушенный и растерянный.

— Это из-за шрамов? — тихо спрашивает он.

— Нет! Боже, я же говорила тебе, что мне все равно, есть у тебя шрамы или нет. — Я моргаю, пытаюсь прийти в себя.

— Тогда в чем дело?

— Я... — Я не знаю, как закончить предложение. У меня вирус, я умру, и я люблю тебя, и скоро меня не станет, и мне очень, очень, очень жаль...

Он хватается с пола свою одежду и натягивает её на себя.

Я следую его примеру.

— Эш..

Он отталкивает меня и вихрем вылетает из комнаты, захлопывая за собой дверь.

— Прости, — шепчу я.

Я опускаюсь на пол и захлебываюсь слезами.

Глава 27

НАТАЛИ

Спустя примерно час, после принятия ванны, я спускаюсь по лестнице одетая в бирюзовое платье. Монеты, рассыпанные по подолу юбки, звенят, когда я иду, заставляя меня чувствовать себя бодрее, чем есть на самом деле. На шее у меня висит золотой кулон, который Эш подарил мне на день рождения. Мое обручальное кольцо висит на цепочке, и я прячу его с глаз долой в декольте.

Я обнаруживаю всех на кухне, за просмотром новостей по Си-Би-Эн. По портативному цифровому экрану мадам Клары рассказывают о захвате Сигура. Я присаживаюсь за большой дубовый стол. В кухне тепло и уютно, на полу терракотовая плитка, деревянные шкафы раскрашены красочными рисунками похожими на фреску в коридоре. По шкафам развешаны пучки высушенных трав, на полках рядами выставлены банки с листовым чаем.

Хотя мадам Клара и не может видеть, она, готовя простое блюдо из риса на ужин, легко перемещается по кухне, огибая Лукаса. Лукас же сидит на полу, скрестив ноги, завязывая красную ленточку на хвосте Элайдже, на котором и так уже полным-полно ярких бантов. Жизель смеется, гоня его прочь.

— Ты, надоеда, иди-ка поиграй в сад, — говорит она.

Лукас показывает ей язык и убегает к остальным детям.

Рука Жизель тянется за банками, которые она следом выставляет на стол. Она переделалась в желтое платье, по форме напоминающее тюльпан, которое ладно сидит на её фигуре, а в свои рыжие волосы она вплела ярко-оранжевые перья. Там, где её ударил охранник, по щеке расплылся синяк.

Эш сидит в углу комнаты и стоически смотрит репортаж. Он поднимает глаза, когда я присаживаюсь рядом.

— Они держат Сигура в допросной Центрума, — говорит он бесцветным голосом. — Он будет подвергнут суду на следующей неделе за участие в поджоге Блэк Сити.

— Он все еще жив, и это хорошо, — говорю я, стараясь смотреть с положительной стороны. — Может быть, Роуч пошлет группу, чтобы его освободить?

— Не говори глупостей. Никто никого никуда не пошлет. Это слишком опасно, — возражает Эш. — Лучше бы он умер.

Я проглатываю свой ответ, ужаленная его резкими словами. Элайджа приподнимает брови и смотрит на меня с любопытством.

Жизель садится на край кухонного стола рядом с Эшем и начинает писать какие-то названия для банок, наполненные чем-то по виду напоминающие грязь. Золотые кольца на пальцах её ног поблескивают, когда она проводит ногой по его ноге. Я не знаю, случайно ли это получилось или нет, но Эш, к счастью, убирает свою ногу, прежде чем успела перегнуться через стол и выдернуть перья из её волос.

Элайджа откручивает крышку одной из банок и нюхает её содержимое. Он морщится.

— Что это? — спрашивает он, вращая банку в руке.

— Ночной шелест, — объясняет Жизель, завинчивая крышку на банке. — Мы добавляем его в чай — это помогает расслабиться. Он довольно мощный, но у моего народа к нему естественный иммунитет, так что он не оказывает на нас такого же эффекта, как на остальных. Мы просто хорошо спим после него.

Экран пищит и на мониторе возникает герб Стражей, со словами: ПОСЛЕДНИИ НОВОСТИ. Все замолкают, когда Эш прибавляет звук.

— Граждане, мы прерываем программу срочным выпуском новостей, — говорят «Февральские поля». — Стало известно, что в перестрелке в Иридиуме был убит предатель, известный под именем Феникс. Еще раз, предатель известный под именем Феникс — мертв.

Все ошеломленно застывают, нам требуется время, чтобы осознать услышанное.

— Как Феникс может быть мертв? — озадаченно спрашивает Жизель. — Ты же здесь.

Эш чуть слышно стонет.

— О, нет, — бормочет он.

— Теперь Пуриан Роуз делает заявление для нации, — сообщают «Февральские поля».

Спустя мгновение на экране появляется Пуриан Роуз. Он подходит к трибуне на балконе Золотой цитадели, с которого открывается вид на городскую площадь в Центруме. За его спиной развивается стяг Стражей. Он одет в церемониальные одежды, и хотя глаза его устремлены вперед и смотрят прямо в камеру, на губах играет едва заметная ухмылка.

Тысяча граждан-Стражей, собравшихся на городской площади под балконом, приветствуют Роуза. На многих из них белые одежды Пилигримов, их головы гладко выбриты, но остальные одеты по последнему слову моды — на женщинах яркие корсеты и шляпы с перьями, на мужчинах длинные фраки и шелковые жилеты.

Роуз обращается к толпе, кратко рассказывая, с каким-де темными временами они столкнулись, и говорит, что время лишений и трудностей закончилось. Восстание потерпело поражение. Лжепророк Феникс мертв. Эш не был бессмертным, он не был мессией. Он был всего лишь мальчиком.

Вещание прерывается кадрами перестрелки в Иридиуме, которая происходила внутри гетто Дарклингов. Сложно что-либо рассмотреть из-за дыма и дождя, но даже при такой видимости, нельзя не заметить тысячи тел — Стражи, Дарклинги — нагроможденные друг на друга, упавшие там, где были расстреляны. Они не лгали, сказав, что это была резня. Неожиданно в кадре появляется высокий парень с черными волосами, в куртке и пепельной пудре на лице. Это Эш! Правда, я-то знаю, что это Ник.

Он бросается прямо к гвардейцу Стражей, который целится женщине в голову. Я не могу разглядеть её лица, но из-за длинного рыжего хвоста ошибиться невозможно.

Я вскрикиваю:

— Джуно!

Прежде чем Ник успевает добраться до неё, детонирует бомба. В воздухе разлетается грязь и куски плоти, засыпая поле битвы дождем из крови. Когда пыль оседает, на том месте, где стоял Ник — воронка. От него не осталось ничего, что можно было бы опознать. Рядом лежит ничком Джуно, в луже крови, не шевелясь, и рядом же гвардеец Стражей, так же мертвый.

Вновь показывают городскую площадь Центрума. Люди кажется ошеломлены. А потом они осознают, что их снимает камера и все они, как по команде, начинают ликовать. Роуз заканчивает речь, предупреждая, что его силы не успокоятся, пока все оставшиеся мятежники не будут выслежены и уничтожены. Никто не будет угрожать этой великой нации. Трансляция заканчивается гербом Стражей и словами: ЕДИНАЯ ВЕРА, ЕДИНА РАСА, ЕДИНАЯ НАЦИЯ ПОД ПРАВЛЕНИЕМ ЕГО МОГУЩЕСТВА.

Мы все в шоке, чтобы кто-то заговорил первым, поверженные гибелью Ника и уверенностью в том, что Джуно либо мертва, либо серьезно ранена. В связи с чем, я начинаю

так же очень переживать за Эми и Стюарта. Удалось ли им живыми покинуть город?

Эш наклоняется на своем сидение вперед, охватывая голову руками. Мне хочется его утешить, но не думаю, что мое проявление нежности будет принято, после того, что случилось наверху.

Элайджа встает.

— Мадам Клара, можно мне позвонить? Я хочу связаться со своей семьей.

— Телефон в гостиной, — отвечает она.

Элайджа покидает комнату, и дверь за ним закрывается.

— Что подумает папа?! — тихо говорит Эш. — Он будет очень переживать.

— Он догадается, что это был не ты, — успокаиваю я его. — Он знал, что Ник путешествовал вместе с Джуно.

Эш отъезжает на стуле назад.

— Пойду наверх.

Я поднимаюсь, собираясь идти за ним.

Он холодно смотрит на меня.

— Мне не нужна компания.

Я вздрагиваю, но чего я могла ожидать? Я очень оскорбила его чувства. Он уходит из комнаты, хлопая за собой дверь. Жизель вскакивает на ноги и выключает монитор.

— По крайней мере, они считают Эша мертвым, — говорит Жизель. — Они не придут сейчас искать его во Фракию.

— Жизель! — с упреком говорит мадам Клара. — Этот мальчик был их другом.

Жизель прикусывает нижнюю губу.

— Извини, я всегда сначала говорю, а потом думаю.

— Ничего, — говорю я сдержанно. — Прошу меня извинить. Я пойду, поищу Элайджу.

Я иду по коридору, думая над словами Жизель. Мне ненавистно это признавать, но в какой-то мере, смерть Ника, это хорошие новости. Если эти гвардейцы скажут, что видели его здесь, то люди подумают, что они ошиблись, потому что Пуриан Роуз провозгласил на всю страну, что Феникс мертв. Я заглядываю в комнаты, пока не нахожу гостиную. Это небольшая, но уютная комната, с роскошными розовыми стенами и мерцающими тканями, накинутыми на стулья и шезлонг.

Элайджа сидит на подоконнике, тихо разговаривая по телефону. Он кажется взволнованным.

— Я знаю, что поставлено на карту.. я буду так скоро, как только... — Элайджа пробегает пальцами по своим темно-каштановым волосам. Он замечает меня в дверном проеме. — Мне нужно идти.

Он вешает трубку.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

— Мой отец лишь в очередной раз повел себя как придурок. Ничего нового.

— Уверена, он просто хочет заполучить в свои руки «Ора». Мы все хотим, — говорю я. — Возле Виридуса еще видели дирижабли?

— Нет, к счастью, — говорит он. — Мне кажется, Пуриан Роуз ждет, пока они не соберут всех неголосовавших, а уж потом он сделает поправку к «Закону Роуза» и придет за нами.

Я киваю. Мой папа всегда говорил, надо решать вопросы по мере их поступления, а Пуриан Роуз терпелив. Не похоже, что какая-то горстка из тысячи Бастетов представляла

угрозу для него, а значит, нет необходимости тратить ресурсы, когда его руки заняты другим.

Мы возвращаемся на кухню, где стол накрыт к ужину. Я сажусь, когда мадам Клара перекладывает в пиалу рис и ставит её между нами. У меня нет аппетита.

Нас обслуживает Элайджа, он кладет по несколько ложек риса на тарелки для каждого. Он замечает, что я смотрю на него, и тут же садится, при этом его шея сильно краснеет, хотя я и не понимаю почему. Чего он застеснялся? Он был таким милым!

— Элайджа рассказал нам о «Десятом» и что вы ищете его мать, — говорит мадам Клара. — Вы думаете, что она остановилась в месте под названием «Лунная звезда»?

— Да. Слышали о таком? — спрашиваю я.

— Нет, мне очень жаль, моя дорогая, — отвечает мадам Клара. — В городе тысячи таверн.

— Хотя, их названия имеют тенденцию описывать некоторую отличительную особенность здания, — встревает Жизель. — Например, у «Алого Солнца» есть ярко-красное солнце, нарисованное на двери, у «Ведьминой шляпы» — крыша в форме заостренной шляпы, ну и в таком духе.

— А не удобнее бы было просто сделать вывеску снаружи? — спрашиваю я.

Мадам Клара смеется.

— Так в этом же и состоит все веселье — выяснение названия места. У вас всего одна попытка угадать название. Если вы угадываете, то получаете от бармена рюмку бесплатногопряного Шайна.

— Может название таверн могло быть написано хотя бы на меню? — спрашивает Элайджа.

— Могло бы, но большинство торговцев либо неграмотные, либо больше обращают внимание на симпатичных официанток, чтобы обратить на это внимание, — говорит Жизель.

— Местные наверняка довольно часто получают бесплатную выпивку, — бормочет Элайджа.

Жизель смеется.

— Получаем. Но взамен, мы приводим в таверны торговцев и развлекаем их там, поэтому они остаются и покупают много выпивки. В конечном счете, они почти всегда арендуют одну из комнат в таверне, чтобы отоспаться. Так что, все в выигрыше.

Элайджа перехватывает мой взгляд и хмурится. Процесс поиска, таким образом, сильно замедлится.

Я вздыхаю, отодвигаю тарелку в сторону.

— Я собираюсь поискать «Лунную звезду».

— Нам стоит позвать Эша? — спрашивает Элайджа.

— Я бы предпочла, чтобы он остался здесь.

Элайджа не давит на меня, мы просто надеваем капюшоны и выходим в город.

Глава 28

НАТАЛИ

СОЛНЦЕ УЖЕ НАЧАЛО клониться к закату над Зеркальным городом, от чего все городские панели сияли желтизной. Все в городе манит смехом и музыкой, льющейся из таверн, и дети носятся по улицам, весело гоняясь друг за другом. Как же это разнится с моим настроением. У меня все так же стоит перед глазами Ник, а живот крутит.

— Ты в порядке? — спрашивает Элайджа, когда мы сворачиваем на Шафрановую улицу.

— Нет, — признаюсь я.

— Жизель, милая девушка, не правда ли? — говорит Элайджа, явно желая меня отвлечь от мыслей о Нике и остальных.

— Не особо, — говорю я.

Элайджа ухмыляется.

— Ревнуешь?

— Нет! — говорю я, а потом опускаю взгляд вниз. — Может быть. Мне не нравится, как она пялится на Эша.

— Ну, тебе пора бы к этому привыкнуть, красотка. Он теперь знаменитость.

Пару купцов громко поют, когда проходят мимо нас, их лица, красные от солнечных ожогов и слишком много выпитого пряного Шайна. Я натягиваю капюшон пониже.

— Итак, голубки, что у вас там происходит? — спрашивает Элайджа, когда мы бродим по улице. — Между вами, похоже, еще больше напряжения.

— Ничего, — бурчу я, а потом спешно добавляю. — Мы целовались, и он хотел большего, а я не могла, потому что больна, теперь он обижен. — Я краснею. Мне очень неловко рассказывать о своей сексуальной жизни или её отсутствии Элайдже.

— О, — говорит он. — Может, пора ему сказать, что ты...

— Даже не заикайся, Элайджа, — говорю я.

— Натали...

— В прошлом году, я потеряла всех, кого любила. Поэтому, я пока еще не готова потерять и Эша.

— Это эгоистично, — говорит он. — И ты причиняешь Эшу боль тем, что не рассказываешь.

— Знаю, — шепчу я. — Но я еще не готова его отпустить. Я еще не достаточно сильна для этого.

— Ну, если ты собираешься продолжать эту шараду, то, по крайней мере, прекрати посылать ему непонятные сигналы, — отвечает Элайджа. — Это жестоко так себя вести с ним, если ты собираешься его бросить.

Я грызу ногти, ничего не говоря. Он прав, конечно. Это нечестно, давать Эшу надежду, когда её нет.

Элайджа кивает на ближайшую таверну с зеленой дверью, сделанную из веток.

— Может, зайдём? — спрашивает он.

— Ну, нам же надо с чего-то начинать, — говорю я.

Он придерживает дверь, когда мы входим внутрь.

Таверны забиты купцами всех слоев общества — кто-то одет в изысканные шелковые

рубахи, при карманных часах и фраках, другие — в тряпье, их натруженные руки обнимают бокал с пряным Шайном. Но все весело беседуют друг с другом, будто между ними и нет никаких различий. Когда мы подходим к бару, народ едва замечает нас, плясь в меню, но даже, несмотря на это, мы опускаем головы ниже, натянув поглубже капюшоны.

К нам подходит кудрявая шатенка-официантка с пышными формами. Её губы покрашены медным цветом, а светящиеся карие глаза густо подведены черным цветом. Она одета в типичное народное платье, как мое, за исключением того, что её платье облегает фигуру плотнее, чем мое — что не осталось незамеченным Элайджей.

— Как меня зовут, купец? — говорит она с сильным Фракийским акцентом.

Элайджа замечает дощечку с расценками у лестницы:

— Оливковая ветвь, — говорит он, переводя название с Фракийского.

Официантка улыбается и наливает две рюмкипряного Шайна, а затем ставит их перед нами. Он поднимает рюмку с янтарной жидкостью.

— За Ника и Джуно.

Я колеблюсь, но потом поднимаю все-таки свою рюмку.

— За Ника и Джуно.

Мы опрокидываем нашу выпивку в рот и проглатываем всю жидкость в один присест. Я хватаю ртом воздух, когда та обжигает мне горло. Вкус неприятный, но эффект мгновенный. Я уже чувствую себя расслабленной. Это приятно. Последние несколько дней были настолько ужасными, что мне хочется забыть обо всем хотя бы на пару часов.

Элайджа поворачивается к барменше.

— Не знаете, где мы можем найти «La Luna Estrella»?

— Нет, милый, — отвечает она. — Но почему бы тебе не остаться здесь и не выпить еще стаканчик?

— В другой раз. — Элайджа подмигивает ей, берет меня за руку и ведет меня на выход.

Она бросает нам вслед ругательства... мы не поддержали правила игры.

Мы направляемся в соседнюю таверну, которая находится через несколько дверей от нас. Эта называется «Желтая утка». Еще один тупик. Мы спешим в трактир на соседней улице, потом на следующей, и на другой. Мы посетили двадцать баров за три часа, позволяя себе выпивать только в каждой пятом, и то я чувствую, как у меня начинает кружиться голова. Это классно.

Я беру Элайджу под руку, когда мы шагаем по оживленной улице. Никто на нас особо не обращает внимания; Фракия — город чужестранцев. Я удивлена, что на улице разгуливает столько людей с наступлением темноты, но, наверное, в связи с отсутствием Дарклингов нет причин устраивать комендантские часы, как это было в Блэк Сити.

Мы входим на Плазу Тимьян, которая меньше площади Специй. В середине площади находится богато украшенный мраморный фонтан, увенчанный статуей двух влюбленных, сплетенных в объятиях. У их подножья гнездятся голуби. Когда мы проходим мимо них, они взмывают в небо.

— Арх! Отвалите от меня, — говорит Элайджа, отмахиваясь от птиц.

Я не собиралась смеяться, но не смогла сдержаться, и смех все-таки сорвался с моих губ.

— Это не смешно, — сказал он ворчливо.

— Извини, — говорю я в ответ, вынимая серые перья из своих волос. — Но если честно, почему тебя так пугают птицы? Они же милые.

— Нет, в них нет ничего милого! У них эти ужасные, бусинки глазки и отвратительные когтистые ноги. — Он вздрагивает, а я снова смеюсь. — Они делают вот так, — говорит он и хватает меня.

Он щекочет меня, и я уже едва могу дышать от смеха.

— Извини, извини, — задыхаюсь я.

Он смеется и отпускает меня.

— Наверняка есть нечто такое, чего и ты боишься.

— Ага, вирус, — говорю я надломленным голосом.

Элайджа прижимает меня к себе, и я в ответ прижимаюсь щекой к его груди.

— Я позабочусь о тебе, Натали. Тебе не придется проходить через это в одиночку, — бормочет он.

Его руки ненадолго обнимают меня крепче, прежде чем отпустить меня. Я удивлена, как быстро бьется мое сердце.

— Давай проверим следующую таверну, — говорю я, замечая здание с синей дверью.

Мы заходим внутрь. На это раз барменша - блондинка, со светло-зелеными глазами. Меня охватывает волнение, а вдруг это Эсме, но потом я вспоминаю, что та сидела в кресле-каталке и на сегодняшний момент ей должно быть лет сорок, а то и пятьдесят, а этой женщине около тридцати. Барменша подходит к нам и её улыбка чуть меркнет. Какое-то мгновение, мне страшно, что она узнала нас, несмотря на капюшоны. Но затем она вновь улыбается.

— Как меня зовут, торгош? — спрашивает она.

Элайджа глядит на доску с ценами.

— Розовое яблоко.

В награду мы получаем две бесплатных рюмкипряного Шайна.

— Мы ищем таверну под названием «La Luna Estrella». Не слышали о такой? — спрашивает он её.

Она качает головой. Даже, если она что-то и слышала, сомневаюсь, что рассказала бы нам.

— Наслаждайтесь выпивкой, — говорит она, игриво подмигивая Элайдже, который подмигивает в ответ. По какой-то идиотской причине, я чувствую ревность.

Элайджа присаживается и выпивает свой алкоголь.

— А разве нам не нужно идти дальше? — спрашиваю я.

— Ты выглядишь уставшей, — говорит Элайджа

— Ну, спасибо, — бормочу я.

— Ты меня прекрасно поняла. Мы можем продолжить наши поиски с рассветом.

— Уверен? Мне несложно продержаться еще несколько часов... — неуверительно бормочу я. Я опустошена.

Он кривовато улыбается мне и пододвигает мне табурет.

Я сажусь.

— Хорошо, еще один стаканчик, а потом мы вернемся к мадам Кларе.

Один стаканчик вскоре превратился в два, потом в три, следом в четыре, и я уже потеряла счет времени, но сложно следить за временем, когда выпивка следует одна рюмка за другой. Я даже не помню, как мы заказывали их, позволив себе пить за счет заведения, но барменша, похоже, была рада подливать нам. Элайджа неустанно развлекал меня, рассказывая смешные истории о рыбалке в Виридесе и о трех своих братьях.

— Итак, дай-ка я проясню для себя, — говорю я. — Ацелот твой старший брат?

Он кивает.

— Он славный. Всегда его любил. Потом идет Донатьен, мамин любимчик, и, наконец, Марсель, мой младший брат. Вот он настоящая задница.

— А почему никто из них не пошел с тобой, чтобы помочь в поисках вашей мамы? — спрашиваю я. — Разве они за неё не переживают?

— Нет, но она не их мать. Ацелот, Донатьен и Марсель мои сводные братья, — объясняет Элайджа, опрокидывая в рот еще одну стопку. — У нас сложные взаимоотношения.

— Мне это знакомо, — говорю я. — Моя мама изменяла отцу, и Полли мне... была... сводной сестрой.

Он грустно мне улыбается.

Барменша вновь наполняет наши рюмки. Она нервно поглядывает себе через плечо на дверь, так что я несколько резко оборачиваюсь, чтобы понять, что же она высматривает, и чуть не падаю с табурета. Я смеюсь, когда Элайджа подхватывает меня.

— Ладно, красотка. Пора забирать тебя домой, — говорит он.

— Может еще по рюмочке? — спрашиваю я.

— Нет, нам уже хватит.

Я изображаю надутый вид, а он хохочет.

— Утром ты будешь об этом сожалеть, — говорит он.

— Мне все равно, — говорю я. — Живем лишь раз, верно?

Я тянусь за своим алкоголем. Мои руки замирают у рюмки. Медовая жидкость вибрирует. У меня в голове раздается щелчок, и я мгновенно трезвею. Я как-то уже видела такое и знаю, что это означает. Я прислушаюсь. На фоне грохота музыки и болтовни купцов раздается ни с чем не спутываемый гул — Эсминца.

— Нам нужно убираться отсюда, — говорю я, отталкивая свой табурет.

Мы мчимся на улицу и останавливаемся, как вкопанные. Звезды над головой закрывают собой пять Эсминцев, зависших над городом. Но не от их вида стынет кровь в моих жилах. А припаркованный на Тимьяновой площади Транспортер. Люк открывается, и из Транспортера выходят Гаррик и розово-волосая Люпин, Саша, клацая подошвами сапог со стальными носками о мостовую. Откуда они узнали, где мы? Барменша! Это она рассказала Стражам. Вот почему она все подливала нам и подливала — она старалась нас задержать до прибытия Люпинов.

Гаррик поднимает вверх воротник своего серого пальто и нюхает воздух. Его голова поворачивается в нашем направлении, его серебристые глаза мерцают во тьме.

— Бежим! — говорю я Элайдже.

Мы мчимся вниз по загруженному людьми переулку, пробиваясь сквозь толпы, ударяясь о плечи, стараясь бежать как можно быстрее. Мир вспыхивает цветом и моргает огнями, и у меня в ушах звенит от музыки и гула, издаваемым Эсминцами. Все будто в тумане, словно я во сне, но я понимаю, это всего лишь эффект алкоголя и адреналина.

В меня врезается мужчина и капюшон слетает с моей головы, но у меня нет времени натянуть его обратно, когда Элайджа тащит меня вперед. Еще больше людей высыпает из трактиров на улицу, поскольку уже весь город знает, что к ним пожаловали Эсминцы. К счастью, все они смотрят вверх, а не на нас, спешащих прочь.

Я рискую взглянуть через плечо. Гаррик и Саша находятся в конце улицы, внимательно

осматривая море лиц, в поисках наших. Они оба почти на два фута выше остальных, так что легко могут оглядеть толпу. Саша замечает меня.

— Вон! — восклицает она.

Они грубо расталкивают людей, когда спешат к нам.

Люди отрывают взгляд от неба и смотрят на Люпинов, расталкивающих их со своего пути. Гаррик с Сашей набирают скорость, они вот-вот нас схватят!

Трактирная дверь распахивается и на улицу вываливается группка пьяных лавочников, перегораживая им дорогу. Люпины врезаются в мужчин. Все в кучу валяется на тротуар, кричат и проклинаят друг друга. Гаррик что-то выкрикивает, но я не слышу что именно, потому, что Элайджа хватает меня за руку и уводит на задворки переулка. Там темно и тихо. Возле здания башней выстроены ящики, а мусорные баки заполнены мусором. Он отпускает мою руку и проворно вскакивает на ящики, а затем взбирается на крышу таверны. Я лезу на ящики, и он затаскивает меня на крышу. Моя нога соскальзывает с солнечной панели, но Элайджа успевает схватить меня именно в тот момент, когда в переулке оказываются Гаррик и Саша.

Я закрываю руками рот, пытаюсь приглушить свое нервное дыхание. Люпины прохаживаются по переулку, нюхают воздух. Они пытаются нас учуять, но, похоже, у них проблемы, в связи с запахом мусора от баков.

Солнечная панель под ногами начинает трескаться. Меня охватывает паника. Если панель сломается, я упаду.

Люпины доходят до конца переулка, затем поворачивают обратно и идут в нашем направлении. Солнечная плитка еще слегка трескается, и моя нога немного соскальзывает. Мое сердце подскочило вверх. Гаррик с Сашей под нами. Гаррик заглядывает через окно таверны, проверяя, нет ли нас внутри.

— Их здесь нет, — рычит он.

— Черт, — бормочет Саша. — Давай проверим другой переулок.

Они оставляют проход и вскоре смешиваются с толпой. Я убираю руки ото рта и выдыхаю. Все мое тело трясет озноб. Элайджа помогает мне подняться, и тогда мы быстро взбираемся по крыше. По всему городу моргают экраны, на мониторах появляется розовое лицо Пуриана Роуза.

Город умолкает.

— Граждане Фракии, как вы видите, Эсминцы над вашим городом, — говорит он. Это все начинает звучать пугающе знакомо. — От нашего внимания не ускользнуло, что все Даки вашего города недавно проголосовали против «Закона Роуза». В соответствии с новыми поправками к закону, это теперь классифицирует их как предателей расы, и они должны быть изолированы.

Элайджа бросает на меня обеспокоенный взгляд.

— У вас ровно семьдесят два часа, чтобы сдать всех Даков моим людям, или вы все понесете наказание, — говорит Пуриан Роуз. — Если у вас есть сомнения в моей искренности, я оставил для вас сообщение на Пряной площади. Приятного вечера.

Картинка прерывается живой трансляцией с Пряной площади. В центре на коленях стоят шесть Пилигримов одетые в белые сутаны «Истиной веры». Они читают что-то из Книги Творения, в то время как несколько Стражей-гвардейцев, включая Себастьяна, прохаживаются вокруг них, обрызгивая одежду паломников бензином.

— Что происходит? — говорю я. Меня медленно охватывает ужас. — Они же

Пилигримы, не Даки. Что они могли такого совершить?

— Ничего, — мрачно отвечает Элайджа. — В этом и смысл. Если Пуриан Роуз может сделать это с самыми преданными своими последователями, представь, что он может сделать с остальным народом Фракии, если они послушаются его и не выдадут Даков?

Гвардейцы отходят, Себастьян берет зажженный факел и бросает его в Пилигримов. Их мгновенно пожирает пламя, но ни один из них не вскрикнул — только восхваление Пуриана Роуза слетает с их губ.

Итак, Роуз посылает нам сообщение: вот на что я способен! Представьте, что грозит народу Фракии, вздумай он послушаться.

ДОМ СТРОИТ вверх дном. Все дети вместе с Лукасом носятся туда-сюда, собирая одежду и игрушки, готовясь скорее бежать из города. Я помогаю Жизель подтащить книжный шкаф к двери, в то время как мадам Клара заколачивает ставни. Мы видели послание Пуриана Роуза полчаса назад, и возле дома уже появилось несколько человек, готовые вломиться внутрь. Мне кажется, они не знают, что я здесь, иначе к нам бы уже ворвались огромной толпой и четвертовали.

Я бросаю взгляд на напольные старинные часы. Прошло одиннадцать часов.

— Натали упоминала, когда вернется? — спрашиваю я Жизель.

Она качает головой, когда подтаскивает пару стульев, помещая их перед шкафом, для укрепления баррикады.

Я кладу руку себе на грудь и чувствую устойчивый пульс под своей ладонью. Натали жива. Это все, что мне известно. Если бы это было не так, мое сердце перестало бы биться. Как только мадам Клара с детьми будут в безопасности, я отправлюсь на поиски Натали. А потом... не знаю, что потом. Буду решать проблемы по мере поступления.

Еще один громкий стук в дверь.

— Иди к черту! — выкрикнула Жизель мужчине на другой стороне. — Это всего лишь дети!

— Куда мы пойдем? — спрашиваю я мадам Клару, баррикадируя входную дверь еще большим количеством стульев.

— В Радужный лес, на окраине города, — отвечает она. — Мы можем укрыться у Нептуна.

— Кто такой Нептун? — спрашиваю я.

— Предводитель нашего народа, — отвечает Жизель. — В лесу у него коммуна. Они не сидят на одном месте, а все время переезжают, и поэтому их сложно отследить, если не знаешь что ищешь.

Похоже, это наша лучшая возможность обезопасить детей. Я снова смотрю на часы. Где же ты, Натали? Я бросаюсь к окну и отдергиваю в сторону штору. На противоположной стороне улицы, прямо напротив, монитор отсчитывает время: 71:28:14, 71:28:13, 71:28:12...

Я задергиваю штору, когда мимо окна по улице марширует взвод гвардейцев. Они прибыли на своих Транспортерах полчаса назад, сооружая баррикады, чтобы остановить людей от побега. Я не знаю, как мы собираемся выбираться отсюда.

Внезапно раздается удар по крыше, затем следует тут же второй.

Я бегу вверх по лестнице, Жизель за мной, и мы врываемся в мою спальню. На балконе стоят Натали и Элайджа. Я с облегчением вздыхаю, когда открываю дверь, и Натали бросается в мои объятия. Она явно измучена, я едва могу уловить её дыхание. От неё пахнет Шайном, как и от Элайджи — я даже отсюда чувствую запах. Так вот, значит, чем они занимались? Если бы это было любое другое время, я был бы в ярости от того, что Натали повела себя так неразумно, но она в безопасности, и мне сложно на неё злиться. И я только крепче её обнимаю.

Элайджа плюхается на матрас и проводит рукой по лицу.

— Чуть не попались.

— Что случилось? — спрашивает Жизель.

— Гаррик и Саша, — отвечает Натали. — Но нам удалось улизнуть. Мне жаль, Эш. Но теперь им известно, где мы.

— Ну, ты и я, — поправляет её Элайджа. — Они считают, что Эш мертв, не забыла? Внизу стучат еще сильнее.

— Ладно. Нам нужно уходить, — говорю я. — Мы идем в лес.

Натали встает на ноги.

— Хорошо. Пошли.

Я собираю свой вещмешок, в то время как Натали запикивает в свою сумку несколько платьев. Когда мы спускаемся вниз, мадам Клара уже ждет нас в коридоре с Лукасом и остальными детьми. Он все выглядят очень напуганными. В дверь колотят с новой силой. Деревянная рама начинает трескаться.

— Выходите, вы, Дакийское отродье! — крикнул один из мужчин, находящийся по другую сторону двери.

Дверь начала гнаться. Еще несколько минут, и они ворвутся внутрь.

— Как же мы отсюда выберемся? — спрашивает Натали.

— Через туннель для служебного персонала, — отвечает мадам Клара.

Она уводит нас обратно на кухню и отодвигает большой тяжелый дубовый стол. Под ним лежит овальный коврик. Жизель отпинывает его в сторону, открывая деревянный люк. Она поднимает крышку, чтобы показать шаткую лестницу, которая ведет в темный подвал.

Жизель хватается со стола лампу и помогает слепой женщине спуститься. За ней дети, следом идут Натали и Элайджа. Я возвращаю стол на место, затем ныряю под стол и забираюсь в подвал, закрыв за собой люк. В подвале стоит запах затхлости. В нем валяется сломанная и старая мебель. Элайджа помогает Жизель убрать несколько ящиков с пряным Шайном в сторону, чтобы освободить проход к металлической двери. Она скрипит, когда открывается, на пол летят ошметки ржавчины. По другую сторону двери туннель из красного кирпича, около семи футов в высоту и четыре фута в ширину. Он ведет в черную бездну.

Она входит в туннель, ведомая Лукасом и другими детьми. Мадам Клара хватается за ремешок моего вещмешка, чтобы вести меня и остальных. Как только Элайджа задвигает за нами стальную дверь, я слышу, как наверху ломается входная дверь.

В туннеле крошечная тьма, единственный источник света — лампа в руках Жизель. Воздух вокруг влажный и холодный, пол сырой от дождевой воды, которая просачивается сквозь раствор, скрепляющий кирпичную кладку. Детишки все берутся за руки, следуя за Жизель. Мадам Клара идет позади меня, самыми последними идут Натали и Элайджа.

Где-то мило мы идем в абсолютной тишине, единственные звуки, это шлепанье наших ног по лужам. Я прислушиваюсь, чтобы уловить — нет ли других шагов, но никто нас не преследует. Но это не значит, что мы в безопасности. Кто знает, что нас еще здесь ждет. Я думаю о Разъяренных псах, и вздрагиваю.

Над головой по дороге с грохотом проезжает грузовик и на мои волосы сыпется грязь с потолка. Я стряхиваю её.

— Куда ведут все эти туннели? — спрашиваю я мадам Клару.

— Большинство ведут к портам, — говорит она. — Купцы изначально использовали эти проходы, чтобы пронести товары в город на черный рынок. Но их давно забросили, потому что они не безопасны.

Над головой проезжает еще один грузовик, и передо мной в лужу падает кусок

штукатурки. Это совсем не смешно.

Жизель столько раз сворачивает в этих туннелях, что я уже окончательно потерялся, где мы. Здесь запросто можно заблудиться. В этой зловещей тишине, резко контрастирует жизнь города над нами. В городе столпотворение. Люди бегут, кричат, иногда слышатся автоматные очереди. Вновь повторяется то, что погубило Блэк Сити.

Я смотрю через плечо на Натали, чтобы убедиться, что она в порядке. Она выглядит очень изможденной, она еле волочит ноги по лужам, кожа блестит от пота, несмотря на то, что довольно прохладно. Я беспокоюсь, что она приболела, но потом вспоминаю, что она всю ночь выпивала, не говоря уже о том, что ей пришлось убежать от Гаррика. Не удивительно, что она устала. Она тяжело прислоняется к Элайдже, который обнимает её за талию. Мои клыки пульсируют. Он замечает мой взгляд и резко отдергивает руку.

Жизель сворачивает направо. Этот туннель гораздо меньше и идет слегка под откос; мне приходится чуть наклонить голову, чтобы не удариться головой о потолок. Мы идем по коридору несколько сотен ярдов. Чем дальше мы идем, тем тише над нами становится город, пока, наконец, совсем не умолкает. Мы добираемся до лестницы и оказываемся в заброшенной лачуге, которая ведет в Радужный лес.

Даже в лунном свете сразу же видно, почему лес получил такое название. Он густо засажен эвкалиптовыми деревьями, чья кора, будто лоскутное одеяло ярких цветов: лимонно-зеленый, оранжевый закат, фиолетовый аметист, морской синий, темно-бордовый, между которыми встречается несколько ярко-зеленые хвойных деревьев и деревья Кэрроу, с их знаменитыми янтарными листьями в форме звезд.

Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на город под нами. Мы на холме, так что с этой точки зрения, я вижу в большую часть Фракии. Тысячи людей бегут по улицам, в то время как поток Транспортеров доставляет еще больше взводов для защиты города. Каждые несколько секунд из пулемета летит *тра-та-та*. Сумасшедший дом и посреди этого всего, где-то там «Лунная звезда». На мои плечи давит непосильный груз — понимание того, что миссия завершена. Нам не остается больше ничего, как только к чертям убраться из Фракии.

МЫ УГЛУБЛЯЕМСЯ в лес, оставляя Фракию как можно дальше позади. Натал смотрит на меня, её выражение лица отражает разочарование моего собственного. Как нам разбить Пуриана Роуза, когда нас всего лишь горстка? Элайджа идет рядом с ней, его голова опущена, без сомнения он думает о своей маме. Натали, стремясь его утешить, кладет ладонь на его руку. Вроде бы это такое невинное прикосновение, но все же оно заставляет ёкать мое сердце.

— Почему Роуз делает это с нами? — спрашивает Жизель рядом со мной.

— Не знаю, — говорю я, с трудом отрывая взгляд от Натали и Элайджи. — Мне кажется, он боится всего, что не похоже на него.

— Поэтому решил – перебить нас всех до единого? — спрашивает Жизель. — Чем так напуган, что вынужден прибегнуть к этой крайности? — Она смотрит в сторону Эсминцев в ночном небе.

— Понятия не имею, — отвечаю я. — Невозможно понять, что творится у него в голове.

— Я не позволю им забрать Лукаса или кого-то из детей в «Десятый», — говорит Жизель. — Я скорее перережу им глотку, чем позволю их продать в рабство или усыпить, как каких-то вредителей.

Жестокость ее мысли больно ударяет по мне. Жизель останавливается и поворачивается ко мне, ее серые глаза сверкнули.

— Я хочу начать свое собственное повстанческое движение здесь, во Фракии, — говорит она. — Ты мне поможешь?

Я обдумываю её предложение. Может быть, я не смогу найти «Ора», но все еще смогу помочь восстанию. Я должен что-то сделать. Какой смысл быть Фениксом, если я не могу восстать против Стражей и сражаться с ними?

— Хорошо, — говорю я. — Помогу.

В течение следующего часа мы пробираемся через лес. Мы с Жизель тихонько переговариваемся по поводу наших планов, относительно восстания, в то время как Натали и Элайджа замыкают нашу группу и разговаривают о чем-то своем.

Я начинаю понимать, что имела в виду мадам Клара, говоря о том, что никто не найдет нас в лесу. Такое ощущение, что идем уже вечность, и все вокруг кажется одинаковым. Легко можно потеряться. Жизель остановится возле одного из деревьев и проводит пальцами по цветной коре, обнаруживая маленький круг, вырезанный в древесине.

— Они на Круглой поляне, — говорит она.

Жизель ведет нас вверх по крутому склону, и мои мышцы стонут от напряжения. Я не знаю, как справляется мадам Клара. Я смотрю через плечо на пожилую женщину, которая держится за руку Лукаса и посмеивается над одной из его шуток. Остальные дети скачут вокруг неё, теперь, когда мы в лесу, их страх исчез, как ни бывало.

— Что случилось с её глазами? — спрашиваю я Жизель.

— Нептун их вырезал.

Я останавливаюсь как вкопанный.

— Что? Почему?

— Мадам Клара влюбилась в женщину, а Нептун отнесся к этому не очень хорошо.

— Черт подери, — бормочу я, гадая, неужели нельзя было придумать ничего лучше, чем отправиться за помощью к такому жестокому человеку.

— Мне не хочется, чтобы ты плохо думал о нашем народе, только из-за того, что он сделал, — быстро добавляет она. — Мы не все такие, как Нептун, и это было тридцать лет назад. Все меняется.

К счастью мы добираемся до вершины холма. Лес здесь реже, но растительность гуще, и продвигаться сложнее. Дикае животные кричали друг на друга в темноте, пока мы тащимся через папоротник.

— Сколько Даков живет с Нептуном? — спрашиваю я.

— Всего несколько сотен, — отвечает Жизель. — Все остальные живут в городе, потому что там работа. Но с ним остались представители от каждого из пяти кланов.

— К какому клану принадлежишь ты? — спрашиваю я.

— Формально к клану Ламбертов, — говорит Жизель. — Но я считаю себя дочерью Клары.

— Значит, твои родители... гм... — Я не знаю, как бы это сказать поделикатнее.

— Умерли? — подсказывает она. — Да.

— Как так получилось, что твои родственники не позаботились о тебе, после их смерти?

— Я им была не нужна, — говорит она. — Мой папа был Даком, но мама нет, а ни одна семья не одобрит подобный союз, поэтому я была изгоем. Мне некуда было податься, поэтому через какое-то время я попала на улицы, а после я встретила Клару.

— Довольно жестоко.

— Я могу о себе позаботиться, — говорит она, машинально прикасаясь к синяку на своей щеке, оставленный там гвардейцем. - А вот мы и пришли!

Мы выходим на большую круглую поляну, в самом центре леса, вокруг которой стоят традиционные разноцветные (красных, зеленых и золотых цветов) караваны Даков. Справа от нас мы видим пять больших шатров. В центре поляны огромная яма для костра, заполненная углями, раскаленными до красна. Яму прикрывает, расположенная несколькими футами выше металлическая пластина, чтобы сверху в ночи не было видно разожженного костра.

Вокруг костра собрались больше ста Даков, мужчин и женщин. У некоторых людей у ног стоят мешки, похоже, они пришли сюда из города в поисках убежища, и, похоже, мы застали их в самом центре жарких дискуссий.

Подальше от остальных сидят пять мужчин и две женщины, и внимательно слушают разговор. Одна из женщин похожа на Жизель, с распущенными золотисто-каштановыми волосами и серыми глазами. Разве что она выглядит значительно старше.

Жизель замечает мой взгляд.

— Это Пандора Ламберт. Она одна из пяти клановых старейшин. Блондинка рядом с ней — Миранда Хикс.

Миранда, которой где-то лет сорок, болезненно-тощая, с сильно накрашенными угольной пудрой глазами.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Парень в очках — Сол Беккет, а рядом с ним Гилдерой Драпер. — У последнего волнистые темные волосы и яркие голубые глаза, как у Лукаса. — Мужчина посередине — это Нептун Джек.

Нептуну лет шестьдесят, он коренастый, со смуглой кожей, с вьющейся седой шевелюрой и густой седой бородой. Как и Жизель у него в волосах бусины и перья. По тому, как он держится, уверенно, спокойно, становится ясно, что он лидер.

Все перестают говорить, когда мы приближаемся к нему. Несколько мужчин обнажают свои кинжалы, но Нептун сигнализирует тем, убрать оружие, когда Жизель, Лукас и другие дети преклоняют перед ним колени, кланяясь так низко, что их носы соприкасаются с землей. Только мадам Клара выделяется, она стоит, гордо задрав подбородок.

— А в мужестве тебе не откажешь, Клара, раз ты отважилась привести сюда свое отребье, — говорит Нептун.

— Мы ищем убежище, — говорит она. — Вы примете нас, брат?

Брат? Я смотрю на Нептуна и понимаю, что их лица похожи — у них один и тот же широкий нос, широкие скулы и темный цвет кожи, хотя у мадам Клары лицо покрыты татуировками и изуродовано шрамами на глазницах.

Нептун гладит свою бороду, обдумывая её просьбу. Его взгляд задерживается на Элайдже и Натали, прежде чем сосредоточиться на мне. Он выпрямляется.

— Мы слышали — ты мертв, — говорит он.

— Ага, я тоже слышал, — отвечаю я. — Но вот он я здесь, и хочу помочь.

Жизель чуть поднимает голову, ее каштановые волосы раздуваются у неё за спиной.

— Мы собираемся поднять восстание во Фракии.

Натали вопросительно смотрит на меня.

— Когда ты собирался мне рассказать об этом? — спрашивает она тихо.

— Я говорю тебе сейчас, — отвечаю я.

Нептун встает и машет нам рукой.

— За мной.

Жизель встает и присоединяется ко мне, Натали и Элайдже, когда мы следуем за ним и старейшинами кланов к большой палатке, в то время как мадам Клара остается на улице с детьми. Внутри палатка задрапирована темно-красными и пурпурными тканями. Посреди палатки — яма для костра с круговой скамьей, покрытой шелковыми подушками. Нептун жестом приглашает всех занять место на скамейке, в то время как он раскуривает трубку.

— Значит, хотите сразиться с Роузом, да? — спрашивает Нептун.

— Они уже начали на нас облаву, — говорит Жизель. — Это только вопрос времени, когда всех нас переловят и посадят в «Десятый».

Я объясняю, что собой представляет «Десятый», и глаза Нептуна темнеют от ярости. Другие старейшины клана переглядываются с неменьшим возмущением, что и их лидер.

— Чем мы можем помочь? — спрашивает он.

Я рассказываю им план, что мы выработали с Жизель, пока шли по лесу.

— А Эсминцы? — спрашивает рыжая женщина по имени Пандора.

— Нам нужно будет проникнуть на них, — говорю я.

— Как только наши люди окажутся внутри, они смогут освободить заключенных, а потом установить бомбы на корабли и уйти оттуда на Транспортерах, — добавляет Жизель.

— Я была на Эсминце, — говорит Натали. — Там у них не так хорошо обстоят дела с безопасностью, за пределами ангара. Так что, все может получиться.

Я благодарно ей улыбаюсь, обрадованный тому, что она в деле.

— Стражи просто могут отправиться за подкреплением, — говорит сухопарая женщина, Миранда.

— Тогда мы и их взорвем, — говорит Гилдерой Драпер.

— Не думаю, что Пуриан Роуз пошлет за подкреплением. Он не может расплыться людьми, после того побоища в Иридиуме, — говорю я, имея в виду сражение, в котором был убит Ник и возможно Джуно. — На самом деле, это подтверждает то, что он послал сюда пять Эсминцев, в то время как в Блэк Сити их было дюжина.

— К тому же Фракия не является стратегически важным военным объектом, — говорит Натали. — Он не может рисковать взрывами своих стратегически важных целей.

— Нам придется взять под контроль новостные станции, — говорит мужчина в очках, Сол Беккет.

— Мой кузен там работает, — говорит Пандора. — Он нас впустит.

Нептун, думает, посасывая трубку. Он смотрит на остальных старейшин кланов, и те в свою очередь кивают.

— Это безумие, но оно может сработать, — говорит он, наконец. — Мы начнем подготовку на рассвете.

Я ПЕРЕВОРАЧИВАЮСЬ в постели и провожу рукой по лицу, пытаюсь окончательно прогнать сонливость. Свет, проникающий через закрытые ставни, говорит, что только-только наступил рассвет. Я осматриваю комнату, мгновения не понимая, где я нахожусь, а потом вспоминаю, что мы в караванах Даков. Это длинные, узкие телеги с изогнутой деревянной крышей, выкрашенной в алые и изумрудно-зеленые цвета, и все поверхности покрыты цветными тканями.

Другая сторона кровати пуста, подушка холодна. Я натягиваю на себя одежду и выхожу наружу, чтобы найти Натали. На поляне уже полным-полно народу, старейшины готовятся к завтрашнему нападению на Стражей. Сол стоит у костра с несколькими своими людьми, начищая винтовки и мечи, валяющиеся у их ног, заряжая оружие патронами, в то время как Гилдерой и Миранда смеются и болтают друг с другом, стреляя по стеклянным бутылкам, и они чертовски точны. Я не вижу Пандоры, поэтому предполагаю, что она уже ушла во Фракию на новостную станцию. Я надеюсь, что ей все удастся, потому что это важная часть плана.

Натали, Элайджа и мадам Клара сидят на ступеньках телеги соседнего каравана, попивая чай. Натали выглядит уставшей и бледной, не думаю, что это только из-за похмелья. Это больше похоже на слабость, которая проникла во все её тело. Я ошеломлен, замечая, насколько она исхудала. Вчера я этого не заметил, когда мы были в ванной у мадам Клары, но тогда мой разум был занят другим.

Жизель выходит из зеленого фургона рядом со мной, одетая в тоже ярко-желтое платье, как и вчера, хотя сегодня она вплела в свои рыжие волосы павлиньи перья. Они переливаются бирюзовым на солнечном свете, соответствующий макияж, нанесенный на глаза, дополняет образ. Её улыбающиеся губы накрашены золотом, а щеки вспыхивают, когда она замечает меня. Она не сделала никакой попытки скрыть свое влечение ко мне, и знаете что? Мне это нравится. Приятно чувствовать себя желанным, даже, если я не люблю эту девушку.

— Им, похоже, уютно друг с другом, — замечает Жизель, кивая в сторону Элайджи и Натали.

Я смотрю туда же, куда и она. Рука Элайджи покоится на спине Натали, его большой палец водит маленькие круги по её позвоночнику. Она отстраняется и он опускает руку, но слишком поздно, этим все сказано. Я разбит. Мне нужно выбраться отсюда.

— Я собираюсь сходить в город и разведать обстановку, — говорю я.

— Я с тобой. — Жизель быстро набрасывает на себя какую-то одежду, взятую у кого-то из каравана, и мы идем в город.

* * *

Спустя несколько часов мы уже в центре Фракии. В городе стоит настоящий хаос. Двери разбиты, ставни окон распахнуты, а некоторые здания полыхают огнем. Я бросаю взгляд на все встречающиеся таверны, вдруг какая-то из них окажется «Лунной Звездой», но не вижу ни одной подходящей. Мы подходим к одной с огромным серповидным месяцем — солнечные панели наверху сложены в замысловатую многоуровневую крышу, но я нигде не вижу звезд, так что мы проходим мимо. Грузовики Стражей катаются по почти пустынным

улицам, в то время как своры Люпинов врываются в дома и выталкивают на улицу целые семьи, которые кричат и отбиваются, когда их тащат на Пряную площадь, где их уже поджидают Транспортеры, чтобы забрать на Эсминцы.

Мы с Жизель забираемся на крышу здания, с которого открывается вид на Пряную площадь. Плаза кипит деятельностью. Я насчитываю шесть Транспортеров, плюс восемь грузовиков. Гвардейцы Стражей разгрузили припасы и отнесли их в мэрию, где разбили базовый лагерь.

Гигантский информшит транслирует на всю площадь последние новости Си-Би-Эн. Моя фотография повсюду, сообщается о моей предположительной гибели. Что утешает, никакой новой информации — они не упоминают ни об Эми, ни о Стюарте, так что могу предположить, что они все еще живы. Си-Би-Эн снова и снова в правом нижнем углу экрана показывают смерть Ника. Каждый раз, когда я вижу взрыв, то вздрагиваю, будто почувствовав его на себе.

Трансляция мигает, и на экран вновь возвращаются часы обратного отсчета, давая нам понять, сколько времени у нас осталось. Шестьдесят три часа двадцать восемь минут. Это не так много времени, чтобы подготовить полномасштабное нападение на Стражей, тем более без Роуч и остальных членов организации «Люди за Единство», которые могли бы мне помочь.

Жизель пододвигается ко мне поближе, когда мы лежим на крыше и наблюдаем за гвардейцами Стражей, которые грузят заключенных в Транспортер на городской площади под нами. Как и в Блэк Сити, здесь так же гражданам выдается Эвакуационный билет, когда те сдают охране своих пленных. Меня тошнит от того, что люди готовы сделать со своими соседями, но это означает, что в городе будет относительно безлюдно к тому времени, когда начнется нападение, так что потери будут сведены к минимуму.

— Вот откуда мы начнем завтра, — говорю я. — В полдень, когда у гвардейцев будет пересменка, так что людей будет немного.

Мы остаемся на крыше, пока можем, наблюдая за гвардейцами и пытаюсь выяснить, как у них происходит смена. По-видимому, только здесь всегда находится около сотни гвардейцев. Остальные остались на Эсминце. Во мне закипает злость, когда из мэрии выходят и спускаются по лестнице Себастьян, Гаррик, Саша и Лунный пес, одетый в красный плащ, и Джаред. На Себастьяне его форма Ищейки, в то время как Гаррик с Сашей одеты в свои привычные серые куртки, штаны и, со стальными вставками, башмаки. Гаррик хмуро оглядывает происходящее, его серебристые глаза блестят исподлобья. Он наклоняет голову, пригнувшись. Его голова поворачивается в нашу сторону.

Мы скатываемся с крыши, прежде чем он замечает нас. Не желая больше испытывать нашу удачу, мы спешим обратно в лес, чтобы переговорить с остальными. Мадам Клара сидит рядом с Лукасом и другими детьми вокруг костра, нашивая капюшоны на черные балахоны, в то время как Натали с Элайджей готовят обед. Рядом с ними лежит большая гора яблок, и они их чистят. Когда она видит нас, на её лице отображается облегчение. Она подбегает ко мне и обнимает меня за шею. На мгновение все становится точно так же, как прежде, и я притягиваю её ближе, сердце у меня разрывается.

— Я так волновалась, — говорит она. — Ты не сказал мне, куда собираешься.

— Прости, — бормочу я у её щеки. — Этого больше не повторится.

Она поднимает взгляд, и я понимаю, что она собирается поцеловать меня. Но затем она замечает, что за ней наблюдает Элайджа и отстраняется. Краткий миг радости, который я

только что ощутил, испаряется, уступая место пустоте и отчаянию.

Мы присоединяемся к остальным. А я рассказываю им о том, что мы увидели в городе, Жизель выдергивает блестящий зеленое яблоко из кучи рядом с Элайджей и полирует его манжетом своего желтого платья.

Натали бросает на нее раздраженный взгляд.

— Яблоки на обед.

— И что? Если чего-то хочешь, так пойди и возьми. — Жизель переводит взгляд на меня и в её серых глазах мелькает озорной блеск, когда она кусает яблоко.

Натали подскакивает на ноги и вытирает руки о платье.

— Пойду, пройдуся.

Она проходит мимо меня и направляется к противоположной стороне поляны. Элайджа поднимается и следует за ней.

— А что я такого сказала? — интересуется Жизель с невинным видом.

Меня злит легкая навязчивость Жизель, её желание досадить Натали, но в тайне я немного рад, что Натали ревнует. Это доказывает, что у неё еще остались чувства ко мне.

Остаток дня мы проводим за подготовкой нападения на Фракию, которое собираемся совершить завтра утром. Только начинает садиться солнце, как из города возвращается группа женщин, неся в руках стопки сложенной синей ткани. Я провожу рукой по небесно-голубой ткани, которая так сильно напоминает мне глаза Натали. Вот почему я выбрал этот цвет, но об этом никто не догадывается.

Ко мне подходит Нептун.

— У меня новость от Пандоры. Она пробралась внутрь станции, и все уже настроено. Она останется там, чтобы все завтра прошло как надо.

Я киваю с облегчением. Это был последний пазл, чтобы наш план стал целостным. Остается только ждать. Завтра мы вернемся во Фракию.

* * *

К тому времени, когда мы заканчиваем наши приготовления, наступает ночь. Все собираются на ужин вокруг костра. Дети играют возле огня, будто у них нет никаких забот, в то время как взрослые чинно выпивают по бокалупряного Шайна, понимая, что многие из нас могут погибнуть в течение следующих двадцати-четырёх часов. Я смотрю на Натали, которая сидит на длинном бревне с Элайджей. Они оба просто смотрят на огонь. Они сидят молча, просто созерцают. Чувствуя, что я смотрю на неё, Натали поворачивает голову в моем направлении. Мое сердце сжимается.

Старик с тату русалки на предплечье принес с собой аккордеон и затягивает какую-то народную мелодию, его пальцы перебирают по клавишам. Дети кружатся и танцуют под музыку. Мадам Клара и Жизель хлопают в ладоши, в то время как несколько мужчин подходят к своим караванам и берут свои инструменты, а затем присоединяются к старику. Один за другим, люди пускаются в пляс, счастливые за такую возможность расслабиться и отвлечься.

Натали смеется, когда смотрит на пляшущих, в её синих глазах мерцает огонь. Она выглядит немного лучше, чем раньше, теперь, когда у нее было время отдохнуть. Элайджа встает и протягивает ей руку. Она колеблется, но потом принимает её.

Знакомая боль растекается по моей груди при виде их танцы. Он очень хорош, но наверняка его наверняка обучали танцам, все-таки сынок Консула. На них бросают много восхищенных взглядов, не только из-за того, как здорово они танцуют, но еще и потому что

они очень хорошо смотрятся вместе. На самом деле, просто отлично. Он кружит Натали по кругу, и она запрокидывает голову назад и смеется. Я не слышал смех с её дня рождения. В тот вечер я сделал ей предложение.

Начинается новая музыка, в которой солируют барабаны. Мелодия заполняет ночное небо ударами барабанов. Рядом Жизель кружится и вертится в такт ритма, ее желтое платье и красные волосы раздуваются и она похожа на костер. Она перехватывает мой взгляд, и на её губах появляется игривая улыбка. Она вызывающе манит меня к себе. Я смотрю с завистью на Натали и Элайджу.

В эту игру могут играть двое.

Я подхожу к Жизель, беру её за руки и танцую вместе с ней под эту экзотическую музыку, наши тела раскачиваются в унисон. Одной рукой я обнимаю её за талию, сильно прижимая к себе. Она тихонько ойкает, её серебристые глаза озорно сверкают.

Я смотрю на Натали, он хмурится, когда видит меня, в тот момент, когда Элайджа кружит её.

Музыка перетекает в нечто более медленное и чувственное. Пальцы Жизель расчесывают мне волосы, вызывая перегрузку ощущений, когда она прижимается ко мне. Её губы так близко к моим. Одно неверное движение и мы поцелуемся. Щеки Жизель горят, глаза сверкают. Я видел подобную реакцию, после дозы Дурмана. Похоть. Черт, как приятно быть желанным.

Моя рука пробегает вниз по спине Жизель, к тому месту, где спина заканчивается, но все это время я смотрю только на Натали. На её лице отображается гнев, она обнимает Элайджу за шею. Он со стоном прижимает её ближе. В отместку я прижимаю Жизель, чуть касаясь, рукой пробегаю по её роскошному телу. Она дрожит от восторга, губы ее размыкаются. Я беру ее на руки и кружу в такт музыке. Она испускает радостный смех восторга, ее глаза блестят. Её намерения ясны, и я в искушении, тем более что это заставит страдать Натали за то, какую боль она мне причиняет.

Элайджа еще крепче обнимает Натали, его руки ласкают её тело, а его лицо прижимается к её лицу, его глаза закрыты. Он растерян и в то же время в восторге. Он влюблен. Меня пронзает боль. Это уже слишком. Я отпускаю Жизель и бросаюсь бежать прочь, подальше от танцев, от Натали.

Я иду прямо к своему каравану, все мое тело трясется от гнева. Я оседаю на кровать, моя грудь сжимается. Мне кажется, я умираю, потому что не могу сделать не единого вдоха.

— Ты в порядке? — тихо раздался голос Жизель из дверного проема.

— Она оставит меня ради него, — говорю я надтреснутым голосом. — Я не знаю, что делать.

— Но тебе не подвластно её сердце, Эш.

— Я знаю, — говорю я. — Но и своё сердце мне не подвластно, и я так сильно её люблю. Это меня просто убивает.

Жизель отходит от кровати и обнимает меня. Её тело такое мягкое, теплое, пьянящее. Она пахнет розовой водой.

— Я хочу её вернуть, — шепчу я.

— Шанс еще есть, — говорит Жизель. — Тебе просто нужно напомнить, почему она влюбилась в тебя. А тем временем... — Она прижимается своими губами к моим. Её поцелуй горяч, он обжигает, возбуждает, дразнит. Она отстраняется. — Попался, Эш. Если она этого не видит, то просто дура.

Она подмигивает мне и уходит. Дверь за ней захлопывается, но я успеваю заметить, как Натали убегает в лес.

Глава 32

НАТАЛИ

— НАТАЛИ ПОДОЖДИ!

Я замедляюсь, и Элайджа меня перехватывает. У него в руках маленькая масляная лампа, свет дергается, когда он бежит. Мой пульс учащается, в висках стучит кровь. Все кружится — небо, деревья и земля — все сливается друг с другом. Мои колени подгибаются, и Элайджа ловит меня, прежде чем бы я упала на землю.

— Он целовал её, — выдавливаю я, и по моим щекам катятся слезы.

— Знаю, — тихо отвечает Элайджа. — Я тоже это видел.

— Почему он так поступил?

— Потому что ему больно. Он считает, что ты испытываешь ко мне чувства. — Он проводит подушечками пальцев по моему лицу, и внимательно смотрит на меня. — Это так?

Я краснею.

— Элайджа, я...

И прежде чем я успеваю закончить предложение, Элайджа наклоняется и прикасается к моим губам своими. Его поцелуй уверенный, но нежный, губы мягки и приятны. На вкус он, словно мед — сладостный и вкусный. Его язык проскальзывает между моими губами и нежно ласкает мой рот, его прикосновения нежны и любознательны. У меня в горле застрекает стон, я позволяю ему продолжать изучение меня. Мои пальцы заплетаются в его волосах, и я прижимаюсь своим телом к нему, ища утешение.

Эхо второго сердцебиения трепещет в груди. «Эш», — говорит оно. Эш, Эш, Эш. Что я делаю?! Я прерываю поцелуй и прижимаю ладони к лицу, чувствуя себя такой растерянной. В конце концов, я поднимаю взгляд. Элайджа выжидающе смотрит на меня, ожидая вердикта.

— Я не могу... Я ничего такого не чувствую... Элайджа, мне жаль, — говорю я.

Лунный свет играет с его кожей, легкий ветерок развивает шоколадные волосы. В другое время, в другом мире, наверное, я бы влюбилась в него. Но я живу в иной реальности. В моем сердце и душе есть место только для одного парня и это Эш.

Мышцы его квадратной челюсти напрягаются.

— Все нормально, Натали. Я знал, что у меня мало шансов, но должен был попытаться.

Раздается треск сучьев, и спустя мгновение из темноты выходят Эш и Жизель, останавливаясь всего в нескольких футах от нас. Сверкающие глаза Эша смотрят с вызовом, он ждет от меня, что я выступлю против него. Он знает, что я видела его поцелуй с Жизель. Видел ли он мой с Элайджей? Мы в эмоциональном противостоянии, всем больно, все преданы, все мы ждем от кого-то то, чего не можем иметь. И это моя вина.

С этим надо немедленно покончить.

Я расстегиваю цепочку на своей шее и снимаю с неё обручальное кольцо. Оно искрится в звездном свете. В нем заключается все, чего я хочу, и чего у меня никогда не будет. Больше не будет. Я подхожу к Эшу и отдаю ему кольцо. Он изучает кольцо с бриллиантом, лежащее в его открытой ладони, и на его лице отображается гамма эмоций: недоумение, гнев, горечь.

Наконец его пальцы сжимаются вокруг кольца.

Все кончено.

— Пойду, пройду, — говорю я бесцветным голосом.

Элайджа присоединяется ко мне. И едва мы успеваем сделать сотню другую шагов, как я слышу крик Эша.

* * *

Несмотря на то, что рядом со мной Элайджа, эта прогулка по лесу, одна из самых одиноких в моей жизни. Он держит масляную лампу, освещая нам дорогу. Мое тело немеет, и я этому рада. Я не хочу ничего чувствовать, потому что знаю, скоро, когда меня накроет шок, от осознания того, что я натворила, меня разорвет на мелкие частички.

И все же. С каждым шагом все внутри меня крошится еще на более мелкие осколки, пока я в итоге не валюсь на землю. Сильные руки держат меня, пока я раскачиваюсь взад и вперед, издавая отчаянный вопль. Что я наделала?

— Ты правильно поступила, — говорит Элайджа. — По крайней мере, теперь он сможет отпустить тебя.

Он долго меня так держит, возможно, час, пока мы оба не начинаем дрожать от морозного ночного воздуха. Я тру свои распухшие заплаканные глаза, и делаю судорожный вдох.

— Итак, что будешь делать? — ласково спрашивает он.

— Я пойду в Центр, чтобы встретиться с остальными, а потом найду свою маму, — говорю я Элайдже.

Я много о ней думала последнее время. Мне просто необходимо её увидеть, чтобы почувствовать её заботу, чтобы умереть у неё на руках. Но я даже не знаю, где она. Она может быть мертвой, хотя, из того, что мне известно, подозреваю, если бы это было так, Пуриан Роуз уже сообщил бы эту новость по Си-Би-Эн.

— Ты не можешь сейчас уйти. А как же восстание? — спрашивает Элайджа.

— Я не нужна восстанию.

— Ты нужна мне, — отвечает он.

У меня сжимается сердце.

— Пожалуйста, не говори так.

Я встаю, и Элайджа подскакивает на ноги. Радужный лес стоит на вершине крутого холма, поэтому у нас прекрасный вид на город, когда мы спускаемся по травяным склонам. В лунном свете блестят тысячи солнечных панелей, поэтому крыши похожи на звезды над нами. Даже ночью, Зеркальный город живет согласно своей репутации.

Эффект слегка портили Эсминцы зависшие над городом, их прожекторы сканировали темные улицы. Свет проходит мимо зданий на краю города, озаряя их стеклянные крыши, и мой взгляд за что-то цепляется. Я замираю и моргаю, неуверенная видела ли я это по-настоящему или это плод моего воображения.

— Элайджа, ты это видишь?

— Что? — спрашивает он.

Я подождала, пока свет вновь не упал на здание.

— Там! — говорю я, указывая на здание со звездообразной крышей, которая сужается в шпиль. В верхней части шпиля мерцающие солнечные панели, вырезанные в форме полумесяца.

— «Лунная звезда»? — говорит, улыбаясь, Элайджа.

Я хватаю его за руку.

— Есть только один способ это выяснить.

Глава 33

НАТАЛИ

У НАС УХОДИТ где-то час, чтобы добраться до того места в городе, где, как я думаю, находится «Лунная звезда». Мы цепляемся за тени, ныряя между зданиями, пока гвардейцы Стражей вечернего патруля маршируют по улицам. К счастью освещение в домах в основном не горит, и помимо случайных каких-то прожекторов, мы прикрыты тьмой. Улицы также пусты, многие горожане уже покинули город, заработав себе Эвакуационный билет. Те, кто остался, прячутся.

Эсминцы продолжают гудеть над головами, заставляя воздух вибрировать. Разок пролетел Транспортер, да так низко, что мои волосы взметнулись и закрыли мне лицо. Было рискованно приходить сюда, и я уже начинаю жалеть об этом, но теперь поздно отступить.

Я смотрю на Элайджу и вижу свет в его топазовых глазах, которого прежде там не было. Надежда. Мы ждем, когда взвод гвардейцев пройдет мимо нас, чтобы мы смогли перебежать через улицу, к следующему переулку. Мы заскакиваем между зданиями, в узкий переулок, стараясь держаться как можно дальше от гвардейцев. Монеты на моем платье звенят, когда я бегу, привлекая больше внимания, чем мне бы хотелось.

— Подожди, — говорю я, останавливаясь, чтобы сорвать монеты с юбки. Они скатываются в канаву.

Элайджа неожиданно бросает взгляд через плечо, на другую сторону улицы.

— Что это? — шепотом спрашиваю я.

Он шурится, потом качает головой.

— Ничего. Показалось. — Мы стараемся не торчать на месте, на случай, если кто-то за нами следит. Мы идем окраинами все дальше в город.

— Кажется, таверна где-то поблизости, — говорю я, всматриваясь в горизонт, в поисках солнечных панелей в форме полумесяца. — Там! — тычу я пальцем между крышами в конце дороги.

Как и у остальных таверн в этом городе у «Лунной звезды» сорваны ставни, свет не горит. Невозможно понять, есть ли кто-нибудь внутри. Я дергаю ручку входной двери. Заперто. Мы обходим здание кругом, в поисках второго входа. Элайджа толкает мусорный бак в сторону, открывая люк, ведущий в погреб. Он дергает ручку, к моему облегчению, дверца поддается.

Мы спешно спускаемся по скрипучей деревянной лестнице в подвал, закрывая за собой двери. Подвал завален ящиками и в нем стоит запах затхлости. Слева от нас стальные двери, очень похожие на те, что мы видели у мадам Клары, а впереди лестница, ведущая в бар. Мы осторожно продвигаемся, стараясь ничего не задеть, чтобы не шуметь, но хвост Элайджи случайно задевает стеллаж с выпивкой и он смахивает одну бутылку на пол. Она разбивается.

— Извини, — говорит Элайджа.

— Думаешь, кто-то дома? — спрашиваю я.

— Не знаю. Там очень тихо, — говорит он нахмурившись.

Я иду за ним по лестнице в бар. Нас тут же встречают два выстрела из винтовки, которые проносятся всего в дюйме от наших голов. Мы оба падаем на пол, закрывая головы руками.

— Кто вы такие? — спрашивает женский голос.

Я рискую взглянуть на нашего стрелка, примечая пару потертых коричневых ботинок, кожаные штаны, сшитые из лоскутов, блузу с синим корсетом, винтовку. Она сидит в инвалидном кресле. Наконец мои глаза добираются до её лица. Нет никаких сомнений, что эта женщина средних лет, которая так неприветливо на нас смотрит — Эсме.

— Я Натали Бьюкенан, а это Элайджа Теру, — говорю я. — Я полагаю, вы знаете егс маму Иоланду.

Эсме опускает свое оружие.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает она.

Мы поднимаемся на ноги, и Элайджа кратко рассказывает про письмо Люсинды, и про наши поиски Иоланды и Люсинды.

Эсме кладет дробовик себе на колени, хватая бутылкупряного Шайна и несколько бокалов, а потом подкатывается к одному из столиков. Мы присоединяемся к ней за столом, ставя лампу на столик между нами.

— Люсинда с Иоландой здесь были? — спрашиваю я.

— Ну да, были. — Эсме наливает нам напиток. — Люсинда проповедовала одни из этих своих безумных идей, утверждая, что нашла способ свергнуть Пуриана Роуза и ей нужна помощь Иоланды и Кирана.

— Киран, ваш партнер, верно? — спрашиваю я.

Она кивнула.

— Я умоляла его не связываться. Люсинда слегка... — Она покачала головой. — Ну, понимаете... особенно после гибели Найла.

Я помню, Сигур рассказывал нам о Люсинде, и о её Кровной половинке, Найле, и как он погиб, во время атаки станции водоснабжения в Блэк Сити. Я гадала, не мой ли отец нажал на курок.

— Киран меня не послушал, но, когда дело касается Люсинды, он никогда не слушает. Они ушли и оставили меня здесь в баре, — с горечью говорит Эсме, залпом осушая свой бокал. — Со мной бы они все равно не смогли бы продвигаться быстро.

Я хмурюсь, догадываясь, что это было не её решение остаться.

Снаружи раздается топот, который привлекает наше внимание. Эсме тянется к своему огнестрелу, пока мы молча ждем, какими будут следующие действия гвардейцев. Шаги затихают, когда патруль возвращается обратно на улицы.

— Где теперь Люсинда с остальными? — спрашиваю я, как только гвардейцы ушли.

— Понятия не имею, — говорит Эсме. — Он собирались на Коготь.

— Куда?!

— Это гора, — поясняет Эсме.

Я смотрю на Элайджу, и его выражение лица зеркально отображает моё удивление. «Ора» находится на горе? Но, если подумать, то это отличное место для повстанческой лаборатории, где хранится желтая чума. Гора труднодоступна и не пригодна для жилья.

Эсме смотрит на свой бокалпряного Шайна.

— В последний раз, когда Киран звонил, он сказал, что они уже добрались до Серого Волка...

— Гора в штате Волк, да? — спрашивает Элайджа.

Эсме кивает.

— Но с тех пор, я больше ничего от него не слышала. Прошла неделя уже.

— Примерно столько времени назад моя мама последний раз звонила мне, — признается Элайджа.

Он опускает голову на руки и страдальчески стонет. Эсме только что подтвердила наши опасения... что его мать с Люсиндой были схвачены, и, похоже, Киран тоже. Эсме осушила бокал и вновь его наполнила. Я замечаю, что руки у неё дрожат. Должно быть, она пришла к тем же выводам, что и мы.

Элайджа поднимает голову.

— Я собираюсь их вызволить, — говорит он отчаянно.

— Удачи, дорогой, — отвечает Эсме. — Они или уже мертвы или скоро будут, как только гвардейцы добьются от них нужной им информации.

— Моя мама ничего не расскажет им об «Ора», — уверенно говорит Элайджа.

Эсме хмурится.

— «Ора»?

— Оружие...? — говорит Элайджа.

Глаза Эсме расширяются.

— О, ты имеешь в виду...

И тут раздаются несколько автоматных очередей, и мы ныряем под стол, когда входную дверь и окна дырявят пули. На меня дождем сыпятся осколки стекла, они рвут моё платье и режут кожу. Я кричу от боли, когда острый осколок впивается мне в левое бедро. Голова кружится, когда я вытаскиваю осколок. Мое платье немедленно превращается в пурпурное от крови.

— Не стрелять! Она мне нужна живой! — раздается голос из-за двери.

Себастьян.

Дубовую дверь безуспешно таранят, спустя секунду гвардейцы совершают новую попытку.

Эсме хватается за винтовку.

— Убирайтесь отсюда. Воспользуйтесь служебным туннелем.

Элайджа помогает мне подняться. Его лицо покрыто кровью, у него на щеках рваные раны.

— А как же вы? — спрашиваю я.

— Я задержу их, сколько смогу, — говорит она. — Вперед!

Элайджа хватается за лампу со стола, потом помогает мне спуститься по лестнице в подвал. Я держусь за ногу, которая бешено пульсирует от боли, но адреналин помогает мне двигаться вперед. Мы добираемся до погреба, как раз тогда, когда в бар врываются гвардейцы.

— Где они? — гремит через потолок над нами голос Себастьяна.

— Понятия не имею о ком вы, — отвечает Эсме.

— Не прикидывайся. Одна из моих девчонок выследила их, — раздается другой голос.

Гаррик.

Значит, Элайджа был прав, за нами кто-то следил.

Я нахожу металлическую дверь, ведущую в служебный туннель, и дергаю ржавую ручку. Она не поддается. Элайджа прикладывает все усилия, чтобы её открыть и на этот раз дверь сдвигается. Как только это происходит, нам в ноздри ударяет застоявшийся холодный воздух.

— Проваливайте из моего бара! — говорит Эсме.

Автоматная очередь и Гаррик воем от боли. Наверху начинается кромешный ад. Летят

пули, бьется стекло, на пол падают тела.

Элайджа пихает меня в туннель, как раз тогда, когда я слышу крик Эсме. Он захлопывает за нами дверь.

— Мы должны ей помочь! — говорю я.

— Слишком поздно, — отвечает Элайджа. — Пошли, нам нужно вернуться к Эшу и рассказать ему о Когте.

Он прав, это слишком важно. Эш должен знать о местонахождении «Ора». От этого зависит слишком много жизней.

Я перекидываю руку Элайдже на плечо для поддержки и, стиснув зубы, бегу.

ВСЕ В ЛАГЕРЕ РАЗОШЛИСЬ отдыхать, хотя сомневаюсь, что кто-нибудь сможет уснуть в эту ночь. Я сижу у догоревшего костра на поваленном дереве и смотрю на обручальное кольцо, лежащее на моей ладони. Оно почти невесомо, но так давит. После всего, через что нам пришлось пройти, после всех тех жертв — единственный поцелуй все разрушил. Я смыкаю пальцы вокруг кольца и выбрасываю кольцо на поляну. Оно приземляется где-то в кустах. Я тут же жалею о содеянном, потому тут же бросаюсь на его поиски.

— Тоже не можешь уснуть?

Я поворачиваюсь на звук голоса Жизель и снова чуть не роняю кольцо от удивления. Я убираю его в карман. Жизель стоит от меня всего в нескольких футах, нервно теребя одно из перьев, вплетенных в её рыжие волосы. Она смыла яркий макияж и теперь выглядит гораздо симпатичнее, без густо подведенных черным глаз и металлических губ. Естественная и красивая. Однако, она, кажется, стесняется, не в силах встретиться со мной взглядом.

— Я думал, ты спишь, — говорю я.

— Никак не выходит отключиться, — отвечает она. — Наверное, муки совести. Прости, Эш. Я не должна была тебя целовать. Мадам Клара говорит, я импульсивна, и я уже начинаю думать, что она права.

— Это не твоя вина. Я не должен был позволять этому произойти, — говорю я.

Жизель вздыхает.

— Ох, не знаю, что на меня иногда находит. Я всегда хочу чего-то недостижимого, словно, если я это заполучу, то это будет означать, что я чего-то стою. В этом есть смысл?

Я довольно долго её изучаю, и впервые я вижу Жизель по-настоящему — девочка-сирота, брошенная своей семьей, вынужденная воровать, чтобы выжить. Я вспоминаю обо всех тех людях, бивших её на Пряной площади, и как горожане просто проходили мимо, и гадаю, сколько уже подобное случалось прежде. Эта наносная самоуверенность, как и макияж, скрывает под собой сломленную девушку.

— Я понимаю, — говорю я.

Мои волосы неожиданно шевелятся, чувствуя кровь. Я резко оборачиваюсь, как раз когда Натали и Элайджа появляются из леса. Они оба в крови, одежда изодрана. Правая сторона лица Элайджи распухла, а Натали приволакивает ногу. Я бегу к ним, чувства боли и предательства мгновенно отходят на второй план.

— Что случилось? — требовательно спрашиваю я, когда Элайджа помогает ей подойти к бревну. Натали морщится, когда садится, зажимая левое бедро. Кровь сочится между её пальцев, разжигая мою жажду. Я гоню её прочь.

Элайджа отдает мне лампу, а Жизель бросилась за мадам Кларой. Вскоре они возвращаются, неся повязки и баночки с травяными мазями. Жизель обрабатывает раны на лице Элайджи, в то время как я помогаю мадам Кларе с бедром Натали.

Я закатываю её юбку, чтобы обнажить рану на её бедре. Кровь вырывается фонтаном с каждым ударом сердца, заставляя её белую кожу блестеть красным. Я тянусь рукой, чтобы понять, что с раной, но Натали неистово отпихивает мою руку.

— Не прикасайся ко мне! — говорит она.

— Блин, Нат. Я только хочу помочь, — отвечаю я, удивленный её реакцией. — Я должен взглянуть.

Я снова тянусь к ней.

— Нет, стой! Эш, прекрати! — кричит она, когда мои пальцы касаются её кровоточащей кожи. — Я заражена вирусом Разъяренных!

Я отдергиваю руку.

— Что ты сказала?

Натали пристально смотрит на меня, в её голубых глазах блестят слезы.

— Я больна вирусом Разъяренных, — шепчет она. — Должно быть я заразилась им от того мальчика Дарклинга, который укусил меня.

— Ты уверена? — хрипло спрашиваю я.

— Я сделала тест в лаборатории Бесплодных земель.

Тихий стон срывается с моих губ. Я сгибаюсь пополам под тяжестью её слов. «У меня вирус».

Неожиданно все встает на свои места — то, как она отталкивала меня, как её тошнило, после каждого приема пищи, разговор с Элайджей в лаборатории. Но я нахожу силы поднять голову.

— Почему не сказала мне? — спрашиваю я.

— Я была не готова тебя потерять, — говорит она. — Прости меня, Эш, я никогда не переставала тебя любить, я...

Я целую её.

Я постарался вложить в этот поцелуй как можно больше смысла: что останусь с ней, что она не одна. Она целует меня в ответ, и обнимает меня. У меня ноет сердце, от любви и боли. Я вернул её, но надолго ли? Неделю? Месяц? Год? Мы не имеем ни малейшего понятия, как болезнь влияет на людей.

— Я люблю тебя, — шепчу я ей в губы.

— Мне жаль, что я причинила тебе боль, — отвечает она.

— Мне тоже, — говорю я, подразумевая поцелуй с Жизель. — Но самое главное, что мы вместе.

Я держу её за руку, пока Жизель и мадам Клара занимаются её ногой. Рана не так плоха как нам показалось сначала... она глубокая, но кость не задета, как и ни одна жизненно-важная артерия. Как только её перевязывают, я подхожу к Элайдже. Он глядит на меня, его опухшая щека покрыта липкой на вид мазью.

— Похоже, ты теперь в курсе, — говорит он, глядя на Натали.

Меня охватывает боль.

— Наверное, я должен извиниться.

— Не, не должен, — говорит он тихо. — Я сам несколько раз перешагнул черту. И мне жаль.

Я присаживаюсь рядом с ним.

— Значит, вы нашли Эсме? — спрашиваю я.

Он кивает и рассказывает все, что они выяснили.

— Значит, лаборатория на горе Серый Волк? — спрашиваю.

Элайджа кивает.

— Никогда не слышал о Когте раньше. А ты?

— Нет, — подтверждаю я.

— Скорее всего, у него есть другое название, — говорит Натали, слушая наш разговор. — Кармазиновая гора так же известна, как Дьяволова развилка.

— После завтрашнего нападения, мы должны немедленно отправиться в штат Серый Волк, — говорю я. — Возможно, кто-то и видел, куда Стражи забрали твою маму и мою тетю.

— А мы можем по дороге сделать остановку в Виридесе? — спрашивает Элайджа. — Всего пара дней на лодке, а потом если будет безопасно, снова двинем в дорогу. Вы сможете поговорить с сенатом о присоединении к восстанию, пока я собираю провиант в дорогу, а потом мы продолжим наш путь в штат Серый Волк.

— Похоже на план, — с надеждой говорю я.

Элайджа опускает глаза.

— Хорошо, уверен, папа будет рад знакомству с тобой.

Я возвращаюсь к Натали и беру её на руки. Я несу её в наш вагончик и аккуратно укладываю на кровать, а потом помогаю раздеться. У неё на плече ужасный фиолетовый синяк, и вся её кожа покрыта царапинами. Скоро все её тело покроется язвами и гнойниками. От этой мысли мне становится тошно. Я кладу руки на комод, чтобы успокоиться и немного прийти в себя.

— Ты в порядке? — тихонько спрашивает Натали.

Я киваю, отыскивая рубашу и протягивая её ей. Как только она одевается, я стягиваю с себя одежду и забираюсь на узкую кровать. Пространства мало, поэтому мы прижимаемся друг к другу. Я обнимаю её, и она кладет голову мне на грудь, её пальцы слегка касаются моих шрамов.

— Я пойму, если ты захочешь порвать со мной, — тихо произносит она.

Я крепче обнимаю её.

— Этого больше не случится.

— Мне так жаль, что меня укусили, Эш, — говорит она.

— Это не твоя вина, — отвечаю я, у меня ком стоит в горле. — Давай больше не будем об этом?

Натали не возражает. Она устраивается поближе ко мне.

— Переживаешь из-за завтрашнего дня? — сонно спрашивает она.

— Немного, — признаюсь я, целуя её в макушку. — Попытайся отдохнуть.

Она закрывает глаза. Спустя довольно долгое время её дыхание замедляется и становится глубже.

— Натали, не спишь? — шепчу я.

Она не отвечает.

Только теперь, когда она заснула, я позволяю слезе скатиться по моей щеке.

СОЛНЦЕ ПОДНИМАЕТСЯ высоко над Фракией, заставляя весь рынок мерцать, когда на тысячи зеркал попадают лучи света. Мы внутри таверны в конце Пряной площади, в пятидесяти футах от городской мэрии. Перед мэрией по-прежнему висят красно-белые баннеры Стражей, слегка развиваясь от ветерка. Последние четыре часа я наблюдаю за гвардейцами, которые входят и выходят из здания, стараясь оценить их передвижения. Ничего необычного.

Справа, прямо напротив мэрии, стоят гигантские экраны, на которых ведется обратный отчет: 36:04:01, 36:04:00, 36:03:59, 36:03:58... На самом верху одного из экранов тщательно замаскирована камера.

Пока я заметил около сотни гвардейцев Стражей, несколько отрядов Ищеек и две своры Люпинов, заходящих и выходящих из здания, включая Себастьяна и Гаррика. Они вооружены, но благодаря тому, что они не ожидают неприятностей, на нашей стороне элемент неожиданности. К тому же, раз они не открывают большие резные двери, которые занимают большую часть фасада (обратное, похоже, вряд ли возможно, учитывая, насколько проржавели петли) всем гвардейцам придется покидать здание, через маленькую дверцу по одному, что сделает их легкой добычей.

На другой стороне площади находится стена гетто, которую прорезают через равные промежутки сторожевые башни. Они кажутся пустыми, но я-то знаю, как оно на самом деле. Там сидят с рассвета Гилдерой Драпер и его команда, прячась ото всех. Тот факт, что гетто Дарклингов опустело, нам оказалось только на руку, ведь караульные вышки стояли больше года, никем не использованы.

Над нами Транспортеры отправляются в один из Эсминцев, увозя с собой взвод гвардейцев, которые только что закончили вахту. Внизу остается всего один Транспортер, припаркованный на Коричной улице, рядом с мэрией. Все идет так, как запланировано. Первым делом, этим утром позволили себя схватить повстанцы-Даки, включая одного из Старейшин клана, Миранду. Их увезли на Эсминец. Под своей одеждой они припрятали бомбы, сделанные кустарно.

У меня живот скручивает узлом от волнения, когда я наблюдаю за дирижаблями. Если все идет по плану, то повстанцы уже освободили заключенных из камер и направляются к ангару, чтобы захватить Транспортеры, тогда они смогут увезти Даков с дирижаблем, прежде чем те будут взорваны. Столько всего может пойти не так, и все наши надежды связаны с Мирандой и её командой. Только они могут вывести дирижабли из игры, и у нас нет другого варианта захватить Фракию.

Со мной Натали, Элайджа, Нептун и Сол Беккет. Я сверяюсь с часами. Почти полдень. Две минуты и мы превратим этот город в ад. Я бросаю взгляд на Натали, которая поправляет свой меч. Я помню, что она уже имела дело с мечом, и от этой мысли мне становится чуть легче. Она одета в черные одежды с капюшоном, а на глаза и нос нанесена угольная пудра, как и у нас всех. Она поднимает на меня глаза, её лицо почти спрятано под тенью от капюшона. Я улыбаюсь ей, и она улыбается мне в ответ. Мадам Клара дала ей какие-то лекарства, которые помогли унять боль в ноге, так что она сможет сражаться.

Я в сотый раз осматриваю свою винтовку, а потом поправляю холщовый мешок,

спрятанный под моими одедами. Он забит боеприпасами и дымовыми гранатами, собранных из того, что люди Нептуна нашли для нас вчера. У всех нас есть такие припрятанные мешочки, как и меч, кинжал и винтовка. Это не много, но это все, что у нас есть. Надеюсь, что и этого будет достаточно.

Нептун хлопает меня по плечу.

— Готов, парень?

— Да, готов, — отвечаю я.

— Эш, гляди! — говорит Натали, указывая в небо.

Как по команде небо заполняется Транспортерами. Они вылетают из Эсминцев и летят согласованно к намеченной точке за город. Спустя секунду, на севере Фракии гремит ужасный взрыв — над доками висит Эсминец. Во все стороны летят обломки и пепел, сожженный до каркаса дирижабль падает в океан.

Дверь в мэрию Фракии распаивается, и из здания выплескиваются наружу гвардейцы Стражей, чтобы выяснить обстановку. Теперь наша очередь. Мы все зажигаем наши дымовые пашки, и нас окружает белый дым, когда мы бежим на Пряную площадь, в то же самое время фургоны Даков выезжают в переулки, чтобы заблокировать пути отступления. Даки повыпрыгивали из своих машин с пистолетами и мечами наготове. Все они одеты в черное, их лица измазаны угольной пудрой, как у меня. Гвардейцы завидев, что на них несется сквозь дым армия Фениксов, с развивающимися, будто крылья, плащами за спиной, замерли как вкопанные. Роуз считает, что убил Феникса? Ну что ж, пусть увидит, как дела обстоят на самом деле.

Гвардейцы едва успевают сообразить, что происходит, прежде чем люди Гилдероя появляются на сторожевой башне и начинают стрелять. Десятки гвардейцев погибают, прежде чем остальные выходят из ступора и начинают отстреливаться. Но благодаря дыму, они полностью дезориентированы и стреляют куда попало. Все кругом кричат под перекрестным огнем. Запах крови щиплет мне ноздри, клыки пульсируют, но я контролирую свою жажду и бросаю пашку в одно из окон мэрии, надеясь, что она выкурит оставшихся людей из здания. Натали с Жизель делают то же самое, в то время как Элайджа набрасывается на одного из гвардейцев и перегрызает тому зубами горло.

Раздается гром. Взрывается второй Эсминец, зависший над городом, а потом третий летит на запад и разбивается в Радужном лесу. Земля дрожит от веса металла, свалившегося на неё. Бомбы взрываются одна за другой, уничтожая оставшиеся два Эсминца. Они быстро теряют высоту, но пилотам удается направить воздушные суда в сторону полей за пределами города, возможно, чтобы попытаться свести жертвы среди гражданского населения к минимуму или, возможно, просто надеясь спастись. Как бы то ни было, как только дирижабли ударяются о землю — тут же взрываются.

Теперь небо чистое.

Теперь все что нам осталось — разобраться с врагом на земле.

Я бросаю в разбитое окно еще одну дымовую пашку, и Натали с Элайджей следуют моему примеру, и наши действия вызывают вереницу взрывов. Мы добиваемся желаемого и выкуриваем свору Лунных псов во главе с Джаредом. Они рычат и скрежещут челюстями, бросаясь к нам, их красные пыльники развиваются у них за спинами. Я нигде не вижу банду Гаррика. Запах крови в воздухе пьянит, и Люпины сминают тела павших гвардейцев сапожищами с железными наконечниками, ведомые своей жадой. Им пофиг кого убивать, их снедает жажда крови: Стражи, Даки, для них нет никакой разницы — все это плоть. Они

разорвали десятки повстанцев, прежде чем мы смогли достать наши винтовки и мечи.

Мы бросаемся на Лунных псов, рубя их мечами и стреляя. Нептун, Жизель и Сол берут на себя тех, что слева, в то время как Натали, и я с Элайджей справляемся с теми, что справа. Натали сражается с женщиной-люпином в алом топе и штанах, обладательницей копны темных волос. Женщина бросается на Натали острыми, как бритва, когтями, но Натали уворачивается и протыкает мечом её сердце, убивая.

— Молодчина! — кричит Сол Натали. Его очки забрызганы кровью Люпина.

— Сол! Берегись! — кричит Жизель, когда другой Лунный пес бросается на мужчину.

Пес хватается Сола и рвет ему глотку. Клинок Нептуна, протыкающий брюхо твари, разит наповал, но Сол уже мертв. Я замечаю краем глаза движение слева. Сквозь дым я вижу, как из окон первого этажа мэрии высовывается пять фигур и все тела вываливаются на Коричную улицу: Себастьян, Гаррик, Саша и еще два Люпина из их своры. Гаррик, похоже, слегка прихрамывает. Они стреляют в мятежников Даков, которые перекрывают им дорогу и умудряются добежать до Транспортера, припаркованного на улице. Им удается завести мотор и спустя мгновение они улетают прочь, бросая своих людей на произвол судьбы.

Черт!

У меня нет времени останавливать их, здесь еще дофига псов. Слева трое... две женщины и Джаред. Я стреляю в грудь одной из женщин-псин, а потом наставляю пистолет на Джареда. И только хочу спустить курок, как Джаред хватается Жизель. Я не могу выстрелить в него, не задев её.

Её серые глаза смотрят прямо на меня.

— Эш, давай! — кричит она.

Я колеблюсь.

— Стреляй! — вопит Жизель, когда Джаред впивается своими резцами ей в шею.

Я нажимаю на курок, один раз, второй.

Жизель и Джаред падают на землю без движения.

Натали с Элайджей справляются с оставшимися Лунными псами.

Все звуки на площади смолкают. Люпины мертвы, а гвардейцы Стражей, которые все еще живы, попрятались за грудями трупов. Еще остались Ищейки, не успевшие покинуть убежище мэрии.

Вокруг все еще дымно. Я иду вперед и останавливаюсь перед ступеньками. Сосредотачиваю своё внимание на гвардейцах. В это мгновение на западной стене вышек мерцает монитор и на нем появляется прямая трансляция с Пряной площади. Пандора и её банда мятежников успешно взяли под контроль новостную станцию. Прямо сейчас мое изображение транслируется по всем мониторам, в каждом городе Соединенных Штатов Стражей.

— У вас единственный шанс, чтобы сдаться, — кричу я гвардейцам. Мой голос достаточно громок, чтобы его смогли услышать Ищейки в мэрии. — Опустите руки и без сопротивления идите с нами. Если вы отказываетесь, то у нас не будет выбора — мы применим силу.

Наступает долгая пауза. Мне уже кажется, что Ищейки не выйдут. И только я собираюсь отдать приказ штурмовать здание, как открылась дверь. Из мэрии высыпают Ищейки. Все они смотрели с яростью на меня, когда проходят мимо. Даки связывают им руки и выстраивают заключенных в линию вдоль стены гетто. Они будут стоять там, пока мы не решим, что дальше с ними делать. Я оставляю решение за Нептуном. Все-таки теперь это его

город.

Натали с Элайджей лезут на крышу. Я поднимаюсь по каменным ступенькам, разгоняю рукой дым, вырывающийся из окон. Он окутывает меня и невозможно сказать, где заканчиваются мои одежды, а где начинается дым. Я разворачиваюсь и смотрю прямо в объектив камеры, расположенной наверху цифрового экрана прямо напротив меня. У меня на щеке кровь и черная пудра размазана вокруг глаз, это совсем не похоже на идеальный макияж Эми. Это - я настоящий. Это истинное лицо Феникса: окровавленный, только что с передовой, и одетый в черное, будто в пепел.

У меня за спиной на ветру полощутся два бело-красных транспаранта Стражей, создавая контрастный и яркий образ. Я выдерживаю паузу, чтобы вся страна могла получше рассмотреть меня. На площади невероятно тихо, я даже слышу свое сердцебиение, все ждут мою речь.

— Это сообщение для Пуриана Роуза, — наконец говорю я в камеру. — Думал, что победил нас. Думал, что я мертв. Ты ошибся. Я жив. Я возродился. Я — Феникс, парень восставший из пепла.

Это сигнал. Натали с Элайджей уже на крыше Фракийской мэрии, они срезают полотнища Стражей и заменяют их нашими — горячей черной Пепельной розой на небесно-голубом фоне. Флаги слетают с фасада здания. Послание очевиднее некуда: Зеркальный город наш.

Трансляция завершается, и на мониторы возвращаются Си-Би-Эн, которые транслируют вести с «Февральских полей». Должно быть, Пуриан Роуз сейчас вне себя от ярости. Подозреваю, что несколько генералов Стражей будут казнены, за то, что ошиблись на мой счет в Иридиуме и вызвали этот политический кошмар. Роуз устроил такое шоу, продемонстрировав, что «он всего лишь смертный мальчишка», которого убила его армия, и вот он я, все еще живой и сопротивляющийся. Остальная часть страны будет верить, что я каким-то чудом воскрес. Снова. Эта вера придаст им мужества бороться плечом к плечу с повстанцами, зная, что Феникса и восстание не остановить.

Даки начинают перемещать мертвых и раненных в ближайшие здания, освобождая Пряную площадь, и вот тогда я понимаю, что здесь прошла настоящая бойня. Кровь повсюду, как и тела: Стражей, Люпинов, мятежников. Это не совсем та резня, что случилась в Иридиуме, но здесь больше трупов, чем мне хотелось бы увидеть еще раз когда-нибудь. Элайджа с Натали просматривают тела в поисках хоть малейшего признака жизни. Ко мне неспешно подходит Нептун. Его курчавые волосы и морщинистое лицо в саже и крови. Это кровь не только гвардейцев, но и его.

— Много людей мы потеряли? — спрашиваю я.

— По крайней мере, три десятка, и мы не знаем, сколько пострадало при падении Эсминцев. Возможно потерь больше, — добавляет Нептун, когда видит, как я морщусь.

Он хлопает меня по плечу и заверяет, что займется здесь всем. Я, разумеется, уступаю ему. В конце концов, это его люди. Я, молча, иду через площадь. Я ищу тело Жизель. И вот я замечаю огненные волосы, высывающиеся из-под тела Джареда. Я откатываю его тело с неё, а потом осторожно беру её на руки. На платье у нее алое пятно, в том месте на груди, куда попала пуля. Я чувствую онемение, когда осознаю содеянное — это я убил её.

Я несу её в ближайшую таверну, которая теперь служит импровизированным моргом. Мадам Клара и другие женщины Даки готовят тела к погребению. Старуха смотрит на меня, когда я кладу на стол тело Жизель, прямо перед ней. Воздух наполняет аромат розовой воды,

которой пользовалась Жизель, и мадам Клара закрывает рот рукой, понимая, кто перед ней.

— Нет, — шепчет она.

— Мне так жаль, — отвечаю я. Слова, срывающиеся с моих губ, кажутся такими пустыми.

Губы мадам Клары слегка дрожат. Она протягивает руку, и я беру её в свои ладони. Этот всего лишь маленький жест, но он столько значит.

Я целую её в щеку, бросаю на Жизель последний взгляд, а потом иду, чтобы найти Элайджу и Натали.

Пора забирать «Ора».

Глава 36

НАТАЛИ

СЕВЕРНЫЕ ДОКИ ОХВАЧЕНЫ хаосом, повсюду огонь и разруха. Корпус Эсмини торчит из вод гавани, создавая, таким образом, причудливую скульптуру. Гавань наводнена трупами. Я не могу смотреть на это. Одно дело знать, что на борту Эсминца были люди и совсем другое видеть их обугленные останки на волнах.

— Мы ищем судно под названием «Попутный ветер», — говорит нам Элайджа, когда мы спешим по набережной.

Мы просматриваем название каждой лодки, пока не обнаруживаем нужную, стоящую на якоре возле скалистого мыса. Это рыболовное судно, с сетками и крючками, свисающими по бортам. Название желтыми каллиграфическими буквами написано на изумрудно-зеленом фоне. Эш забрасывает наши вещмешки на палубу и прыгает следом за ними, а потом помогает мне и Элайдже.

Эш поднимает якорь, а Элайджа встает за штурвал, так как именно он знает путь нашего дальнейшего следования. Он выводит судно из порта, аккуратно обходя Эсминец. Я заставляю себя представить, что о борт бьется просто мусор, а не тела.

Я испытываю облегчение, когда Элайджа врубает полный газ, и мы выходим в открытое море.

Мы уплываем все дальше и дальше от Зеркального города. Эш обнимает меня за плечи. Несмотря на разруху, все равно город прекрасен. Потрескавшиеся зеркальные панели на уцелевших зданиях искрятся в солнечном свете.

Когда город становится всего лишь пятнышком на горизонте, я прячусь в каюте. Она маленькая, но функциональная. Здесь есть крошечная кухня и стол, туалет (видавший лучшие дни) и спальня, в которой есть кровать, достаточно вместительная для меня и Эша, если мы будем спать в обнимку. Думаю, Элайджа решит спать на палубе.

Я кидаю сумку на скрипучую кровать и бросаю взгляд на себя в маленькое зеркало. Я кривлю губы, когда вижу незнакомку в нем. Почему Эш еще хочет быть со мной, ведь понимает, что будет только хуже? Моя кожа покроется гнойниками, а волосы выпадут, я уже превращаюсь в чудовище. Меня снова охватывает сильное волнение, но какой в этом смысл — будем решать проблемы по мере поступления.

Лодку качает, и я чувствую, как у меня сводит желудок. Брр. Понятия не имею, как я продержусь здесь в течение последующих нескольких дней, но выбора-то все равно нет. Это самый быстрый способ добраться до Виридиса.

Я поглаживаю свой живот, пытаюсь унять хотя бы чуть-чуть чувство тошноты. Похоже, к вечеру станет только хуже. Я роюсь в сумке в поисках одного из фитопрепаратов мадам Клары и проглатываю несколько капель её имбирного тоника. Это немного помогает.

Дверь распаивается и в спальню, молча, входит Эш. Его глаза горят. Он бросает свою сумку на пол, подхватывает меня на руки и нежно кладет на кровать, а потом медленно, дразня, раздевает меня. Он целует меня с головы до пят, пока я не чувствую покалывание по всему телу. Мой пульс ускоряется, и я хочу его больше всего на свете. Но нам нельзя рисковать. Ночь после нашей помолвки останется единственной. Нам повезло. Я не вынесу, если он заболит.

— Не думаю, что нам стоит... — Я прикусываю губу.

Он нежно проводит пальцами по моему животу. Он только усложняет мне задачу.

— Не волнуйся, — говорит он, и натягивает на меня одеяло.

— Прости.

Он гладит меня по щеке.

— Не извиняйся. Это неважно. Для меня имеет значение только то, что я рядом с тобой.

Я поворачиваюсь в кровати, так, чтобы освободить ему достаточно пространства. Он ложится рядом и обнимает меня. Мы прижимаемся друг к другу. Наши руки сомкнуты. Больше я не позволю ему отдалиться. Пока мы плывем во Фракию, свет в каюте медленно меняется с бирюзово-голубого на оранжево-розовый. Солнце закатывается за горизонт. На небе образуются темно-серые облака. Когда я была еще девочкой, то часто наблюдала за закатом вместе с Полли и папой, в то время пока мама работала у себя в офисе. Я чувствую печаль, вспоминая о маме.

— Эш, я вот тут подумала, — говорю я, наконец. — Мне бы хотелось разыскать маму.

— Хорошо, — не возражает он.

Ничего себе, оказалось проще, чем я ожидала. Поиск моей матери не самое веселое занятие, учитывая, что мы находимся в эпицентре войны, к тому же моя мать не самый любимый человек на свете для Эша, ведь она причинила ему столько бед и Дарклингами в целом, но он понимает, почему я хочу, чтобы она была сейчас рядом.

— Она расстроится, когда узнает, что я больна, — говорю я. — Особенно, после того, как она потеряла Полли.

— Я найду лекарство, вот увидишь, так что все будет хорошо, — твердо говорит он.

Я ничего не говорю. Поиски бессмысленны и бесполезны, и он знает об этом. Лекарства нет. Самое лучшее для меня, это остаться одной в Бесплодных землях, где и был создан вирус, и где не осталось ничего.

— Может быть Элайджа разрешит, чтобы ученые мятежников провели на нем кое-какие эксперименты, чтобы выяснить, как его организм подавляет вирус, — продолжает Эш.

Я поворачиваюсь к нему лицом. Его чернильные волосы слабо колышутся вокруг лица, на носу осталась пепельная пудра.

— Я никому не позволю ставить эксперименты на Элайдже, особенно после всего того, что сделала с ним моя мать, — говорю я, стирая с его лица пудру. — Он достаточно натерпелся.

— Но...

— Нет, — говорю я ровным голосом, закончив тем самым разговор.

Эш больше не обсуждает эту тему, но я чувствую, что он продолжает мысленно искать способы спасти меня. Я ему не мешаю. Если ему нужен малейший проблеск надежды, чтобы продержаться оставшиеся несколько месяцев. Кто я такая, чтобы лишать его этого? Надежда — роскошь, на которую я не имею права, но я хочу, чтобы она была у него.

После дня богатого на события, я совершенно опустошена. Я закрываю глаза и позволяю волнам убаюкать меня. Мне вновь снится Полли, только на этот раз я вижу её маленькой девочкой. Она носится вокруг особняка в Блэк Сити. Мы играем в прятки. Я иду её искать, рыщу по коридорам, но что-то не так. Я не могу её найти. Её нет под кроватью (в месте, где она обычно прячется). Я оббегаю дом в её поисках, пока не оказываюсь возле папиного кабинета. У него на двери нарисована красная роза. Что-то подсказывает мне, что не стоит заходить внутрь, но мне нужно найти Полли и выиграть. Я тяну за дверную ручку и открываю дверь...

Я начинаю просыпаться, вся дрожа. Кровать пуста... Эша нет.

У меня нет времени сообразить, что к чему, я просто хватаю свою одежду и мчусь к туалету. Меня вырвало. И вновь я в слезах. Горечь от потери сестры так и не отпустила меня. Порой мне удается совсем не думать о ней, но потом бывают вот такие мгновения, когда я вспоминаю её смерть и весь ужас, что с ней связан... Меня мотает взад-вперед, я реву, пока боль не стихает. Единственный плюс в этом проклятом вирусе, что в итоге я воссоединюсь со своей сестрой.

Спустя какое-то время мне удастся подняться. Я споласкиваю лицо и после плетусь на кухню, в надежде найти что-нибудь перекусить, чтобы успокоить желудок. Но тут я слышу голоса, доносящиеся с палубы, и я иду к лестнице, ведущей наверх.

Эш с Элайджей опираясь на перила палубы, всматриваются в чернильное море. Они очень тихо разговаривают.

Эш тяжело вздыхает.

— Просто я так сильно её люблю, это...

— Убивает тебя, осознание того, что она больна? — заканчивает за него предложение Элайджа. — Я знаю, что ты чувствуешь.

— Тебе ведь она на самом деле не безразлична, так ведь? — спрашивает Эш.

— Вiniшь меня в этом? — Элайджа смотрит на океан. — С тех самых пор, когда она спасла меня, вызволив из тех лабораторий, я все время думал о ней не переставая. День и ночь. — Он вздыхает. — Но она всегда рассматривала меня только в качестве друга.

— Мне жаль, — говорит Эш.

— Нет, тебе не жаль, — отвечает Элайджа, чуть улыбаясь.

Эш запрокидывает голову и смотрит на луну.

— Не знаю, что буду без неё делать. Я уже однажды терял её. Я не могу смириться с мыслью, что мне снова предстоит пройти через это.

К моему удивлению, Элайджа кладет руку Эшу на плечо.

— Мы найдем лекарство, — говорит он.

— А что, если нет? — спрашивает Эш.

— Тогда ты знаешь, что мне придется сделать, — говорит Элайджа. — Так будет правильно.

Эш заглядывает Элайдже в глаза, а потом слабо кивает.

Они не высказались прямо, но я понимаю, о чем речь. Когда я стану Разъяренной — Элайджа убьет меня.

Глава 37

НАТАЛИ

В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ мы плывем по океану. Мы попали в штормов фронт. Лодку качает так сильно, что мне кажется, мы все утонем. Меня дико тошнит, но Эш утешает меня, а я не отхожу от унитаза. Тошнота становится только хуже, и теперь я могу есть только крекеры.

Но потом буря стихает и вне лодки штиль. Мне даже удастся выбраться на палубу, чтобы подышать свежим соленым воздухом. Эш оборачивает вокруг моих плеч одеяло, чтобы я не мерзла и целует меня в лоб. Элайджа притворяется, что ничего не замечает, хотя на лице его мелькает вспышка ревности.

Эш дни напролет читает мне дневник своей мамы. В качестве закладки он использует её фотографию. Карточка выцвела и углы у неё загнулись, но это не удивительно, ведь фотографии около тридцати лет.

Когда мы не читаем дневник, то смотрим новости через портативный монитор, который Эш украл у гвардейца в Бесплодных землях. Прием сигнала плохой, но и этого достаточно, чтобы понять, что во Фракии продолжается борьба, но Дакам до сих пор удастся удерживать город. Как мы и предполагали, Пуриан Роуз продолжает держать свою армию в наиболее важных стратегических местах.

Награда за наши головы возросла до ста тысяч монет за каждого. Эш ухмыляется, находя это забавным, хотя, что до меня, все в этой стране будут отчаянно пытаться схватить нас — даже кое-кто из повстанцев. Ведь это большие деньги.

Уже и в других уголках нашей страны вспыхивали восстания — в Ниобии, в городе Олд Бэй и Эшфолле. Похоже, наша победа во Фракии подстегнула людей присоединиться к борьбе, но, к сожалению, все эти попытки потерпели неудачу. Мы смотрим правительственные репортажи из этих городов. Все схваченные мятежники повешены на стенах гетто, как напоминание — что случается с предателями расы. Такими темпами восстание закончится, не успев начаться. У нас совсем мало времени, чтобы завершить нашу миссию. Я выключаю экран, не желаю больше ничего смотреть.

Той ночью Элайджа находит бутылку пряного Шайна, припрятанного в одном из шкафчиков. Мальчишки тут же принимают распивать её (мой желудок не позволил к ним присоединиться). Мы слушаем музыку по трещащему радио, и над нами светят звезды. Элайджа показывает нам традиционный танец Бастетов, который вызывает у нас хихиканье.

— Ладно, твоя очередь, — говорит он недовольно.

Эш поднимается и выдает забавную джигу, которая, как он утверждает, является народным танцем Дарклингов, но я-то знаю, что он просто прикалывается. Мы с Элайджей катимся со смеху.

— Смеешься надо мной, блондиночка? — поддерживает меня Эш.

Я киваю.

Он усаживается рядом со мной, и мы целуемся. Это так здорово целоваться с ним и переплестать наши пальцы. Не думаю, что это мгновение может быть идеальнее. Я надеюсь, что смогу запомнить эту ночь навсегда. Когда температура падает, Эш уносит меня в спальню и целует до утра.

Где-то около полудня нас будет голос Элайджи.

— Земля впереди! — кричит он.

Мы спешно одеваемся и бежим на палубу. Какой чудесный день: солнечно, но не жарко, небо ясное, а воздух пахнет цветами. Лодка плывет мимо отвесных скал, высотой в сотни футов и покрытых вьюнами и пышной зеленой листвой. Над головой летают красочные птицы, поющие другу другу красивые трели. По мере приближения к Виридису — Вертикальному городу — листва редет.

— Ну, ничего себе! — восхищаюсь я увиденным, и Элайджа замедляет ход лодки, чтобы мы могли поглазеть вокруг.

Выстроенный на скале огромный город, напоминает мне знаменитые фавелы Южных Штатов. Сотни зданий розового цвета с плоскими крышами, ютятся так плотно, что невозможно сказать, где заканчивается один дом и начинается другой — все они кажутся частью одного строения. Фавелы зигзагом опоясывает каменная лестница, которая убегает наверх в город. Но от чего у меня по-настоящему захватывает дух так это от водопада, который находится прямо посреди города, распыляя облака тумана в воздух.

— Впечатляет, да? — улыбаясь, говорит он.

Как только мы благополучно пришвартовываемся, Элайджа выключает двигатель и бросает якорь. Мы надеваем наши плащи с капюшонами, собираем вещи и следуем за Элайджей через фавелы по нескончаемым ступенькам в город. Моя травмированная нога пульсирует от напряжения, и нам приходится останавливаться каждые несколько минут, чтобы я могла перевести дух. Эш забирает мой вещмешок и вешает себе на плечо вместе со своим.

Улицы настолько узкие в некоторых местах, что мы можем обеими руками, растянув их по обе стороны, прикоснуться к домам.

Мы с Эшем не снимаем капюшонов, чтобы мимо проходящие Бастеты не узнали нас, хотя они, похоже, не обращают на нас никакого внимания. Им больше интересен Элайджа, который ведет себя так, будто хозяин города. Полагаю, что это недалеко от истины, он ведь сын Консула.

Чем дальше мы углубляемся в город, тем больше я замечаю, насколько он обветшал и обнищал. На многих домах ужасные граффити, а сами здания не рушатся только потому, что им не дают это сделать ближайšie дома. Краска на дверях и окнах ободрана, прохудившиеся крыши заделаны кое-как и чем попало.

Элайджа ведет нас переулками и лестницами, пока мы, наконец, не оказываемся на огромной площади, пол которой сделан из тысячи мельчайших, красочных мозаичных плиток, образующих головокружительные геометрические рисунки.

А впереди виднеется вилла из того же камня розового оттенка, что и остальные здания в городе. Кажется, что вилла пережила не один век. Её стены испещрены трещинами и осыпаются; часть западного крыла завалилась. Не таким я представляла себе здание посольства.

— Дом, милый дом, — бормочет Элайджа.

Мы входим в виллу через арочный проем в атриум. ^[3] В длинном холле прохладно и просторно, благодаря сводчатому стеклянному потолку. По обеим сторонам атриума расположены закрытые четыре двери, а прямо перед нами: большие двери из розового дерева. Я слышу голоса, доносящиеся из-за двери.

В фойе нет скульптур или картин, но есть несколько больших клеток, расставленных по всему помещению. Они заполнены красными птицами с тонкими раздвоенными хвостами.

Они невероятно красивы, но, похоже, что могут оказаться не менее опасней змей, учитывая, как Элайджа смотрит на них. Когда мы проходим мимо клеток с птицами, они истошно вопят, и Элайджа тут же свистит в ответ. Птицы немедленно успокаиваются.

— Что это за птицы? — У меня в ушах до сих пор звенит.

— Сирены, — отвечает он. — Мы используем их в качестве охраны, против злоумышленников. — Два Бастета, как по команде, вылетают из боковой комнаты и наставляют на нас оружие. Оба мускулистые, одетые в черные штаны и кожаные жилеты, с золотыми браслетами на запястьях. Они одеты точь-в-точь, как Элайджа, когда он объявился в церкви, что я нахожу странным. Они опускают оружие, когда видят Элайджу.

— Мой отец в сенате? — спрашивает Элайджа.

Один из стражей кивает, и они призывают его следовать за ними. Они открывают большие двери из розового дерева в конце коридора, и мы входим в просторное, светлое помещение с арочными окнами и нефритовыми колоннами, поддерживающими сводчатый потолок, который того же цвета, как и небо снаружи. На дальней стене висит огромный гобелен Соединенных Штатов Стражей, который не только старый сам по себе, но и устаревший.

По периметру палаты стоит дюжина гвардейцев, и все они целятся оружием в нас. Они здесь для того, чтобы защитить людей, сидящих вокруг стола, расположенного в центре комнаты. Во главе стола стоит мужчина-Бастет средних лет, с густыми рыже-каштановыми волосами, полными губами и темными пятнами на щеках. Нет никаких сомнений, что это отец Элайджи — Консул Безье Теру. Он одет в элегантный зеленый костюм зеленого, в жилет медного цвета с золотой отделкой, белую рубашку и шелковый галстук.

Рядом с ним красивая, но суровая на вид, женщина-Бастет, каштановые волосы которой завиты в тугие локоны. Она одета в платье янтарного цвета, лиф которого расшит бисером. Отметины на её щеках бледнее, чем на щеках у отца Элайджи, и я предполагаю, что это Рованна, жена Консула. Слева от нее сидят три мальчика-подростка, которые должно быть братья Элайджи, судя по его описанию их.

Ацелот, самый старший и самый высокий из братьев — вылитый отец, у него та же копна волос и горящий взгляд. Он одет более небрежно, чем все остальные, в простую белую рубашку с закатанными рукавами, в зеленый жилет и черные брюки. Его младший брат Донатьен, настолько тощий, что его дорогая одежда висит на нем. Ну и наконец, самый младший брат Элайджи, Марсель, ссутулившись, сидит на своем стуле. Он дальше всех находится от отца. Он, как и Консул, безукоризненно одет, и очень привлекателен внешне. У него такие же чувственные губы, как и у Элайджи, остро очерченные скулы и красивые пятнышки на щеках и шее. Но все портит его высокомерная усмешка.

Остальные девять сенаторов — пять мужчин и четыре женщины — одеты либо в сюртуки как у Консула, либо в платья как у Рованны, но с другими украшениями.

Элайджа кланяется.

— Отец, я привел тебе Натали Бьюкенан и Эша Фишера.

Безье одаривает Элайджу одобрительным взглядом.

— Я не был уверен, что ты сможешь убедить их прийти. Я недооценил тебя, сынок.

Элайджа весь светится, словно его удостоили самым лучшим комплиментом.

— Спасибо, отец.

Марсель закатывает глаза.

— Это честь для меня, Консул, — говорит Эш, делая небольшой поклон.

— Уверяю тебя, я испытываю не меньшее удовольствие. — Безье улыбается, но что-то настораживает меня в этой его улыбке.

— Не вижу твоей матери, — говорит Рованна Элайдже. — Разве это не означает, что «Ора» ты так и не достал?

— Так и есть, но я знаю, где она, — спешно отвечает Элайджа.

Она тяжело вздыхает, и обращает взгляд медовых глаз на нас с Эшем. В них нет тепла Элайджи. Её глаза холодны, расчетливы, прямо как у моей мамы.

Я нервно откашливаюсь.

— Элайджа просил нас прийти сюда, чтобы поговорить с сенатом.

— Мы бы хотели попросить вас присоединиться к восстанию, — продолжает Эш. — С вашей поддержкой мы могли бы...

Безье поднимает руку и прерывает Эша.

— Мы знаем, зачем вы здесь, но боюсь нам это не интересно. — Безье ухмыляется сенату. — Будто мы ни с того ни с сего встанем на сторону Дарклингов.

Все Бастеты смеются, за исключением Элайджи и его старшего брата Ацелота.

Я поворачиваюсь к Элайдже.

— Что происходит?

Он смотрит на нас глазами, полными отчаяния, когда стража сената набрасывается на нас с Эшем.

Теперь я понимаю, что мы пришли сюда не затем, чтобы убедить сенат присоединиться к восстанию.

Элайджа завел нас прямиком в ловушку.

ОХРАННИКИ ХВАТАЮТ НАС и грубо толкают, чтобы мы оказались на коленях. Вещмешки падают с моих плеч, и все содержимое из них вываливается на каменные плитки, включая мамину шкатулку.

— Отвалите! — рычу я.

— Вызвать гвардейцев Стражей, — отдает приказ Безье.

— Элайджа, прекрати это! — умоляет Натали.

Он даже не смотрит на нас, когда выходит из комнаты, захлопывая за собой дверь.

Я борюсь со своими захватчиками, но они слишком сильны. Они грубо пригвозждают меня к каменному полу.

— Отведите их в подвал и свяжите, пусть так и сидят, пока не придут наши гости, — говорит Безье.

— Отец, неужели мы действительно должны так поступить? — вмешивается Ацелот. — Их же убьют.

— Это не наша забота, — парирует Безье. — Так мы докажем свою преданность Пуриану Роузу.

— По крайней мере, пока не добудем «Ора», — говорит Рованна.

Безье ухмыляется.

— И эти двое выгадают нам немного времени.

Стражники Бастеты хватают нас и вытаскивают из комнаты. Сирены верещат, завидев, как нас тащат по атриуму, а потом вниз в подвал по каменным ступенькам. Я изворачиваюсь и оглядываюсь назад, чтобы удостовериться, что Натали в порядке. Она пинается, царапается и плюется в стражников, одного даже умудрилась укусить за руку. За что в отместку он бьет её так сильно, что она теряет сознание. Яд наполняет мои клыки, и я вырываюсь еще сильнее, но все без толку.

В подвале холодно, сыро и темно. Здесь стоят каменные колонны, которые подпирают потолок, еще в камере есть несколько факелов, которые отбрасывают длинные тени на стены и на влажную землю. Они связали мои запястья и лодыжки, а потом приковали к одной из колонн, следом то же самое они проделали и с Натали. Она все еще без сознания. На том месте, куда её ударил Бастет, уже появилась шишка.

Как только Бастеты уходят, я тут же пробую высвободиться, но ничего не выходит. Связали меня на славу.

Глаза Натали открываются, и она стонет.

— Где мы?

— В подвале, — отвечаю я.

— Ты неустанно водишь меня по умопомрачительным местам, — говорит она.

— Когда мы выберемся отсюда, я прикончу Элайджу.

Натали вздыхает.

— Поверить не могу, что повелась на его ложь. Чувствую себя такой дурой. Все это время он только и делал, что манипулировал мной, вынуждая меня чувствовать виноватой перед ним. Я ведь ему доверяла.

— Он провел нас обоих, — говорю я.

— Как думаешь, что с нами будет? — тихо спрашивает Натали.

— Думаю, Роуз будет нас пытаться, а потом публично казнит, — говорю я. Нет смысла юлить.

— И я так же подумала.

Время в подвале тянется очень медленно. Такое ощущение, что каждая минута растягивается в час, а час в десять, пока мы ждем прибытие Стражей. Почти все это время я пытаюсь высвободиться, пока не устаю. Хреново; нас очень туго связали. От разочарования я вою. Нам никогда отсюда не выбраться. Натали просто сидит и смотрит куда-то вдаль, устало и безнадежно.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я.

— Не очень, — признается она.

Дверь в подвал открывается и входит Ацелот, неся поднос с едой. На подносе какой-то суп для Натали и стакан с кровью для меня.

— Что это? Наш последний ужин? — спрашиваю я у него.

Он бросает на меня извиняющийся взгляд.

— Я подумал, может, вы голодны.

— Да я лучше подохну с голоду, — сплевываю я.

Он ставит поднос на ближайший деревянный ящик и чешет затылок. Похоже, он нервничает. Ацелот гораздо выше Элайджи, но не так широк в плечах. Поэтому я бы сказал, что ему около девятнадцати лет. Рукава его рубашки закатаны по локоть. Ногти обкусаны до мяса.

— Мне очень жаль, — говорит он, взмахивая рукой в сторону наших оков. — Но я, между прочим, не согласен с тем, что они делают.

— Тогда почему ты вместе с ними? — устало спрашивает Натали.

— Потому что у нас нет особого выбора. Когда мы узнали про «Десятый» из письма Люсинды, то поняли, что это лишь вопрос времени, когда Стражи заявятся к нам. — Ацелот усаживается с краю ящика, а его хвост подметает грязный пол. — Элайджа рассказал нам все, что обнаружил об «Ора». Сенат усмотрел в этом возможность заполучить в свои руки мощное оружие, чтобы защититься, но нам нужен был запасной план.

— Дай-ка угадаю, вы собираетесь отдать нас в руки Стражей в обмен на ваши жизни? — язвлю я.

— Вроде того, — признается Ацелот.

Я, не веря своим ушам, качаю головой.

— Да вы совсем чокнулись, если думаете, что Стражи согласятся на ваши условия.

— Скорее всего, так и будет, но у нас не так уж много вариантов, — возражает Ацелот.

— Ты мог бы присоединиться к восстанию, — говорю я.

— Именно этого я и хотел. — Ацелот вздыхает. — Просто я не смог убедить остальных сотрудничать с Дарклингами. — Он оставляет поднос и поднимается, ненадолго задерживаясь на ступеньках. — Мне, правда, очень жаль.

Дверь за ним закрывается. Как только он уходит, я обессилено прислоняю голову к колонне. Виски стучат. Я закрываю глаза, пытаюсь хотя бы немного унять головную боль.

* * *

Я просыпаюсь от криков Сирен. Я моргаю несколько раз, пытаюсь приспособиться к темноте, а потом смотрю на Натали. Совсем не помню, как отключился. Сколько я проспал? Она поворачивает голову в мою сторону.

У нас над головой раздается звук шагов, которые следуют через атриум в комнату, где заседает сенат.

Они здесь.

Мне страшно.

— Эш! — зовет меня Натали, тоже услышав шаги.

— Я не позволю им обидеть тебя, — говорю я.

В комнате Сената какой-то шум. Стулья царапают пол. Быстрые шаги. Я узнаю поступь Гаррика.

— Где они? — слышен его приглушенный голос.

— Внизу, — отвечает Безье.

— Тогда сходи за ними и приведи, — приказывает Себастьян.

Еще шаги. Вскоре после этого дверь в подвал открывается и в помещение попадает солнечный свет. Я ожидаю, что на пороге появятся гвардейцы Бастетов, но это Элайджа. На его запястье висит связка ключей. Он немного опускает голову, вставая перед нами.

— Как ты мог предать нас? — спрашивает Натали.

Он поднимает глаза.

— А что бы ты сделала на моем месте? Я исполнял приказ.

— Ты говоришь это так, будто у тебя не было выбора, — замечает она.

— У меня его не было!

Но она смотрит на него жестко и неумолимо.

— Не было, — шипит он, неосознанно перебирая золотые браслеты на запястьях. Браслеты, как у тех охранников наверху.

— Ты раб, — говорю я, понимая, в чем дело.

Элайджа едва заметно кивает.

— Так значит Безье не твой отец? — спрашивает Натали.

— Отец, — говорит Элайджа. — Но когда Рованна узнала о его романе с моей матерью, и что у них родился ребенок, она потребовала, чтобы я стал слугой. Дабы наказать мою мать.

— Видимо, здесь мы должны начать тебе сочувствовать? — интересуюсь я.

— Нет, — возражает Элайджа. — Но возможно вы сможете понять, что выбора у меня не было. Он — Консул, я должен повиноваться его приказам.

Натали закатывает глаза.

— Ерунда. Ты просто пытался произвести на него впечатление.

Элайджа краснеет.

— А ведь мы могли бы помочь тебе, — говорю я. — С «Ора», и восстание свершилось бы. А теперь все пропало. Ты всех нас приговорил.

Элайджа усаживается на влажную землю и горбится.

— Мне очень жаль.

— Ты уж прости нас, что мы тебе не верим, — говорит Натали.

— Я серьезно, — говорит он. — Ты мне не безразлична. Я никогда не хотел причинить тебе боль.

— Можно я передохну, а то я устала от всего этого притворства, — говорит она.

— Я не притворялся! Все так и есть! — горячится он. — Я тысячу раз хотел тебе во всем сознаться.

— А чего ж не сознался? — спрашивает она.

— Мне казалось, я поступаю правильно, что делаю это ради своего народа, — говорит

ОН.

Натали пристально смотрит на него.

— И я хотел произвести впечатление на своего отца, — признается он.

— Рад, что у тебя вышло, — вмешиваюсь я, глядя на его золотые оковы.

Он потирает запястья, хмурится.

— Я надеялся...

— На что? Что твой папаша неожиданно примет тебя в свою семью, если ты доставишь меня с Натали к нему? Ты, видать, идиот, — отвечаю я. — Ты для него ничто. Просто его марионетка, которой он поиграется и выбросит, когда ты станешь бесполезен.

Элайджа проводит руками по волосам.

— Я не хочу, чтобы все вот так закончилось.

— Не закончится, если ты нас освободишь, — говорит Натали.

— Я не могу...

— Ты мой должник, — говорит Натали. — Я освободила тебя из Штаб-квартиры Стражей, не забыл?

— Да Себастьян убьет отца и братьев, если я не отдам ему вас, — говорит он. — Вы это прекрасно знаете.

Я смотрю на Натали. Я должен её вытащить отсюда, это единственный её шанс на выживание.

— Оставь меня. Себастьяну все равно нужен только я, — предлагаю я Элайдже.

— Эш, нет! — вскрикивает Натали.

— Прошу тебя, Элайджа, — уговариваю я его. — Если тебе и, правда, не безразлична Натали, тогда освободи её.

На его лице появляется неуверенность.

— Прошу тебя, — говорю я.

Я слышу, как наверху, теряя терпение, по комнате расхаживают Себастьян и Гаррик. Элайджа поднимает взгляд к потолку, затем переводит его на Натали. Он ненадолго закрывает глаза, он явно разрывается между тем, что должен сделать и тем, что правильно. Наконец он поднимается и освобождает её. Я испытываю такое облегчение, которое невозможно передать словами; у неё появляется шанс сбежать, шанс выжить. А мне нужно только это, чтобы держаться.

— Спасибо, — говорю я Элайдже.

— Не благодари меня пока, — говорит он, к моему удивлению освобождая и меня. — Я еще не успел вытащить вас обоих отсюда.

Я поднимаюсь на ноги, не понимая, почему он меня отпускает.

— Почему ты это делаешь? — спрашиваю я его.

— Ведь кто-то должен спасти мой народ, — говорит он. — И что-то мне подсказывает, что мой отец не годится на эту роль. Пообещай, что ты защитишь их.

— А ты не пойдешь с нами? — спрашивает Натали.

Он мотает головой.

— Я должен остаться и защитить свою семью.

— Тебя убьют, — говорит она.

Он грустно улыбается.

— Не переживай из-за меня, красотка. — Он смотрит на меня. — Обещаешь?

Я опускаю ладонь на его плечо.

— Обещаю.

Мы бежим по лестнице в атриум, но останавливаемся, увидев двух стражников Бастетов, патрулирующих коридор. Они к нам спиной, так что пока не видят нас. Мы быстро ныряем в тень, когда один оглядывается. Мои мышцы напряжены, я жду, чтобы узнать заметил ли он нас. Но потом я расслабляюсь, когда он отворачивается.

Стражники Бастетов проходят по коридору, а потом заходят в одну из комнат слева. Как только дверь за ними закрывается Элайджа выходит из нашего укрытия и свистит тем самым свистом, чтобы Сирены не принялись галдеть. Он увлекает нас вперед. Мы спешим пройти мимо двери из розового дерева, которая ведет в палату Сената.

— Безье, я не собираюсь торчать здесь весь день, — огрызается Себастьян по другую сторону закрытых дверей. — Приведи мне их немедленно.

— За ними уже ушел мой слуга, — отвечает Безье. — А теперь обсудим наши условия...

Раздается выстрел, а потом звук удара тело о каменный пол.

Элайджа разворачивается, лицо его блее белого.

— Папа!

В Сенате тут же начинается неразбериха: люди кричат, снова раздаются выстрелы, на пол падают тела. Двери распахиваются, и из комнаты выбегают оставшиеся в живых сенаторы. Снова слышны выстрелы и они падают на мозаичный пол. Мои ноздри раздуваются от запаха крови.

Через дверной проем я вижу Ацелота и других Бастетов, сражающихся с гвардейцами Стражей, в то время как Марсель прячется под столом. Донатьен лежит мертвый на полу рядом с матерью и Безье. В самом эпицентре боя Себастьян, Гаррик, Саша и еще два Люпина.

Громкие звуки пугают Сирен, и они начинают кричать. Себастьян поворачивается на звук и видит меня. На его лице мелькает удивление, а затем он издает рык и рявкает приказ Люпинам.

Гаррик со своей сворой вслед за Себастьяном бросаются на нас. К ним присоединяются парочка раненых гвардейцев. Люпины перепрыгивают через тела мертвых сенаторов, едва не спотыкаясь о них, и гонятся за нами по коридору. Хотя Гаррику из-за хромоты приходится туго. Сирены голосят, что есть сил, когда мы проносимся по атриуму, и их крик эхом разносится по зданию.

Мы выбегаем на площадь, через парадную дверь. На противоположной стороне площади припаркован Транспортёр, который совершенно точно принадлежит Себастьяну и его людям, которых он привез с собой. Люк открыт. Мы мчимся к нему, понимая, что это наш единственный шанс на побег. Я рискую оглянуться. Гаррик уже добрался до двери. Он спешит за нами, следом за ним появляются Саша и другие два Люпина.

— Скорей! — выкрикиваю я.

Натали вскрикивает, когда её больная нога подгибается, и она валится на землю. Я разворачиваюсь и спешу к ней, но понимаю, что тем самым решил свою судьбу. Я добегаю до неё одновременно с Гарриком. Он сбивает меня с ног, хватая Натали. Я падаю и сильно ударяюсь. Два гвардейца хватают Элайджу, в то время как Себастьян обнажает меч. На его лице появляется выражение триумфа.

Он сосредоточен на мне, и не замечает появление Ацелота в дверном проеме поднявшего пистолет. Бастет стреляет в Стражей, держащих Элайджу, прежде чем направить пистолет на Себастьяна. Он нажимает на курок. Щелчок. И ничего. Магазин пуст.

— Чего ты ждешь, псина? — говорит Себастьян Гаррику. — Прикончи кота.

Гаррик идет, будто собирается добраться до Ацелота. А потом случается то, чего я никак не ожидал. Гаррик забрасывает Натали себе через плечо и бежит к Транспортеру, с Сашей и другими двумя Люпинами.

Себастьян ненадолго теряет бдительность, и у меня появляется шанс ударить. Я бросаюсь на него всем своим весом. Мы валимся на землю, катимся по площади. Каждый из нас пытается взять вверх. Мы уже были в такой ситуации — буквально два месяца назад в Блэк Сити. Но в этот раз я его не упущу.

На другой стороне площади включаются двигатели Транспортера. Нет!

— Верни Натали! — кричу я Элайдже.

Не знаю, услышал ли он меня; я слишком занят борьбой с Себастьяном. Мне удастся подмять его под себя и врезать ему по лицу, еще и еще, пока у меня не начинают кровоточить костяшки пальцев. Он лишается сознания, из его носа и рта течет кровь.

Мое внимание привлекают винты Транспортера, которые начинают вращаться.

Элайджа бежит в летательной машине, когда люк начинает закрываться.

Он не успеет!

Сквозь щель закрывающейся двери, я вижу Натали, прикованную к металлической лавке.

— Натали! — выкрикиваю я.

Она поворачивается на мой голос.

— Эш! — кричит она.

Элайджа запрыгивает в люк, проворно сгруппировавшись, как раз перед тем, как дверь захлопывается и Транспортер взлетает.

— Нет! — кричу я, когда Транспортер взмывает вверх. — Натали! НАТАЛИ!

Я кричу до тех пор, пока мне не изменяет голос. Но все бесполезно.

Её больше нет.

Глава 39

НАТАЛИ

Я ТЯНУ ЗА ЦЕПИ, которыми обмотаны мои запястья и лодыжки и тут же жалею об этом, потому что они немедленно впиваются мне в кожу, причиняя боль. Мы в плену Транспортера уже несколько часов и за это время Гаррик не произнес ни слова. Он просто сидит в своем кресле пилота, пока Саша и другие два Люпина следят за нами. Она иногда позволяет мне воспользоваться крошечным туалетом, рядом с кабиной. Только к этому и сводится все наше общение.

Когда я не думаю об Эше, что случается нечасто, то обдумываю план нападения на Гаррика и захвата корабля, хотя прекрасно понимаю, что все тщетно. Люпины прикончат нас еще до того, как я приближусь к нему. Кроме того, ни я, ни Элайджа не знают, как управлять Транспортером.

Элайджа смотрит вперед, его лицо напряжено от беспокойства. Должно быть, он думает, что Гаррик, скорее всего, убьет его, как только мы доберемся до места назначения. Я вспоминаю наше прошлое путешествие на Транспортере, нашу провальную миссию по спасению Полли. Тогда он стал таким утешением для меня. Я нежно беру его за руку, и он благодарно смотрит на меня. Его пальцы переплетаются с моими.

За окнами кабины проплывают облака и невозможно сказать, где мы. Но смею предположить, что мы направляемся в Центр. Без сомнений, Гаррик хочет денег и не хочет делиться ими с Себастьяном. Чего я не понимаю, так это, почему он забрал меня, а не Эша. Роузу от меня мало проку, в отличие от... о Боже. Я могу быть ему полезной. Пуриан Роуз может использовать меня против Эша, так же как он использовал Полли. Они оставят меня в живых, будут мучить меня, понимая, что это сведет с ума Эша. Он не сможет нормально действовать: он станет бесполезен для восстания.

Думаю, Пуриан Роуз понимает, что это не лучший ход — убийство Эша. Эш уже «воскрес» — дважды; люди не поверят в его смерть, а если и так, то он превратится в мученика, а это последнее, что нужно Роузу. И в его аресте нет никакого смысла. Тогда Эш станет политическим заключенным и снискает еще больше поддержки, что пойдет только на благо восстанию. Нет, единственное, что может Пуриан Роуз — это отвлечь все внимание Эша от восстания, и для этого ему нужна я.

— Итак, сколько выручите за меня? — спрашиваю я Сашу. — Надеюсь, это стоило затраченных усилий.

Она ничего не говорит, только кривит свои ярко розовые губы.

Транспортер неожиданно резко забирает влево. Облака исчезают, и их место занимает черный дым.

Воздушное судно спускается и в наше поле зрения попадают верхушки промышленных зданий, медные трубы которых сверкают, когда мы пролетаем мимо. Мы летим в опасной близости от них, лавируя между зданиями на бешеной скорости. Я в ужасе вжимаюсь в сидения, готовая к тому, что мы вот-вот разобьемся.

— Ты в порядке? — шепчет Элайджа.

— Меня немного подташнивает, — признаюсь я.

— Если ты собираешься блевать, то будь добра, на этот раз сделай это себе на ноги.

Я слабо смеюсь.

Мы пролетаем над стальными и медными стенами, характерного вида, и я узнаю в них стены гетто Галлии. Мы в Медном Штате!

— Это Альфа-один, прошу разрешения на посадку, — говорит Гаррик в свою гарнитуру.

Радио трещит, но спустя мгновение отвечает мужской голос. Его голос кажется мне очень знакомым, но из-за помех я не могу понять, кому он принадлежит.

— Приземляйтесь. Рады вашему возвращению Альфа-один, — говорит голос.

Транспортер резко забирает вправо, минуя крыши заводов, едва не оцарапав об них брюхо летательного аппарата, и приземляется на огромном дворе снаружи плавильного завода. Два Люпина снимают с нас кандалы, в которые закованы наши ноги, но оставляют цепи у нас на руках. Люк открывается, и внутрь врывается горячий удушливый воздух.

Мы шагаем по двору к заводу и вниз по лабиринту из металлических дорожек, прежде чем добираемся до двух огромных стальных дверей. Они распахиваются, и я понимаю, что это лифт.

— Куда ты нас забираешь? — спрашиваю я Гаррика.

— Увидишь, — говорит Гаррик, когда двери за нами закрываются, и мы опускаемся под землю.

Мое сердце бешено колотится, а руки трясутся. Я хватаюсь за руки Элайджи, а он бросает на меня обнадеживающий взгляд.

Лифт останавливается и двери, издав сигнал, открываются. Я моргаю от яркого флуоресцентного света. Оказываемся мы на оживленной железнодорожной сети, со сводчатым потолком из меди, примерно в двадцать футов в высоту, который производит впечатление удивительной воздушности. Мимо, гремя, проносятся поезда с людьми. Вдоль рельсов проложены широкие бетонные тротуары. Они вплотную прилегают к металлическим стенам зданий, убегая в туннели. У меня такое впечатление, что мы посреди шумного города. Нас ведут по тротуару, и я вижу на стене название: ГЛАВНАЯ УЛИЦА.

Вокруг нас спешат куда-то люди в оранжевых заводских костюмах с оружием наперевес. Где же мы? На пересечении Главной улицы и Второй авеню, с Гарриком здоровается миниатюрная молодая чернокожая женщина. У неё длинные косички и напористый взгляд. Меня она одаривает мимолетной улыбкой. Мне кажется, что я её знаю, но не пойму откуда. Что происходит?

— Они ждут тебя на центральном командном пункте, — говорит она.

— Хорошо, Дестени, передай им, что буду через пять минут. Сначала мне нужно доставить в их комнаты этих двоих, — говорит он.

Он пытается схватить меня за руку, но я отдергиваю её.

— Не прикасайся ко мне! — сплевываю я.

— Злюка. — Дестени подмигивает Гаррику и уходит.

— Сюда, — говорит Гаррик.

Мы идем по Второй Авеню мимо рядов зеленых дверей, встроенных в медные стены. Он останавливается перед дверью подписанной БЬЮКЕНАН. Я смотрю на Элайджу, который в ответ только приподнимает брови. У меня есть своя комната? И как давно они меня ждут? Я совсем ничего не понимаю.

Дверь открывается, и я вхожу внутрь, понимая, что выбора у меня в общем нет. Комната где-то метров пять длиной с парой двухъярусных кроватей, небольшой подсобкой в железной стене, маленьким письменным столом, зеркалом и раковиной. На столе стоит ваза с цветами.

Гаррик снимает оковы с наших запястий.

— Устраивайтесь. Вам придется тут посидеть минут десять, — говорит он, и уходит.

Дверь захлопывается за ним.

Элайджа садится на нижнюю койку двухъярусной кровати, и потирает запястья.

— Что происходит? — спрашивает он.

— Понятия не имею, — говорю я, — но у меня такое чувство, что они не собираются нас убивать. — Во всяком случае, пока.

Я обхожу комнату, в поисках хоть каких-нибудь подсказок, кто эти люди. Но ничего не нахожу, разве что четыре оранжевых комбинезона внутри подсобки. Все здесь выглядит очень организовано и профессионально. Подобное можно было бы ожидать от правительства Стражей, однако будь это они — мы бы уже точно сидели в камере, а не в комнате. Но как-то здесь уж слишком... удобно, что ли.

— Она здесь? С ней все в порядке? — Я слышу женский голос за дверью. Мое сердце отчаянно колотится в груди, потому что я узнаю голос, но до конца не верю в происходящее.

Дверь распахивается и в проеме появляется высокая женщина в оранжевом комбинезоне. Её черные, как смоль волосы, ниспадают на костлявые плечи. Её губы накрашены алой помадой, от чего алебастровая кожа выглядит прозрачно-белой. И даже такая она прекрасна как никогда.

Она раскрывает объятья.

— Девочка моя дорогая!

Я бегу к ним.

— Мама!

Я вцепляюсь в неё, а она обнимает меня. В последний раз я видела её, отбивающейся и кричащей у меня в камере в Блэк Сити, куда меня посадили за убийство Генри Томпсона. Она очень похудела, кости торчали даже сквозь комбинезон. Она отстранилась и нежно заправила мне за ухо непослушный локон.

— Уверена, у тебя куча вопросов, — говорит она. — Но кое-кто очень хочет с тобой побеседовать.

Я хмурюсь.

— И кто же это?

— Здравствуй, моя хорошая, — раздаётся мужской голос из дверного прохода.

Я оборачиваюсь.

В дверном проеме появляется белокурый мужчина, одетый в точно такой же комбинезон, как у мамы. Его лицо в шрамах, оставшихся от укусов и порезов, и это делает его лицо трудно узнаваемым. Но я, несмотря ни на что, узнаю эти голубые глаза.

Я бросаюсь к нему, по моим щекам текут слезы, и он обнимает меня. Вот почему голос по радио показался мне таким знакомым.

Это мой отец.

Я СИЖУ на краю гавани, вглядываясь в океан. У меня за спиной возвышается какая-то цыганская обветшалая фавела. На волнах покачиваются брошенные рыбацкие лодки, звук от их колоколов разносится по заливу. Я тру руками лицо. Боже мой, как же я устал. Чертовски устал. Я не спал уже тридцать часов. С тех пор, как Гаррик забрал Натали.

Куда он её забрал? Себастьян отказывается говорить, что не удивительно, но даже если он заговорит, сомневаюсь, что у него есть хотя бы предположение, куда забрали Натали. Похоже, он удивлен не меньше моего поступком Гаррика. Сейчас Себастьян сидит в подвале виллы, пока мы не решим, что с ним делать.

Я закрываю глаза и прикладываю руку к груди, чувствуя сердцебиение сердца Натали в такт с моим. Она жива. Я знаю это наверняка. Но это слабо утешает. В это самое мгновение они могут её пытать и избивать. Тело мое пронзает боль, и я сгибаюсь пополам. Я не смог её спасти.

Ацелот спускается по деревянной дорожке и усаживается рядом со мной. Он выглядит таким же измотанным, как и я. Все это время он провел, помогая раненым гвардейцам Бастетов и выжившим сенаторам, и еще помогал с уборкой виллы. Мы сидим, молча, наблюдая за облаками, плывущими по голубому небу. Небесный цвет напоминает мне глаза Натали. Я судорожно вздыхаю.

— Элайджа защитит её, — говорит Ацелот, будто читая мои мысли.

— Что если у него не получится? — спрашиваю я. — Я должен найти её. Я просто не могу сидеть здесь, ничего не делая, в то время как с ней может случиться...

Ацелот кладет руки на мои плечи, и мне становится легче.

— Как думаешь, куда они отправились? — спрашиваю я.

— Наверное, в Центрум. Думаю, Гаррик забрал их в Золотую Цитадель для допроса. Это самый вероятный сценарий, который мне приходит в голову.

— Мне нужно туда попасть. У тебя есть какой-нибудь транспорт на ходу?

— У нас есть лодки, — отвечает он. — И от отца остался Транспортер, но он довольно потрепанный. Марсель пару месяцев назад взял его покататься и разбил, так что его надо починить.

Я киваю.

— Хорошо. Как только все будет готово, я немедленно отправляюсь в Центрум.

— Это самоубийство, — говорит Ацелот.

— Знаю, но мне все равно, — говорю я. — Кроме того, я пойду туда не безоружный. Для начала, я собираюсь найти «Ора», тогда у нас будет надежда спасти их.

— Тогда я пойду с тобой, — говорит Ацелот и встает. — Я в большом долгу перед тобой и Элайджей.

Мы поднимаемся вверх по скале и идем обратно на виллу.

Когда мы идем через площадь, в воздухе до сих пор витает запах смерти. На мозаичном полу остались высохшие лужи крови. Большинство тел доставили в местный морг для кремации. Консула же с женой и сыном Донатьеном поместили в их семейный склеп. Город, в знак траура, украсили черные флаги, вывешенные в каждом окне.

В атриуметак же остались признаки недавней борьбы, как и в палате Сената. Мебель

поломана, в стенах остались следы от пуля, гобелен Соединенных Штатов Стражей сорван с нескольких крючков и свисает под углом.

Марсель сидит, развалившись, в кресле отца, содержимое моего вещмешка вывалено на стол. Перед ним лежит открытый дневник моей мамы, а его рука держит одну из фотографий.

— Это личное! — вскрикиваю я, выхватывая у него её.

Это фотография маминой семьи в лесу.

— Мне скучно, — говорит он, скрещивая руки на груди.

Мои клыки наливаются ядом. Меня бесит его поведение. Половина его семьи убита, а ему плевать. Черт, да что с ним не так.

Ацелот хватается Марселя за ухо и заставляет встать с кресла.

— Сделай хоть что-нибудь полезное. Например, повесь нормально гобелен.

Он отпускает Марселя, и младший брат скалит на него зубы.

Мы сидим и наблюдаем, как Марсель чинит гобелен. Я кладу на стол перед собой фотографию мамы и рассматриваю её лицо. Но потом перевожу взгляд на Люсинду.

— Итак, где нам искать оружие? — спрашивает Ацелот.

Я поднимаю взгляд.

— Это место называется Коготь. Это гора. Слышал о такой?

Ацелот качает головой.

Я вздыхаю, глядя на гобелен, гадая, где же может находиться эта гора. Я знаю, что гора находится недалеко от Серого Волка, поэтому я нахожу на гобелене город и просматриваю ближайшие горы, надеясь на какую-нибудь подсказку. Мой взгляд цепляется за название: ГОРА АЛЬБА.

Я поднимаюсь. Я озадачен. Этого не может быть. У горы на гобелене острый пик, но у горы Альба плоская вершина, и уж конечно вокруг нет никаких городов. Но данная карта утверждает обратное. Никто не жил там после извержения, которое случилось около тридцати лет назад. Но опять же, карта старая... сотканная сто лет назад, задолго до того, как гора Альба последний раз извергалась. Я пристально рассматриваю город у подножья вулкана. Я ничего о нем прежде не слышал. Все карты в школе были современными и рисовали их правительство. Вот место под названием Гора Тенистая, и другое название Водопады Кэрроу, а вот...

У меня замирает сердце.

У основания вулкана стоит городок под названием ЯНТАРНЫЕ ХОЛМЫ.

Я бросаюсь к столу и хватаю мамино фото. Я переворачиваю его и читаю нацарапанную там надпись: Лощина, Тенистый лес, Янтарный холмы.

Я вновь переворачиваю фотографию и внимательно смотрю на неё. Семья моей мамы стоит в лесистой долине, и позади деревьев виднеется гора Альба. Так она выглядела до того, как случилось извержение. Острым пиком.

Когтем.

Это должна быть она! Это самая примечательная гора рядом с Серым Волком, куда ушли Люсинда с остальными, и где мама, тетя и Киран познакомились. Это не может быть просто совпадением. Я уверен, что именно туда они доставили «Ору», до того как пропали. К тому же это самое подходящее место для лаборатории, знакомая местность, да еще и нет ни единой души вокруг. Вроде бы это хорошие новости, но у меня сводит желудок. Я снова смотрю на гобелен.

В последний раз я видел гору Альба на карте в гетто Легион; Гаррик рассказывал нам с новом концентрационном лагере Стражей, который будет построен у подножья. И тут до меня доходит, почему никто не мог связаться ни с Люсиндой, ни с остальными. Я знаю, где они.

Я поворачиваюсь к Ацелоту.

— Почини Транспортер, — говорю я. — Мы отправляемся в «Десятый».

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

---

notes

«Сломай ногу» — традиционное пожелание удачи театральному актёру перед выходом на сцену в США.

Хризалида — кокон, куколка (одна из стадий индивидуального развития насекомых с полным превращением; К. не питается и обычно полностью неподвижна или малоподвижна, на стадии К. происходит развитие характерных для имаго органов из имагинальных дисков личинок)

Атриум — в античном римском доме — главное помещение